Бестселлер ***Amazon***

КОЛИН БУТЧЕР

Молли и я

Невероятная история о втором шансе, или Как собака и ее хозяин стали настоящим детективным дуэтом

Собаки, спасающие жизни

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Колин Бутчер, отставной полицейский, в одиночку основал частное сыскное агентство по поиску пропавших и похищенных домашних животных, но быстро понял, что ему необходим компаньон. Знакомьтесь – Молли, очаровательная кокер-спаниель, оставленная хозяином и волею случая обнаруженная Колином на сайте приюта для домашних животных. Умная и обаятельная, она растопила его сердце, и с тех пор эти двое стали неразлучны. Благодаря детективным навыкам Колина вкупе с интеллектом, выдержкой и острым обонянием Молли из них получилась потрясающая команда, раскрывающая преступления по всей стране. От поисков Пабло, пушистого рыжего кота, пропавшего в Девоне, до раскопок сокровищницы с украденными драгоценностями в лесу на севере Лондона – дуэт переживает множество захватывающих приключений, встречая много новых друзей на своем пути.

- Колин Бутчер
  -
  - Первое дело Молли
  - Запах успеха
  - О том, как частный сыщик становится детективом по розыску домашних животных
  - Признаки перемен
  - Беспрецедентный проект
  - Удивительная собака
  - Тренировки в Брамбл-Хилл
  - Филлип, Холли и озорная Молли
  - Операция «Вернем Баффи»
  - Колокольчики
  - Собака и гадюка
  - Кот на лодке
  - Кошмар в Ноттинг-Хилле
  - Пропавшая кошка и ворчливый сосед
  - Молли и коты-эмигранты
  - Брикстонский беглец
  - Эпилог
  - Благодарности
- notes
  - 1
  - 2
  - 3

- ○ 4
- ○ 5
- ○ 6
- ○ 7
- ○ 8
- ○ 9
- ○ 10
- ○ 11
- ○ 12
- ○ 13
- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31

Колин Бутчер
Молли и я. Невероятная история о втором шансе, или Как собака и ее хозяин стали настоящим детективным дуэтом

Посвящается Дэвиду

Эти собаки настолько одаренные,
что могут преследовать преступников
по одному только запаху похищенных вещей.
Имя им – ищейки.

Джон Белленден

«История и хроники Шотландии»[1] *(1536)*

This edition is published by arrangement with Soho Agency, The Peters Fraser and Dunlop Group Ltd and The Van Lear Agency LLC

Colin Butcher
MOLLY AND ME:
AN EXTRAORDINARY TALE OF SECOND CHANCES
AND HOW A DOG AND HER OWNER BECAME
THE ULTIMATE PET-DETECTIVE DUO

Перевод с английского *Людмилы Каджелашвили*

ОГИЗ
Издательство АСТ

© Colin Butcher, 2019
© Л. М. Каджелашвили, перевод, 2020
© Оформление. ООО «Издательство АСТ», 2022

Первое дело Молли

Пятница, 3 февраля 2017 года, 9:00. Едва моя ассистентка Сэм успела занять место за рабочим столом, запустить компьютер и сделать глоток эспрессо, раздался телефонный звонок. В это время я готовился потренироваться с Молли в лучах утреннего солнца неподалеку от фермы Брамбл-Хилл. Сегодня моя кокер-спаниель проснулась в особенно игривом настроении — настолько, что опрокинула в коридоре любимую вазу «Lladro» моей девушки Сары, — и все еще страдала от избытка энергии.

– Детективное агентство по розыску домашних животных, — подняла трубку Сэм. — Мы можем вам помочь?

– Очень на это надеюсь, — мрачно ответили с того конца низким голосом. — У нас пропала кошка, Расти. Мы искали везде, где только можно, но она как сквозь землю провалилась. Мы совсем зашли в тупик в своих поисках, поэтому решили набрать вам.

Тим работал графическим дизайнером. Вместе со своей девушкой Жасмин, физиотерапевтом по профессии, он жил в городе Сент-Олбанс, в графстве Хартфордшир. Они во многом ограничивали себя, стараясь накопить на большой дом с двумя спальнями, а пока снимали скромную квартирку на первом этаже в безлюдном переулке. Оба любили кошек и с радостью приняли в свою семью маленькую Расти, котенка из приюта, черно-белого и медно-рыжего окраса, с миндалевидными глазами и длинным пушистым хвостом. Многие вещи все еще пылились в коробках, и квартира выглядела довольно загроможденной. Поэтому они часто выпускали кошку на улицу. Она бродила по подворотням, нежилась на песке на аллее возле дома и сидела на ступеньках у соседей, но всегда оставалась в поле зрения и возвращалась домой до наступления сумерек.

Однако в прошлую пятницу Расти не явилась на еженедельное угощение тушеной пикшей, что озадачило владельцев, ведь она обожала рыбу.

– Это так на нее не похоже, — сказал по телефону Тим. — Мы все выходные провели в поисках, искали на улицах и в парках, мы даже распечатали объявления и плакаты, но все без толку. Мы в полной растерянности.

– Мне очень жаль это слышать, — сказала Сэм. У нее тоже была кошка, и она искренне им сопереживала. — Вы можете на нас положиться. Я поговорю со своим боссом и перезвоню вам.

Она подбежала к раздвижному окну, подняла его и прокричала:

– КОЛИН! — оглушил нас ее крик.

От неожиданности мы замерли на лужайке перед домом.

– Зайдите ко мне после дрессировки. По-моему, я нашла для Молли первое задание…

Полчаса спустя я сидел в кабинете, обсуждая исчезновение Расти с Сэм, пока Молли спала, восстанавливая силы после тренировки. Я почувствовал, как у меня забилось сердце, когда моя коллега пересказывала свой разговор с Тимом, в общих чертах излагая обстоятельства пропажи питомца. Поскольку мы хотели, чтобы наше дебютное предприятие по поимке кошки увенчалось успехом, обстоятельства дела должны были быть как можно более благоприятными, и, казалось, этот случай удовлетворял всем требованиям. Во-первых, Расти была единственным питомцем в доме, а значит, я мог быть уверен, что получу образец именно ее шерсти. Это, в свою очередь, повышало шансы Молли точно уловить запах и потом сопоставить его с запахом пропавшей кошки. Во-вторых, крошка Расти пропала меньше недели назад, что увеличивало вероятность обнаружить ее целой и невредимой. Погода была на удивление теплой для начала февраля, что также было нам на руку, ведь любые осадки (дождь, снег или туман) или сильные порывы ветра могли развеять частицы запаха кошки по всей окрестности, что могло бы ввести в заблуждение чуткое обоняние Молли, моей сверхчувствительной собаки.

К счастью, как бывший военный, я неплохо разбирался в метеорологии и географии. До начала карьеры в полиции я более 10 лет провел на службе в Королевском флоте, что пробудило во мне интерес к наблюдениям за погодой, климатом и к изучению прибрежной навигации. Я жадно изучал все дисциплины, усердно трудясь в своей каюте на корабле Ее Величества «Illustrious», расширяя свои знания о воздушных массах, фронтальных системах и картографии, и стал своего рода экспертом. Я и не подозревал, насколько полезными окажутся эти знания в розыске домашних животных.

* * *

В декабре 2016 года Молли прошла интенсивный курс обучения распознаванию запахов в благотворительной организации «Medical Detection Dogs»[2] в Милтон-Кинс, и с тех пор мы с ней отработали сотни возможных сценариев развития ситуации в моем штабе на ферме Брамбл-Хилл, оттачивая навыки, необходимые для расследования первого потенциального дела. Я был уверен, что мы с Молли достигли требуемого уровня подготовки, но только когда я отправил несколько видеоматериалов о наших тренировках экспертам в «Medical

Detection Dogs», нам наконец дали зеленый свет.

«Исходя из того, что мы увидели, мы пришли к выводу, что вы оба готовы к первому настоящему розыску, – ответили они, отчего у меня по спине побежали мурашки. – Вы прекрасно работаете в команде, понимаете друг друга, и, насколько мы можем судить, вы хорошо подготовлены».

После телефонного разговора с Сэм я в полной мере осознал, что предо мной открылась реальная перспектива расследовать настоящее дело о пропаже кошки вместе с Молли. Я испытывал одновременно восторг и трепет. Я потратил столько времени – в общей сложности 5 лет – и кучу сил, чтобы довести до ума свою «революционную» идею о возможности выдрессировать собаку, способную выслеживать кошку по запаху, и в конце концов даже нашел идеальную помощницу. Теперь я отчаянно нуждался в заключительной проверке своей теории, чтобы доказать, что вся наша работа была проделана не напрасно.

– Вот мы и нашли, – сказал я Сэм, – кажется, мы и правда нашли первое дело для Молли.

– Это великолепно! – улыбнулась моя коллега.

В тот вечер около часа я проговорил с Тимом по телефону, выясняя дополнительные детали. Я пытался разузнать, были ли какие-нибудь причины, которые могли бы побудить Расти сбежать (серьезные перемены или потрясения, например, появление в доме агрессивной кошки), но Тим уверял меня, что, по его мнению, все было по-прежнему.

– На прошлой неделе умерла наша пожилая соседка по лестничной площадке, что довольно прискорбно, – сказал он, – но, кроме этого случая, ничего не припомню.

Какие были зацепки? Отмечать на карте района было нечего, но в то утро поступило два звонка из деревни, расположенной в нескольких километрах от дома Расти, от разных свидетелей. Очевидцы утверждали, что видели кошку, похожую на нее, у себя в садах.

– Я сомневаюсь, что это наша кошка, она никогда не забиралась так далеко, – признался Тим, – но мы все равно хотим, чтобы вы проверили, если можно.

– Я буду рад это сделать, – ответил я, прежде чем вскользь упомянуть, что меня будет сопровождать коллега – представитель семейства собачьих. – Мой кокер-спаниель Молли поедет со мной, – сказал я. – У нее неплохое обоняние, и она не бросается на кошек, поэтому может быть весьма полезна. Надеюсь, вы не возражаете.

Я намеренно преуменьшил ее достоинства, чтобы не создавать излишнего напряжения ни у Молли, ни у себя.

– Без проблем, – сказал Тим. – Все что угодно, лишь бы найти Расти.

В тот вечер я работал допоздна, просматривая цифровые карты, планы и фотографии района Сент-Олбанс, пока Сара спала рядом. Было важно узнать как можно больше об этом районе, чтобы повысить наши с Молли шансы определить местоположение заплутавшего питомца. Когда я почувствовал, что начинаю клевать носом, я выключил ноутбук и пошел, как обычно, проверить Молли. Она почувствовала, как я смотрю сквозь щелочку, подняла голову и лениво приоткрыла один глаз.

– У нас впереди длинный день, юная леди, – прошептал я, – поэтому я разбужу тебя рано утром.

– *Да, я знаю, пап,* – казалось, ответила Молли. – *Так, может, дашь мне немного поспать?*

Наши взгляды задержались друг на друге еще на несколько секунд, а затем Молли свернулась клубочком и снова задремала.

* * *

Мы вышли из дома в 5 часов утра. Прогноз погоды оказался верным, это был прохладный облачный день с легким ветерком – идеальные условия для поиска, как мне казалось. Сара тоже проснулась рано, она хотела проводить нас. Она долго наблюдала за нашими с Молли тренировками и хорошо понимала, как много для меня значит этот день.

«Надеюсь, у вас все получится, дорогая», – улыбнулась Сара. Я ушам своим не поверил: она нежно, но аккуратно погладила моего спаниеля по черной блестящей головке и пожелала ей удачи. Сара все еще не до конца смирилась с присутствием Молли в доме – честно говоря, она не любила собак, – и это было редким проявлением симпатии с ее стороны.

Собака с благодарностью приняла ласку, в ответ на добрые слова она щедро облизала ладонь моей девушки. Я усмехнулся про себя, представляя, как Сара бросится к антисептику, как только за нами закроется дверь.

Через 2 часа по возвращении из Западного Сассекса в Хартфордшир неподалеку от нового 4-этажного многоквартирного дома меня встретили Тим и Жасмин. Молодые, светловолосые, спортивного телосложения, на вид им было около 25, но во взгляде у обоих читалась уже знакомая мне безнадежность, как и у многих других моих клиентов. Любимый питомец пропал, и они места себе не находили от волнения.

Мой взгляд остановился на огромном плакате напротив окна. «ПОЖАЛУЙСТА, ПОМОГИТЕ, Я ПОТЕРЯЛАСЬ!», – гласила надпись. – «ПОМОГИТЕ МНЕ ВЕРНУТЬСЯ ДОМОЙ!»

Текст располагался на фоне красивой фотографии пропавшей

проказницы – очаровательной кошечки с милой мордочкой. Белый воротничок, лапки и два черных пятнышка вокруг глаз делали ее похожей на амазонку в маске.

– Далеко не все мои клиенты могут сделать это столь профессионально, – сказал я, имея в виду плакат.

– Навыки графического дизайнера могут иногда пригодиться… – ответил Тим, грустно улыбнувшись.

– …а наша Расти – мечта любого фотографа, – задумчиво добавила Жасмин.

Я последовал за ними в дом, оставив Молли в машине с ее любимыми игрушками (а сам, как всегда, краем глаза следил за ней). Я знал, что ее обоняние было бы перегружено различными запахами, если бы она оказалась в незнакомой квартире, а мне не хотелось лишний раз тревожить ее. Помимо этого, крайне важным было бы сосредоточиться исключительно на запахе Расти, если бы мне дали его образец.

Мы втроем обсудили план действий. В то утро Жасмин должна была пойти на работу – в понедельник в клинике всегда было много пациентов со спортивными травмами, – поэтому сопровождать меня и Молли предстояло Тиму. Нашим первым пунктом назначения должна была стать соседняя деревня, в которой дважды видели похожую кошку, но перед тем, как мы отправились в путь, я задал вопрос:

– Я знаю, это может прозвучать немного странно, Тим, но вы не возражаете, если я возьму образец шерсти Расти? – осторожно спросил я. – У Молли особая выучка, это собака-ищейка, никогда не знаешь, где она может учуять запах.

Я, конечно же, преуменьшал способности своей собаки, скрывая некоторые детали. Я намеренно занизил его ожидания, вместо того чтобы убедить в том, что привлечение ищейки гарантирует нахождение Расти.

– Да, пожалуйста, – ответил он. – Она сильно линяет. У нее вся лежанка в шерсти.

Я достал простерилизованную баночку из-под варенья и положил в нее комок светлой шерсти. Этого было бы более чем достаточно для удивительного чутья Молли.

* * *

Деревня Брумфилд представляла собой кучу домиков, окруженных акрами древнего леса. С краев тротуаров, расположенных по обеим сторонам дороги, свешивались проросшие нарциссы, лепестки и бутоны которых имели оттенок от ванильно-белого до яично-желтого. Черные дрозды, сооружая гнезда, перелетали с живой изгороди на кустарник с крепко зажатыми в клювах веточками. Мы припарковались у паба, я взял

Молли на специальный повод и застегнул на себе флисовую куртку с эмблемой нашей организации. В Брамбл-Хилл мы часто тренировались переключаться с «семейного» режима на «рабочий», и важной частью этого ритуала было облачение в форму. Я внутренне дрожал от волнения, но делал все возможное, чтобы выглядеть как настоящий профессионал. Однако Молли передалась моя тревога – она начала скулить и вертеться в своей клетке.

Когда мы с Тимом осматривали местность, поднялся сильный ветер, взъерошив нам волосы. «*А этого не было в прогнозе*», – подумал я. Взглянув на небо, я понял, что надвигается теплый фронт. Я знал, что это значит: ветреный день и вечер и ночной дождь. Я прикинул скорость ветра: оказалось, что осталось около 6 часов до того, как нам начнут досаждать первые капли.

– Нам действительно пора начинать, Тим, – сказал я, посмотрев на часы.

– Хорошо, – сказал он. – Давайте приступим.

Мы с Тимом быстро нашли те два сада, в которых предположительно видели Расти, – они были через дорогу друг от друга, и, к счастью, оба хозяина пустили нас на свои участки. Затем, глубоко вздохнув, (казалось, мое сердце вот-вот выпрыгнет из груди), я дал Молли понюхать образец шерсти Расти. Глаза Тима расширились от удивления и восхищения, когда я открутил у баночки из-под джема крышку и как обычно скомандовал *«toma»*, что означало «взять» по-испански, и поднес ее к морде Молли. Именно это слово было выбрано кинологами из «Medical Detection Dogs», поскольку оно нигде не использовалось и не звучало дома или на улице.

Молли вдохнула запах, застыла в ожидании команды к поиску, а затем свернула в первый же сад, ритмично размахивая хвостом.

– Ух ты… – сказал Тим, начиная догадываться, что Молли – не простая собака. – Вы специально ее… обучили?

– Да, – с улыбкой ответил я. – Но, Тим, хочу, чтобы вы знали, это ее первое настоящее задание, и обещать что-либо было бы неправильно как по отношению к вам, так и по отношению к Молли. Однако уверяю вас, она сделает все возможное, чтобы найти Расти.

В попытке учуять запах Молли искала всюду: она забиралась и под куст остролиста, и в парник, и за компостную кучу – но все напрасно. Она все чаще и дольше смотрела на меня. Как я помнил по нашим тренировкам, это означало, что обыск местности окончен.

«*Здесь нет никакой кошки, папа… пошли отсюда…*» – так

расшифровал я ее невербальное послание.

То же повторилось и во втором саду. Молли не удалось обнаружить никаких следов запаха Расти, и потому я сделал вывод, что Расти никогда здесь и не было – такова была вера в способности моей помощницы. Однако, когда я позвал собаку: «Молли, ко мне!» – я вдруг заметил черно-серо-рыжую кошку, на кончиках подушечек крадущуюся по лужайке. Когда она подошла ближе, я прищурился.

«*Боже мой,* – подумал я. – *Неужели это Расти? Нос Молли что, взял выходной?*»

– ЭТО ОНА! – пронзительно прокричала женщина из окна кухни. – Это та кошка, которую я видела!»

Тим подскочил от радости, но, когда он пригляделся к кошке, его лицо сказало все без слов. Молли тоже стояла неподвижно, этого было для меня достаточно, чтобы понять, что произошло.

– Это не она, – сказал Тим, сокрушенно качая головой. – Похожий окрас, но пятна другие. Кроме того, у Расти необычный наполовину розовый, наполовину черный нос. Я бы узнал ее где угодно.

Удрученные неудачей, мы поплелись в паб, чтобы выпить по чашке кофе, а в это время Молли с шумом выхлебывала воду из большой миски. Во время поисков ей нужно было много пить и часто отдыхать – я очень старался сделать так, чтобы она не переутомлялась. Я не хотел, чтобы она мучилась от снижения чувствительности обоняния, что также называют гипосмией, в результате которой она бы потеряла способность выделять из всех присутствующих запахов необходимый.

Тим же воспользовался моментом, чтобы поделиться новостями со своей девушкой.

«Пока без изменений, Джас, буду держать тебя в курсе», – написал он.

Для того, чтобы собрать больше сведений об исчезновении Расти, я решил копнуть глубже и расспросил Тима о соседях. Вновь всплыла тема смерти пожилой женщины, жившей с ним в одном доме, и я попросил раскрыть все известные ему детали. По словам Тима, она умерла естественной смертью, и через несколько часов ее забрала машина скорой помощи. Это обстоятельство заставило меня задуматься.

– Вы случайно не помните, в какой день умерла ваша соседка? – спросил я.

– Хм, дайте подумать, – ответил он, медленно загибая пальцы. – В пятницу. Да, точно, это было в прошлую пятницу.

– В тот же день пропала Расти, верно?

Тим на секунду изменился в лице, а затем нахмурился.

– Да… полагаю, это могло произойти. Я знаю, о чем вы подумали, Колин, но Расти боится машин. У нее они ассоциируются с поездками к ветеринару.

– Машины скорой помощи, как правило, имеют мало общего с обычным автомобилем, – объяснил я.

Во время службы в полиции я стал свидетелем множества внезапных смертей и видел десятки таких транспортных средств. По большей части это были большие, вместительные микроавтобусы с тонированными стеклами и откидными пандусами.

– Ну конечно! – сказал я. Сработала моя интуиция. – Подождете пару минут? Мне нужно сделать несколько звонков.

– Да, конечно, – ответил Тим, – пойду покурю на улице. Вообще-то я уже год как бросил, но сейчас опять начал, с тех пор, как Расти потерялась.

Я позвонил участковому терапевту. Он сообщил, что, поскольку женщине было за 90 и она находилась под его наблюдением уже долгое время, ее смерть сочли «ожидаемой», поэтому он смог констатировать ее на месте, без участия полиции. Затем тело женщины на машине скорой помощи увезли в морг, в Стоунбридж, расположенный примерно в километре от дома моих клиентов, и, по словам сотрудников похоронного бюро, большой темно-синий микроавтобус остаток дня находился на парковке возле офисов. Медленно, но верно пазл у меня в голове начинал складываться.

Я направился к автостоянке с теперь уже отдохнувшей помощницей, где застал сидящего на капоте Тима. Он сделал последнюю затяжку и метко бросил окурок в урну.

– Итак, – бодро начал я. – Я полагаю, что Расти могли увезти случайно.

Я пояснил, что есть большая вероятность, что Расти проникла в машину скорой помощи, возможно, по откидному пандусу, и в результате уехала. Хронология событий определенно совпадает, и, кроме того, это объясняет внезапный характер ее исчезновения.

– Следующая остановка – Стоунбридж, – сказал я, жестом приглашая Тима сесть в машину.

* * *

Администратор похоронного бюро подтвердила, что в тот день машина скорой помощи следовала по указанному нами маршруту, но никаких сообщений о найденной там кошке она не получала. Однако она допустила, что задние двери машины могли неоднократно открываться и закрываться, во-первых, во время остановки, а во-вторых, в процессе еженедельной чистки салона.

– Извините, вряд ли я смогу быть вам еще чем-либо полезной, – сказала она. – Но вы можете порасспрашивать сотрудниц почты, это напротив. Они в курсе всех новостей и сплетен. Но будьте осторожны, – усмехнулась она, – они заболтают вас до смерти, если вы дадите им волю.

Она была права. Дамы за стойкой с интересом отнеслись к нашей компании – ко мне, к Молли, а также к молодому человеку шести футов ростом, потерявшим бедную маленькую кошечку, – и, выслушав нас, согласились разместить один из плакатов Тима на доске объявлений. Когда я окончательно закрепил его кнопками на стене, вошел пожилой джентльмен, бросил взгляд на фотографию Расти и ахнул:

– Она сидела на нашем заборе сегодня утром, я в этом уверен, – заявил он. – Прекрасное существо с красивым пушистым хвостом. Помнится, моя жена говорила, что никогда не видела ее раньше. Ах да, и у нее был как раз такой причудливый нос…

Тим взволнованно схватил меня за руку. Возможно, моя догадка о вмешательстве в дело машины скорой помощи была верна.

– Вы могли бы проводить нас в свой сад? – спросил я.

– Дай мне сначала получить пенсию, дружок, – улыбнулся он. – Конечно же, я вас провожу.

Десять минут спустя я сидел рядом с красно-кирпичным домом мистера Реншоу с банкой в руке, во второй раз за день совершая с Молли знакомую процедуру. Втянув запах Расти, Молли помчалась за дом, в сад и через несколько секунд – БАМ! – приняла позу «лежать» посреди газона. Этому ее научили в «Medical Detection Dogs» – так Молли показывала ее дрессировщику, что уловила запах, в то же время не пугая кошек. «Лежать» означало лежать ровно, неподвижно и тихо, вытянув передние лапы, поджав задние, держать голову прямо и пристально смотреть на меня. Она дрожала от волнения и предчувствия «победы», ожидая награды за успех. Мое сердце билось как сумасшедшее. Мы часто практиковались на ферме Брамбл-Хилл, но Молли в первый раз проделала это для клиента в реальных условиях.

– Что это значит? – прошептал Тим, глядя на перевозбужденную Молли.

– Она показывает, что в этом месте высока концентрация запаха Расти, – ответил я, – мы можем с уверенностью сказать, что ваша кошка была здесь совсем недавно. Нам просто нужно выяснить, где она сейчас.

Пока ободренный Тим писал сообщение Жасмин, я дал Молли лакомство за выполненное задание: она сумела

сопоставить запахи, несмотря на то, что самой кошки поблизости не было. Кусочек кровяной колбасы в мгновение ока исчез.

Используя свои знания по метеорологии, я пытался понять, почему Молли припала к земле в самом центре сада и почему запах держался именно здесь. Я стоял точно на том месте, где лежала Молли, повернувшись навстречу ветру. Порыв устремился по направлению к ограде, я знал, что это повлекло бы за собой то, что воздух поднялся бы вверх, а затем волной прокатился бы по лужайке, относя запах к той точке, которую указала Молли.

«Какая ты умничка, Молли, – подумал я. – В яблочко!»

Поскольку Расти, скорее всего, находилась в непосредственной близости от нас, теперь было крайне важно, чтобы я полностью доверился Молли и применил уместные стратегические и методологические подходы. Прежде всего мы должны были, насколько это возможно, сузить область поиска. На той стороне улицы, где жил мистер Реншоу, было около 30 домов, а за их протяженными участками площадью по 60 футов каждый лежали акры сельскохозяйственных угодий. Нам нужно было предельно точно определить наиболее перспективную зону поиска, мы и так уже потеряли полдня в деревне, поэтому я решил провести Молли по усыпанной гравием дорожке, отделявшей сады от полей фермеров. Когда мы прошли пару смежных участков, я заметил, что она насторожилась и начала наворачивать круги. Я почувствовал, как кровь приливает к лицу от волнения, поскольку это было верным признаком того, что она что-то обнаружила.

– Тим, можно попросить вас постучать в дверь владельцев сада? – спросил я. – Молли стремится попасть внутрь, и нам нужно их согласие.

В первом доме, номер 36, жили две 80-летние сестры, которые, хотя и были несколько удивлены происходящим, с радостью позволили нам осмотреть свой участок.

«А бедные старушки могут ведь и пожалеть об этом», – подумал я, когда Молли, стрелой пролетев сквозь калитку, ринулась в один из самых ухоженных садов, которые я когда-либо видел.

– Боже мой, чувствую себя, будто попал на выставку цветов в Челси, – прошептал Тим.

– К тому времени, когда оттуда выйдет Молли, сад мало на что будет похож, – ответил я.

Моя отчаянная собака пронеслась мимо декоративных фонтанчиков для птиц и японских цветочных кашпо, вытаптывая по дороге аккуратный газон. Затем она взобралась на альпинарий, скашивая хвостом бутоны тонкого, словно бумага,

цикламена.

– Мне действительно очень неудобно, – сказал я старушкам. – Я могу прицепить ее на поводок, если нужно.

– Конечно же нет! – возразила одна из них. – Она очаровательна!

Затем Молли резко остановилась, развернулась на 180 градусов, направилась к свежевыкрашенному ограждению и начала скрести острыми когтями о темно-зеленые перекладины. Ее нервное возбуждение росло, и я должен был выяснить почему.

«О чем ты пытаешься сказать мне, Молли?» – подумал я, чувствуя себя в роли Шерлока Холмса, беседующего с Ватсоном.

«Мне нужно попасть в соседний дом, мне нужно попасть в соседний дом, – казалось, говорила она, словно ища в моем взгляде дальнейших указаний. – *Мне. Нужно. Попасть. В. Соседний. Дом».*

«Потерпи, Молли», – прошептал я.

Я заглянул за забор. На открытой веранде было два человека: женщина средних лет и мальчик-подросток, скорее всего, мать и сын. Они напряженно вытянули шеи, их явно напугал весь этот шум с соседнего участка. Их сад был не столь роскошным, как у пожилых сестер, отметил я про себя, однако его украшал величественный застекленный летний домик и большая деревянная терраса.

– Извините, можно зайти к вам? – прокричал я, попутно рассказав им краткую версию событий, а затем поспешил к главным воротам в сопровождении Молли и Тима.

Тем временем около участка собралась небольшая группка людей, в том числе одна из женщин из почтового отделения: новость о пропавшей кошке и собаке-ищейке явно разлетелась по округе.

Я сделал собаке знак продолжить. Молли пронеслась по газону участка 38, на ходу заглатывая корки бекона, брошенные птицам. Мы с Тимом спешили следом. Она запрыгнула на террасу, повернулась ко мне, встретилась со мной взглядом, со свисающим кусочком корки у рта показала мне самую выразительную позу «лежа», которую я мог себе представить.

– О, боже, она снова дрожит, – взволнованно прошептал Тим. – Она нашла ее?

– Секунду… – сказал я, на цыпочках пробираясь к летнему домику.

Я заглянул в слегка приоткрытую стеклянную дверь. В темном углу на синей подушке сидела кошка. Бело-черно-рыжая кошка с миндалевидными глазами и пушистым хвостом. И розово-черным носом.

– РАСТИ! – воскликнул Тим вне себя от счастья. – Кошечка моя!!! Молли нашла мою кошечку!!!

– Кошка? Не может быть… – протянул сын-подросток, явно не в курсе того, что все это время у них в летнем домике проживала кошачья особа.

– Вот что бывает, когда муж не закрывает дверь, – проворчала мать. – Бедняжка, – добавила она.

Однако через несколько секунд произошло непредвиденное. Возможно, напуганная криками ликования своего хозяина Расти внезапно выскочила из домика, свернула к калитке и бросилась на другую сторону переулка. Тим побежал за ней, перепрыгивая живые изгороди как олимпийский чемпион, и в конце концов достал ее из-под куста орешника. Я с Молли на поводке поспешил к ним. Он стоял на тротуаре, взяв Расти на руки, со слезами радости на глазах.

– Я не знаю, что сказать, – всхлипнул он. – Я просто не могу поверить, что вы нашли ее. Спасибо вам, Колин. Спасибо тебе, Молли. Огромное спасибо.

Далее последовали неожиданные аплодисменты толпы собравшихся зрителей.

– Это самое яркое приключение в нашей деревне за много лет, – сказал один из них смеясь.

– Лучше, чем «Миссия невыполнима», – усмехнулся другой.

Сестры из дома под номером 36 любезно пустили Тима и Расти внутрь, где она попила воды и опустошила пакетик с едой для кошек, любезно предложенный одним из соседей. Сидя за столом, Тим поделился прекрасной новостью с Жасмин (она была в поезде на пути домой; услышав, что все кончилось благополучно, она расплакалась), а затем рассказал ей о событиях дня.

Он объяснил, что Расти, скорее всего, попала в Стоунбридж на машине скорой помощи ритуального агентства, но в какой-то момент выпрыгнула. Затем в поисках укрытия, тепла, еды и воды – основных потребностей животного – она бродила по деревне, пока не поселилась в доме под номером 38. Это было очень умное решение с ее стороны. Летний дом послужил ей убежищем, а богатая белком кожура бекона и вода в фонтанчиках для птиц обеспечили выживание. «Колин отметил, что она очень умная кошечка», – сказал Тим Жасмин, одновременно смеясь и плача.

* * *

Когда Тим закончил разговор по телефону, я встал и попрощался со всеми, а затем пошел в направлении зеленого луга, неподалеку от сада за домом. Небо потускнело, затянулось темными облаками, но в моем воображении и сердце это был

прекрасный летний день. Когда все произошедшее улеглось в голове, у меня перед глазами словно повис туман. Четыре года назад я впервые решил найти и обучить собаку, способную разыскивать кошек, тогда я думал, что это займет у меня всего 6 месяцев. Я потратил сотни часов на изучение когнитивной деятельности собак, проехал тысячи километров, чтобы встретиться с ведущими специалистами страны в этой области, и преодолел массу трудностей. Так много людей твердили мне, что это невозможно, и намекали, что я глупец и просто живу в плену своих иллюзий.

Однако теперь в этом крошечном уголке Хартфордшира я наконец-то получил подтверждение моей теории, и, используя наши детективные навыки, мы с Молли, словно Холмс и Ватсон, решили дело и поспособствовали воссоединению питомца и его владельцев. Я взял на себя роль стратега и аналитика, опираясь на свой опыт полицейского для оценки вероятностей и возможностей, связанных с местонахождением Расти, а также для установления достоверности и надежности свидетелей. Моя спутница Молли оказалась идеальным компаньоном – энергичная, целеустремленная и одаренная удивительным природным талантом, – работая в команде, мы провернули операцию искусно и профессионально.

Я опустился на колено и осторожно коснулся ладонью морды Молли, зная, как сильно она любит мои прикосновения. «Ты можешь в это поверить, Молли? – я улыбнулся, она слегка прикусила мою ладонь. – Мы с тобой только что взяли и нашли нашу первую кошку!»

Оглянувшись, чтобы убедиться, что мы остались одни, я вскочил и радостно прокричал «ДА!» изо всех сил. Поначалу Молли это смутило, но затем она тоже подскочила и начала лаять «*ДА!*» на собачьем. Мы оба прыгали по полю, как пара безумных мартовских котов, совершенно не обращая внимания на только что начавшийся ливень.

Запах успеха

Впервые моя способность находить домашних животных проявилась летом 1989 года, когда я был констеблем полиции в графстве Суррей. В первые годы службы, будучи патрульным, я столкнулся почти со всеми видами преступлений: от нападений до поджогов, от браконьерства до карманных краж. Я побывал в опасных ситуациях и столкнулся с множеством неприятных личностей. Пока я был новичком, меня в основном назначали на самые рядовые дела.

«Констебль Бутчер, вы ведь любите домашних животных, не так ли? Думаю, это дело придется вам по вкусу, – ухмыльнулся начальник патруля, вручив мне заявление о пропаже одним осенним утром. – Пожилая женщина из Фарнхэма написала заявление о пропаже кошки. Чокнутая на всю голову – думает, что сосед украл ее».

Он был прав, я с детства любил животных. У меня было много питомцев: собак, кошек, птиц и грызунов – но несмотря на это, я задался вопросом, так ли это дело важно, особенно для измотанных и вечно занятых констеблей.

– Разве это не пустая трата времени? – спросил я.

– Как раз наоборот, – ответил мой начальник. – Крайне важно, чтобы в этом округе наша деятельность была заметна, и неважно, будь то потерянный кот или сбежавшая собака. Это помогает нам заслужить уважение местных жителей. Так что за дело.

В то время я этого не понимал, но решение таких, на первый взгляд, пустяковых проблем очень помогло мне в дальнейшем. Знание окрестностей и доверие жителей очень помогало при расследовании серьезных преступлений.

Ирэн, седовласая леди, судя во всему, сильно за семьдесят, по-дружески улыбнувшись, открыла мне дверь. На ней было платье и передник с рюшами. По пути в гостиную я не мог не заметить множества пластиковых и керамических сувениров, в основном в виде кошек, которыми было заставлено все: от подоконника до каминной полки. На диванных подушках были вышиты котята, а над камином располагалась целая галерея изображений кошек разных пород и мастей, я подумал, что, скорее всего, это ее предыдущие питомцы. Словом, это был дом типичной преданной кошатницы.

«Прямо из духовки, – сказала она, поставив поднос с банановыми кексами на кофейный столик. – Угощайтесь, дорогой».

Поедая кексы, я расспросил Ирэн о ее кошке, которая, как я понял, пропала чуть больше двух дней назад. Она поведала, что регулярно ссорилась со своим соседом Клиффом, пенсионером, увлеченным садоводом, которому не нравилось, что маленькая Полли иногда принимала его грядку за кошачий лоток. Он регулярно бросался оскорблениями, что было поводом для начала перепалки, и, как следствие, отношения между ними становились все более и более натянутыми.

– Твоя мерзкая кошка снова вырыла мой лук, СНОВА! – воскликнул он однажды утром, в гневе размахивая своей лопатой.

– Это не более чем инстинкт, старый ты дурак! – парировала она. – Твоя земля уж точно не пострадает.

Когда исчезла обожаемая Полли, Ирэн сразу же заподозрила в случившемся Клиффа, обрушила на него обвинения, и вражда вспыхнула с новой силой.

– Хотите посмотреть, как выглядит Полли? – спросила Ирэн, протянув мне фото в маленькой серебряной рамке. С фотографии на меня глядела упитанная рыже-черная кошечка с круглой мордой и довольно-таки злыми ярко-зелеными глазами.

– Похоже, она умеет за себя постоять, – сказал я.

– Да уж, в долгу не останется, – усмехнулась Ирэн, – но Полли – натура нежная и любит людей. Она часто сидит на заборе и мяукает детям, когда те проходят мимо по пути в школу.

Вспомнив об этом, Ирэн задумалась, и улыбка исчезла с ее лица. Она грустно смотрела себе под ноги. Заметив, как была слаба и беспомощна старая леди, я почувствовал сою вину, что так небрежно отнесся к этому делу в разговоре с начальником. Для Ирэн это было важно.

– Я очень за нее переживаю, офицер, – сказала она, глядя на меня с надеждой.

– Постарайтесь не волноваться, – ответил я. – Я уверен, она найдется. Но мне нужно, чтобы вы рассказали мне, почему вы думаете, что ваш сосед может быть виновен в ее исчезновении.

Этот вопрос ее немного оживил, и она рассказала об инциденте, который имел место на этой неделе. Она и Клифф в очередной ругались через забор. Она пыталась отговорить его использовать большие дозы средств против садовых паразитов.

– Ты пытаешься отравить мою Полли! – твердила она.

В итоге ситуация так накалилась, что ей пришлось позвонить в полицию.

* * *

Я съел второй банановый кекс. Порой я работал всю 8-часовую смену без перерывов, поэтому я был не против таких перекусов. После этого я решил поговорить с заклятым врагом

Ирэн, чтобы услышать, что он думает обо всем этом. Клифф явно не ожидал увидеть полицейского на пороге своего дома. Когда я объяснил причину своего появления, его лицо побагровело, и он вытащил носовой платок, чтобы вытереть пот со лба.

Пригласив меня в дом, он рассказал, что действительно не был рад визитам Полли, но уж точно не угрожал ни ей, ни ее хозяйке.

«Женщина думает только о своей кошке, буквально одержима ею, офицер, – продолжал он. – На днях она обвинила меня в том, что я пытался отравить ее, хотя я всего лишь разбросал несколько шариков с пестицидами».

После недолгих уговоров он позволил мне обыскать его участок, более половины которого занимал драгоценный огород. Я воспользовался этой возможностью, чтобы подробно изучить гараж Клиффа, его оранжерею и сарай, в то время как Фарнхэмская версия Алана Титчмарша[3] нахваливал свои удостоенные наград артишоки. К сожалению, жуки, пауки и мокрицы – это все, что я здесь нашел.

Однако его щеки снова покраснели, когда я спросил разрешения осмотреть его подвал, дверь которого выходила прямо в сад.

– Есть ли у вас законное право на обыск? – поинтересовался он.

– Нет, – ответил я, – но, если бы я вас арестовал по подозрению в похищении кошки, у меня была бы возможность обыскать здесь что угодно. Так что можно мне заглянуть внутрь, пожалуйста?

– Ну что же, – вздохнул он, видимо, думая, что так просто от меня не отделается. – Будьте как дома.

Я открыл дверь погреба, и – *вуаля!* – из темноты показалась злобная, покрытая грязью пестрая кошка. Она прыгнула на корзину с мусором, пулей вылетела из подвала и взобралась на забор, прежде чем чуть позже прыгнуть в объятия своей восторженной владелицы.

Я уставился на хитроумного похитителя, который почесывал голову и переминался с ноги на ногу.

– Как вы это объясните, Клифф?

– Она пи́сала на мой пастернак, офицер, – сказал он. – Это было последней каплей – эту упрямую кошку пора было проучить!

Старик продолжил убеждать меня, что он намеревался держать Полли в подвале всего пару дней, и изо всех сил доказывал мне, что оставил ей достаточно еды.

– У меня ведь не будет из-за этого проблем, не так ли? – встревожился он.

– В этот раз, скорее всего, нет, – ответил я. – Но, я думаю, лучше бы вам понять вот что, Клифф: в этот раз я постараюсь все уладить с Ирэн, но, если от нее на вас поступит еще хоть один звонок, вы знаете, что я снова буду у вас, и тогда вам так просто это с рук не сойдет.

– Я понимаю, – пробормотал он. – Такого больше не повторится.

Я попрощался с ним и вышел из сада.

Через несколько секунд я услышал, как меня окликнули.

– Разрешите поинтересоваться, офицер… Могу ли я предложить вам и вашим коллегам коробку сигар «King Edward»? – крикнул Клифф. – Прямо от производителя.

– Спасибо за предложение, – ответил я. – Но, мне кажется, вам стоит выкурить эту трубку мира с вашей соседкой.

* * *

Всего за три года я дослужился до сержанта, и, помимо дополнительной ответственности, у меня появился личный состав, который я мог привлекать к расследованию конкретных дел. К моему удовольствию, я обнаружил, что к тому же могу тесно сотрудничать с кинологическим отделом. Чаще всего я прибегал к помощи немецких овчарок – вероятно, самых распространенных полицейских собак. Эти универсальные и выносливые «специалисты общего назначения» были обучены выполнять ряд различных задач: будь то выслеживание и удержание подозреваемых (иногда преступники впадали в ступор лишь от одного их грозного лая), помощь при спецоперациях по освобождению заложников или поиск пропавших. Овчарок поменьше и попроворней задействовали также и в других операциях. Так, некоторых ищеек натаскивали на распознавание запаха разлагающихся тел (для поиска трупов), а других – на обнаружение оружия и боеприпасов.

Одним из моих любимых представителей семейства собачьих в полиции был длинношерстный кобель по кличке Вольф, который за пять лет службы заработал отличную репутацию. Невероятно крупный и крайне важный, он, казалось, излучал силу и свирепость, способную напугать даже самых заядлых преступников.

«Никогда не вставай между Вольфом и объектом его преследования, – однажды предупредил меня один из сержантов, – потому что он и тебя не пощадит. Он кусает еще сильнее, чем лает, и это не шутки».

Одним пятничным вечером, в 1992 году, он помог мне задержать группу десантников, которые приехали в Фарнхэм из Олдершота на мальчишник. Когда они выползли из паба, сразу же

набросились на владельца фургона-закусочной с обвинениями – им очень не понравились бургеры, – и завязалась драка. Дело кончилось тем, что наклюкавшиеся новобранцы опрокинули фургончик вместе с его владельцем. Хулиганы скрылись в темноте, пронзительно хохоча над своим довольно жестоким и трусливым поступком. Свидетель инцидента позвонил в полицию. Я приехал на место происшествия вместе с Вольфом и его дрессировщиком Барри.

Владелец фургона, маленький приземистый грек родом с Кипра, каким-то образом сумел выползти через люк. Бедняга был ошеломлен и сбит с толку, в его кучерявых волосах запутался вареный лук, а белое пальто было залито соусом и напоминало картины Джексона Поллока. По улице покатились банки безалкогольных напитков, большинство из которых с радостью подобрали прохожие.

Кому-то это зрелище могло показаться немного забавным, но мне было не до смеха. Преступление было серьезным. Если бы этот парень, хозяин закусочной, не смог уклониться от летящей в него сковороды, он вполне мог получить ожоги опасные для жизни. Его буйных обидчиков нужно было поймать и быстро.

– Они пытались убить меня, – бормотал он, дрожа от потрясения и волнения, пока я вызывал по рации скорую помощь. – Те солдаты, они пытались *убить* меня.

– В каком направлении они скрылись, сэр? – спросил я, на что он указал на близлежащую улицу Уэст-стрит. Вольф, Барри и я двинулись по горячим следам. Мы прибыли ровно в тот момент, когда полдюжины парней худощавого телосложения, все, как один, стриженые под машинку, словно скалолазы, взбирались на 12-футовую кирпичную стену. Без сомнения, в армии они неплохо готовились к штурму, но, к несчастью для них, на этот раз они оказались в тупике. Им было некуда бежать и негде прятаться.

– ПОЛИЦИЯ! – крикнул я, когда мы подбежали к стене. – Ребята, у вас проблемы. Будьте благоразумны – сдайтесь.

Из-за стены послышался какой-то взволнованный шепот, пьяные смешки и фырканье.

– Перелезайте обратно и сдавайтесь, иначе я натравлю на вас полицейскую собаку, – продолжил я.

Услышав слово «собака», Вольф встал на задние лапы и зарычал, отчего Барри пришлось натянуть поводок, чтобы удержать гигантского пса.

Внезапно один из новобранцев кинул обломок кирпича, он пролетел в паре сантиметров от моей головы и с треском разбился о тротуар. Пришло время пустить в дело наш главный козырь. Я кивнул Барри и, как это часто бывало в подобных

ситуациях, отошел в сторону, наблюдая за слаженной работой собаки и ее дрессировщика. Барри ослабил поводок Вольфа и дал специальную команду, отчего тот начал лаять как сумасшедший.

«Вверх!» – последовала команда от Барри, и Вольф начал проворно карабкаться на стену. Барри подтолкнул его, чтобы тот смог перелезть во двор. Несколько секунд спустя мы услышали душераздирающие вопли солдат и собачий рык, доносящиеся с той стороны, – Вольф в своей неповторимой манере предлагал преступникам сдаться. Ошеломленные и разом отрезвевшие солдаты в разорванной одежде и со следами укусов переваливались через стену. Подоспевший к этому времени офицер запаса помог нам задержать их. За столь внезапно окончившимся мальчишником последовало пребывание под стражей в полицейском участке. И, что еще более важно, владельцу фургона была назначена компенсация. Типичные будни сотрудника правопорядка.

Когда полицейская машина увезла подозреваемых, Барри велел Вольфу вновь вернуться к нам, перепрыгнув через стену, что тот и сделал с присущим ему послушанием. В качестве поощрения он десять минут играл во фрисби на стоянке. Я не мог сдержать улыбку, наблюдая чудесное перевоплощение – в мгновение ока из злобного зверя этот пес превратился в игривую дворнягу с невинными глазами. Как только мы закончили играть, я похлопал по холке этого невероятного пса, ведь он бы хорошим мальчиком и отлично выполнил свою работу – помог нам схватить тех идиотов.

«Мы бы ни за что не справились без тебя, приятель, – сказал я улыбаясь. – Ни за что».

Работать с несравненным Вульфом было и честью, и привилегией. В моих глазах он был не просто полицейской собакой: он был бесценной неотъемлемой частью команды, он работал наравне с нами, а не просто следовал нашим указаниям.

* * *

В мае 1993 года меня перевели в департамент уголовного розыска Суррея – это было настоящим поводом для гордости. Долгие годы я мечтал стать детективом, меня всегда завораживала работа следственного отдела, и я был счастлив сменить полицейскую форму на элегантный синий костюм.

Мне было поручено возглавить управление по борьбе с преступностью в Гилфорде, которое занималось в основном контролем оборота наркотиков. В середине 90-х годов произошло увеличение трафика наркотиков, многие города и деревни в Суррее заполонили вещества класса «А», такие как героин, кокаин и экстази. К сожалению, в округе также наблюдался резкий рост

потребления тяжелых наркотиков, которые дилеры смешивали или «разбавляли» с целью увеличения прибыли. Мы с коллегами часто перехватывали партии, в которые были подмешаны дешевые добавки: от стирального порошка и пищевой соды до кирпичной пыли и кукурузного крахмала. Эта крайне опасная практика подвергала риску сотни жизней. Очищение улиц от этих подлых торгашей стало моим личным крестовым походом.

Каждый новый член моей команды должен был пройти недельное дежурство в местном наркологическом центре. Я хотел, чтобы они своими глазами увидели, как наркомания калечит жизни людей и как другие отделы упорно работают над ее искоренением. Я также хотел, чтобы мои офицеры знали, насколько важна их роль в подразделении по борьбе с наркотиками.

«Речь идет не только о том, чтобы поймать и наказать преступников, – подчеркивал я во время своих регулярных мотивационных выступлений. – Нужно добиться поддержки местных жителей для реальных, ощутимых перемен».

Мне очень повезло иметь в распоряжении великолепную команду детективов и специально обученных розыскных собак, способных обнаруживать наркотики. Большинство из них были служебными кокер-спаниелями, словно созданными природой для этой роли. Помимо интеллекта, покладистого характера и ловкости, этим удивительным собакам присуща феноменальная скорость работы и выносливость при поиске. К тому же они обладают обонянием в 10 000–100 000 раз острее, чем у человека, что позволяет им идти по следу и обнаружить запах, который человек бы даже не уловил.

Кроме того, благодаря их навыкам, они зачастую справляются быстрее и эффективнее с прочесыванием пространств или пересеченной местности, чем обычный полицейский. Я пришел к выводу, что сверхчувствительный нос кокер-спаниеля был одним из лучших инструментов в нашем отделе, если не главным козырем современной полиции.

Собаки, которых обучали находить наркотики, проходили интенсивную подготовку в полицейском управлении Суррея, чтобы получить сертификат о пригодности к работе. Собак обучали распознавать запахи веществ. После каждой удачной находки в качестве награды им позволяли порезвиться с любимыми игрушками.

В перерывах между задержаниями мне нравилось болтать за чашкой чая с кинологами. Они с удовольствием рассказывали о приключениях и подвигах своих собак. Они явно обожали своих подопечных, между ними устанавливалась тесная эмоциональная

взаимосвязь, несмотря на то, что формально животные принадлежали отделу. И совсем не секрет, что большинство кинологов всю свою профессиональную жизнь проводят в вольерном комплексе.

* * *

Я всегда испытывал большую симпатию к кокер-спаниелям – мне нравился их характер, преданность и жизнерадостность, так что работать с ними в отделе по борьбе с преступностью было сплошное удовольствие. Я регулярно задействовал их в рейдах по изъятию наркотиков и с трепетом наблюдал, как они зачастую втискивались в самое крошечное и труднодоступное место, чтобы найти закладку. В отличие от собак «общего назначения», эти собаки-ищейки не были обучены проявлять агрессию, но благодаря свойственным им энергии и энтузиазму они идеально подходили для выполнения такого рода задач.

Я понял, что некоторые собаки по своим способностям опережают других, поэтому я обращался к определенному дрессировщику, когда мне становилось известно, что его будет сопровождать нужная мне ищейка. В частности, в фокусе моего внимания оказалась талантливая Рэйнбоу – темно-каштановый кокер-спаниель с янтарными глазами, которая, приветствуя нас, по обыкновению забавно перекатывалась по полу. Она работала в тандеме с Джоном, у них были самые высокие показатели в полиции Суррея. Я помню, как однажды с открытым ртом наблюдал, как эта удивительная собака отыскала под матрасом тайник с амфетамином, завернутым в несколько слоев фольги и сверху облитым соусом чили, чтобы сбить с толку любой нос. Преступник полагал, что он обведет полицейских вокруг пальца, но он явно недооценил мастерство Рэйнбоу.

У Джона и Рэйнбоу было полное взаимопонимание, будто на уровне мыслей. Всякий раз, когда мне приходилось координировать важный антинаркотический рейд, я обращался за помощью к этому опытному дуэту и был очень расстроен, если по какой-либо причине они не могли поехать.

«Извините, сержант Бутчер, но сегодня их назначили на другое дело», – сказал инспектор, отчего у меня сжалось сердце.

Именно это я услышал в августе 1994 года, когда получил наводку, что заядлый преступник по имени Даррен занимался торговлей наркотиков класса «А». Он не так давно вышел из тюрьмы по УДО и явно не боялся вернуться обратно. Мы подозревали, что он также «разбавлял» свой товар, поскольку в этом районе участились случаи передозировки.

«У него в день больше клиентов, чем в букмекерской конторе в день скачек», – прокомментировал один из наблюдателей,

следивший за его квартирой, за это время превратившейся в проходной двор.

Казалось, будто один человек поднял целую волну преступности, и я был полон решимости вернуть Даррена обратно в камеру. Условно-досрочное освобождение означало, что за любой повторный проступок его, недолго думая, отправят обратно в тюрьму.

Он жил в захудалом районе. Мы тщательно продумали сценарий обыска квартиры, назначив его на раннее утро, и, естественно, я попросил помощи у Джона и Рэйнбоу. Однако незадолго до моего утреннего совещания с поисковой группой мне сообщили, что Джон задействован в другой операции. За ним была закреплена и другая собака-детектор огнестрельного оружия – спрингер-спаниель по кличке Спарки, и их уже записали в участники спецоперации в Уокинге. Сказать, что я пал духом – значило не сказать ничего. Я по-прежнему продолжал готовиться к рейду, но мне пришлось взять на замену собаку и кинолога, которые, по моему мнению, уступали Джону и Рэйнбоу.

«ПОЛИЦИЯ, НИ С МЕСТА!» – спецотряд ворвался в квартиру Даррена. Увидев едва открывшего глаза подозреваемого, я про себя отметил: «Не сильно он изменился с тех пор, как я видел его в последний раз». Это было на скамье подсудимых в Гилдфордском Королевском суде. Тощий и долговязый, с бледным рябым лицом и бесцветными волосами, хромой на одну ногу, он был одет в белую футболку и серые спортивные штаны – то, в чем он ходил не снимая.

«Доброе утро, Даррен, – сказал я. Он посмотрел на меня с презрением. – Рад видеть вас снова. Мы осмотримся здесь, если не возражаете».

После того как он дрожащими руками взял у меня ордер на обыск, я отдал поисковой группе команду приступать. В квартире было сыро и грязно, обои отставали, ковры стерлись, мебели практически не было. Если ее обитатель и загребал деньги с продажи наркотиков, как мы подозревали, он точно тратил их не на ИКЕА.

Несмотря на то, что мы вместе с собакой перевернули все вверх дном, к середине дня мы все еще не нашли тайника с тяжелыми наркотиками. Мы обнаружили только маленький пакетик с марихуаной («Для личного употребления», – клялся Даррен) и кучу типичной атрибутики наркоторговца: весы, фольга и сигаретная бумага. Все это приравнивалось к мелкому правонарушению – не то обвинение, которое я хотел ему предъявить, но, с другой стороны, это давало мне возможность арестовать подозреваемого, что дало бы время на доскональный

обыск квартиры.

Даррен оставался невозмутим. «Да говорю же вам, мистер Бутчер, ничего здесь нет, – неторопливо повторял он, проводя рукой по грязным волосам. – Я встал на праведный путь, я даже собираюсь найти работу. Вы зря тратите время».

Когда часы пробили полдень, я был еще более разочарован. На поисковые операции уходило много времени и ресурсов, и у бескомпромиссного начальника возникнут ко мне вопросы. Однако, основываясь на полученной информации, я по-прежнему был убежден, что в помещении находились сильнодействующие наркотики. Нужно было лишь найти их.

Я неохотно начал сворачивать операцию: распустил бóльшую часть поисковой команды, включая собаку-ищейку, как вдруг мне по рации передали сообщение, что кто-то хочет встретиться со мной на парковке.

На месте, к моему удивлению, я увидел Джона, облокотившегося на капот своей патрульной машины, и Рэйнбоу, покорно сидевшую у его ног.

– Работа со Спарки закончилась раньше срока, сержант, так что мы решили заглянуть к вам на тот случай, если поиски не принесли результатов, – сказал он. Вам все еще нужна наша помощь?

– Да, черт возьми! – ухмыльнулся я, приглашая их подняться за мной.

Я должен сказать, что видел кухни и получше, чем у Даррена. Каждый сантиметр в этом длинном и узком пространстве был покрыт грязью от пола до потолка, она был завалена пустыми мусорными контейнерами и немытыми кастрюлями. Подоконник был оплетен паутиной, а за грязным стеклом бились мухи в ожидании свежего воздуха и свободы.

Интуиция подсказывала мне возобновить поиски именно здесь, и я дал полную свободу действий Джону и Рэйнбоу. Последняя нетерпеливо тянула поводок, полностью сознавая, что у нее есть работа, которую нужно выполнить. Вслед за ними офицер привел в комнату Даррена в наручниках: присутствие подозреваемого при обыске – стандартная процедура.

«Хорошо, начнем здесь», – сказал я Джону. Он посмотрел на собаку и дал команду: «Рэйнбоу, искать!» Из-за его акцента «Рэйнбоу» прозвучало как «Рэмбо», что, как мне казалось, вполне подходило для этого крепкого и бесстрашного спаниеля.

Джон методично открывал каждую дверцу и ящик шкафа. Блестящий черный нос Рэйнбоу обнюхивал каждый уголок. С ее умом и проворством ей не нужны были ежесекундные указания. Джон просто наблюдал за ней, фиксируя изменения позы и

интерпретируя язык тела. Я настораживался каждый раз, когда она начинала кругами вертеться, как будто почуяв что-то, но было понятно, что она еще не нашла «сокровище».

Этот прилежный маленький спаниель, казалось, сильно волновал Даррена, он становился все более нервным.

«Ненавижу чертовых собак, – пробормотал он, свирепо глядя на Рэйнбоу, шумно фыркавшую у холодильника и вокруг его потрепанных кроссовок – У меня на них аллергия. Смотрите, я начинаю покрываться сыпью!»

Не обращая внимания на подозреваемого, театрально задравшего штаны повыше – его методы отвлечения были слишком наивными для меня, – я дал знак Джону слегка изменить тактику и поднять нашу ищейку повыше.

Услышав команду, она ловко вскочила на меламиновую столешницу и начала лавировать между горами грязной посуды, словно преодолевая полосу препятствий. Я заметил, что Даррен не сводит с нее глаз. Он ухмыльнулся, когда Рэйнбоу, поскользнувшись на грязи, чуть не упала, но, когда ее внезапно потянуло к плите, улыбка с его лица исчезла.

Встав на задние лапы, она пронзительно взвизгнула и отчаянно начала скрести по вытяжке из нержавейки над плитой. Затем намеренно коснулась ее мордой и пристально посмотрела в глаза Джону, который, в свою очередь, перевел взгляд на меня. Рэйнбоу словно показывала нам: «Тепло!» – как ее научили на тренировках. Это было сигналом к тому, чтобы мы продолжили поиски в этом направлении.

Джон ослабил винты вытяжки и осторожно снял ее со стены, обнажив при этом прямоугольник из темно-синих плиток.

– Что, черт возьми, вы делаете?! – крикнул Даррен, уже покрывшийся липким потом. – У вас нет права разбирать мою вытяжку!

– Она тебе какое-то время не понадобится, – ответил я. – Будешь питаться в тюремной столовой, если повезет.

Услышав это, Даррен ударил ногой по мусорному ведру и разошелся вереницей ругательств в нашу сторону, но в этот момент его схватил офицер.

К сожалению, на плитках не было ни трещин, ни дырочек, которые могли бы указать на то, как их можно поддеть. Но внезапно проскочивший через кухонное окно солнечный луч осветил круглый отпечаток на одной из верхних плиток. Он был похож на следы от наклейки или пластиковой присоски. Я огляделся и заметил потертое кухонное полотенце, свисавшее с крючка на круглой присоске на холодильнике. Оно выглядело совершенно неуместно на этой грязной кухне с десятками

немытых тарелок.

«Дьявол в деталях, – такой совет дал мне бывалый детектив из Йоркшира Эндрю, который рассказал мне о многих тонкостях своей работы, когда я только поступил в отдел уголовного розыска. – Ты должен быть внимательным, парень. Это все, что тебе нужно, чтобы держать плохих парней за решеткой, где им и место».

Я снял присоску, прошел через кухню и затаив дыхание прислонил ее к плитке. *Попался!*

«Идеально подходит! – подметил Джон. – Ты словно принц из сказки с туфелькой Золушки в руках!»

Разместив присоску, я легонько дернул за нее, тем самым убрав плитку со стены. Надев пару силиконовых перчаток, я просунул руку в отверстие и нащупал что-то металлическое и продолговатое. Я осторожно достал предмет, им оказалась ржавая коробка от боеприпасов. Я поставил ее на стол.

Даррен пробормотал что-то себе под нос, а резвая Рэйнбоу, покрутившись вокруг хвоста, села и посмотрела на Даррена.

Внутри ящика – *аллилуйя!* – лежали скрученные в рулон банкноты вместе с четырьмя полиэтиленовыми мешочками с белым порошком. Я достал из кармана пиджака криминалистический комплект для осмотра места происшествия, вынул из пакета немного вещества, а затем опустил в пробирку. Через несколько секунд жидкость в ней приобрела темно-оранжевый оттенок – явный признак того, что это был героин. И, как будто этого было недостаточно, под пачкой денег я нашел записную книжку в кольцевом переплете, пролистав которую, обнаружил сотни контактов.

Даррена немедленно арестовали за хранение наркотиков класса «А» с целью их продажи, и к концу недели он снова оказался в тюрьме. Когда его вывели из квартиры, он нелепо попытался ударить меня, крича, что он никогда раньше не видел эту металлическую коробку и что мы, чертовы копы, подставили его. А что касается этой чертовой любопытной собачонки…

«Я уверен, что ты не видел эту коробку раньше, Даррен, – сказал я, подняв брови, – но тебе придется объяснить, как твои отпечатки пальцев попали на записную книжку».

Учитывая все обстоятельства, результаты рейда были крайне хорошими: район теперь был освобожден от опасной угрозы, и мы, вероятно, предотвратили сотни передозировок, возможно, даже несколько смертельных случаев. Данный обыск также подчеркнул важность наличия в отделе первоклассных собак-ищеек. Бывало, сотрудники наркоконтроля часами обыскивали дом, иногда даже сутками, и все равно не находили никаких

наркотиков благодаря изворотливости владельцев. Но от чуткого носа профессионально обученной собаки их не утаить, а носов лучше, чем у Рэйнбоу, не так уж и много.

Теперь, когда Даррена увели, Джон воспользовался случаем, чтобы как следует отблагодарить свою собаку – игрой на лестничной клетке с любимой игрушкой. Я с улыбкой наблюдал, как он, бросая в стену старый пожеванный теннисный мячик, заставлял Рэйнбоу подпрыгивать, как акробата, прежде чем поймать его зубами.

«Так держать, девочка!» – улыбнулся он. Она шумно бегала по лестнице вверх-вниз.

Стоя здесь и наблюдая за очаровательной игрой человека и собаки, я поддался грусти. Рэйнбоу очень напоминала мне Тину, черно-белую дворнягу, которую я взял из «Королевского общества по борьбе с жестоким обращением с животными» в Саутгемптоне несколько лет назад. До того, как ее спасли, над ней издевались – ее нашли прикованной цепью к гниющему ящику. В результате у нее появилось много проблем поведения. Однако как только я окружил ее любовью, заботой и вниманием, я словно вырастил прекрасного питомца, азартного товарища и замечательного компаньона. Когда я служил патрульным, Тина иногда сопровождала меня в ночную смену, тихонько сидя на заднем сиденье, когда мы выслеживали преступника или совершали операцию «в штатском». Я был убит горем, когда в 1990 году у нее случился сердечный приступ, и сейчас, при виде Рэйнбоу, того, как она резвится на лестнице, на меня нахлынули все эти воспоминания.

Полчаса спустя уставший кокер-спаниель свернулся калачиком на диване в гостиной Даррена, втиснувшись между мной и Джоном. Пока мы ждали, когда приедет полицейский фотограф – необходимая формальность после рейда, – мы мило болтали об ищейках, с которыми он взаимодействовал на протяжении долгих лет. Мне нравилось слушать рассказы кинологов: они были счастливы вернуться в прошлое и с гордостью делились эпизодами и интересными историями. Я всегда стремился перенять их знания и опыт – одна мысль об этом приводила меня в восторг. Они охотно отвечали на все мои вопросы, будь то «Какая собака лучше всего подходит для поисков?» или «Сколько лет может служить собака?».

Но в тот день у меня к Джону был другой вопрос.

– Надеюсь, что не задену тебя этим вопросом, но ты служишь гораздо дольше меня. Как так вышло, что ты все еще констебль? Почему ты никогда не подавал заявление на повышение?

Его ответ был по существу и от чистого сердца:

– Все довольно просто, – ответил он. – Если бы меня повысили, то перевели бы в другой отдел и мне пришлось бы бросить своих собак. Не могу себе этого представить.

Джон посмотрел на спящую собаку, и я заметил, что у него слегка дрогнула губа.

– Я обожаю этих животных, сержант, будь то Рэйнбоу, Спарки или все те, кто был до этого. Они преданные, любящие – это лучшие товарищи. Как могу я их бросить?

* * *

Через несколько лет меня повысили до инспектора сыскной полиции и перевели в отдел по расследованию особо тяжких преступлений, который занимался расследованием убийств и делами, связанными с организованной преступностью. К сожалению, эта должность также означала, что я должен был посещать бесконечную череду стратегически важных совещаний, учебных курсов и семинаров, которые отвлекали меня от оперативной деятельности. После долгих раздумий и осознания того, что мой энтузиазм к работе угас, весной 2003 года я решил уйти в отставку. Я служил в Королевском флоте 11 лет, а в полиции – 14 (в общей сложности 25 лет службы Королеве) и чувствовал, что настало время перемен.

Другой причиной было мое желание открыть собственное детективное агентство. Работая в полиции Суррея, я консультировал такие крупные корпорации, как «British Petroleum» и «British Airways» по делу о внутренних махинациях, и, когда «BP» пригласила меня работать на них в качестве частного консультанта, у меня наконец появилась мотивация «уйти на вольные хлеба» и основать собственный бизнес. Поступая таким образом, я бы пошел по пути, который действительно интересовал меня, и я бы посвятил гораздо больше времени тому, что любил больше всего: расследованию и раскрытию преступлений.

Однако перед отставкой мне очень хотелось раскрыть одно последнее дело с Джоном и Рэйнбоу. Пара негодяев украла прожекторы с территории Гилдфордского собора, и несколько недель спустя я получил наводку, что их пристроили в качестве ламп для обогрева на ближайшей ферме по выращиванию каннабиса. Естественно, я снял трубку и позвонил Джону. «У меня есть отличная работа для тебя и Рэйнбоу, – сказал я. – Встретимся на Риджмонт-роуд в 6 утра».

Нашей отважной маленькой ищейке потребовалось всего 30 минут, чтобы найти эту «наркоплантацию», она была по-хитрому скрыта на чердаке заброшенного здания, и в течение следующего часа мы нашли и конфисковали 200 кустов конопли и отправили

их в полицейский участок Гилфорда.

Поскольку утро было ясное и солнечное и я понимал, что, возможно, это последний раз, когда вижу свой любимый дуэт, я предложил прогуляться на вершину Кафедрального холма. Взобравшись наверх, мы с Джоном присели на ветхую скамейку, чтобы полюбоваться движением и крышами Гилфорда, а Рэйнбоу носилась по траве, гоняясь за пчелами и бабочками.

– Мне очень жаль, что ты уходишь, шеф, – сказал Джон, опустив глаза. – Думаю, мы хорошо потрудились, очищая этот город от наркотиков.

– Лучшая ищейка в Суррее сильно этому поспособствовала, Джон, – ответил я. – Только подумай о том, сколько наркотиков она нашла и сколько жизней спасла.

– Тонны наркотиков, – ответил Джон, не выпуская Рэйнбоу из виду. – Но если ее ужалит какая-нибудь пчелка, от нее будет мало толку на этой неделе, не так ли?

Он вытащил из кармана истертый теннисный мячик и швырнул его вниз по склону, чтобы Рэйнбоу бросила травлю пчел и отправилась в погоню за своей любимой игрушкой.

Внезапно рация Джона ожила – моего коллегу вызвали в Фарнхэм. Произошло ограбление на заправке, в ходе которого было применено огнестрельное оружие. Хотя подозреваемый и был задержан, оружие так и не нашли. Вторая ищейка Джона, Спарки, была нужна на месте происшествия.

Услышав знакомое шипение помех, Рэйнбоу, тяжело дыша, устремилась к нам и уселась прямо перед Джоном в предвкушении следующего задания.

– Извини, девочка, эта работенка не для тебя, – улыбнулся он, засовывая рацию обратно в карман, прежде чем снова пристегнуть Рэйнбоу к поводку. – Думаю, мне пора, шеф, – сказал Джон, пожимая мне руку. – Может, еще увидимся.

– Не сомневаюсь, – ответил я, ласково потрепав собаку за ушами. – Продолжай в том же духе!

Он моментально спустился вниз к машине, Рэйнбоу следом за ним. Через несколько секунд он уже мчался по Чейз-роуд, ворвавшись в пучину красно-голубых огней и воющих сирен.

Хотя я и сгорал от нетерпения начать карьеру частного сыщика, я знал, что мне будет очень не хватать этого энергичного дуэта. Думая об этом, я даже не подозревал, что скоро и у меня будет свой четвероногий коллега.

О том, как частный сыщик становится детективом по розыску домашних животных

К тому времени, как я открыл собственное сыскное агентство осенью 2003 года, жизнь классического сыщика сильно преобразилась, в первую очередь, благодаря техническому прогрессу. Прошли те времена, когда люди в темных плащах прятались за углом и подглядывали сквозь дырки в газетах. Вместо этого профессионалы, мои коллеги, просматривают записи с камер видеонаблюдения или изучают оставленные преступником следы онлайн в режиме реального времени. Старинные методы слежки, конечно же, никуда не пропали. Лучшие частные сыщики по-прежнему обладают аналитическим складом ума, подкованы юридически, умеют решать проблемы, но с наступлением цифровой эры изменилось многое.

Моя работа никогда не давала мне скучать. На прошлой неделе ты проводишь служебное расследование для всемирно известной компании, а на этой пытаешься взыскать сотни тысяч фунтов, потерянные в результате мошеннической сделки. Иногда мне поручали проверить достоверность резюме кандидата, претендовавшего на высокую должность, или уличить недобросовестного сотрудника в воровстве. Спрос на мои услуги был так велик, что мне пришлось обучить помощника, умного и сообразительного Стефана из Словакии. Он занимался технической стороной дела, а я сосредоточился на стратегическом планировании и поддержке клиентов в ходе наших расследований.

Основной поток заказов составляли корпоративные заявки, но ко мне также обращались и состоятельные клиенты. Принимать звонки от подозревающих в измене супругов (а в 95 % случаев подозрения были оправданы) или от обеспокоенных внезапным исчезновением детей родителей стало частью моих будней.

«Тоби сейчас где-то в Таиланде, он брал машину в аренду, а сейчас ее обнаружили в какой-то канаве. Он не отвечает на звонки и, скорее всего, накачался наркотиками до чертиков, – позвонил мне сотрудник инвестиционного банка в Лондоне. – Его мать в истерике. У меня нет времени его искать – мне нужно закрыть сделку. Могли бы вы выяснить, где он?»

Шаг за шагом расследование привело меня в коммуну хиппи

в Чианграе, где 18-летний парень скрывался после того, как разбил машину (он управлял автомобилем под действием экстази). Местные власти обычно без особого внимания относились к хулиганящим британцам, но после долгих попыток уладить конфликт и «маленькой безобидной лести» мне удалось вернуть его обратно в Великобританию, где он встретился со своим разгневанным отцом и растроганной матерью. Иногда я чувствовал себя скорее «решалой», чем частным детективом.

Но мне поручали разыскивать не только сбежавших подростков. Многие обеспеченные клиенты содержали дорогих домашних животных: экзотических птиц, охотничьих собак или породистых скаковых лошадей – я принимался за дело всякий раз, когда они пропадали или становились предметом имущественных споров.

В полиции я расследовал пару преступлений против животных, в частности серию отравлений домашнего скота и похищение породистых щенков из гостиницы для собак. Однако в конце 2000-х случился бум преступлений, связанных с домашними животными, и мы со Стефаном заметили, что много времени стало уходить на расследования преднамеренных краж, урегулирование споров о собственности и предотвращение незаконной продажи животных.

Например, с нами связался крупный землевладелец из Беркшира, его управляющий решил отомстить за увольнение, украв вожака охотничьей стаи. Кассий – а именно так звали самца английского фоксхаунда – умел мастерски направлять других гончих, а поскольку он также был «альфа-самцом», стоил около 10 000 фунтов стерлингов. Заказчик не хотел привлекать полицию (я не спрашивал почему) и вместо этого попросил меня закинуть пару удочек и посмотреть, кто на них клюнет.

Стефан проследил за девушкой управляющего фермы и выяснил, что она работает в загородном пабе. Следующим вечером я решил пропустить там пинту-другую, в то время как мой коллега прочесывал местность неподалеку. Едва я успел сделать глоток, как в паб вошел наш подозреваемый. Он выглядел растерянным и помятым, будто не ночевал дома. Через несколько минут я получил сообщение от Стефана – он нашел собаку. Оказалось, что управляющий жил в старом фургоне и привязал Кассия к машине.

«Тебе чертовски повезло, что твой бывший босс не хочет подавать на тебя в суд», – отчитал я его, прежде чем присоединиться к Стефану и Кассию на улице. Всю поездку обратно в Беркшир собака грызла подголовник моего коллеги, отчего тот разразился тирадой ругательств на родном языке, что

немало меня позабавило.

Следующим стал случай с Леди Джемаймой, богатой наследницей, которой достался дорогой и «статусный» скакун по кличке Золотой Бегун. За двухлетним жеребцом, жившим в конюшне в Северном Йоркшире, ухаживал местный конюх. Он получал за это огромные деньги. Однако, когда эта сильная лошадь утратила способность побеждать и стала раз за разом приходить последней, владелец заподозрил неладное. Это была породистая лошадь самого высокого класса, а не какая-то никудышная кляча – что-то тут не складывалось. Джемайма попросила меня разобраться в этом вопросе.

Вскоре я понял, что это дело пронизывали ловко расставленные сети лжи и подлости. Золотого Бегуна намеренно плохо тренировали перед скачками против более выносливых лошадей, чтобы поставить их в более выгодное положение. Конюх получал огромные взятки за то, что повышал шансы соперников занять прибыльные призовые места.

«Не думаю, что мой жеребец сможет занять первое место в эту субботу, а вот твой вполне», – подмигнул мошенник и сунул взятку в карман.

Джемайма пришла в ужас, когда я доложил ей об этом, и незамедлительно уволила двуличного, лицемерного тренера. Золотого Бегуна перевели в конюшню с хорошей репутацией, и после пары недель ухода и надлежащей подготовки он продолжил занимать первые места.

* * *

Непреднамеренно зарекомендовав себя в качестве агента по розыску животных, я решил создать отдельную компанию, которой я бы мог управлять наряду со своим агентством частного сыска. Детективное агентство по розыску домашних животных «UK Pet Detectives» открыло свои двери в понедельник 3 октября 2005 года, накануне дня Святого Франциска, покровителя животных.

Моей первой задачей было нанять нового сотрудника, который мог бы стать душой нашей команды. Стефан, хоть и был опытным оперативником наблюдения, не питал большой любви к животным и предпочитал выслеживать коварных мошенников, а не пропавших шнауцеров.

«Требуется офис-менеджер для нового агентства по розыску домашних животных в Крэнли», – гласило объявление, которое я поместил в местной газете. За неделю я получил почти сотню заявок, из которых отобрал полдюжины высококлассных кандидатов. Сэм шла последней в списке, но через пару минут после начала собеседования я понял, что она идеально подходит

для этой работы. Настоящая английская красавица с каштановыми волосами, она уверенно отвечала на все мои вопросы и производила впечатление остроумной и способной женщины. Руководя местным филиалом «Королевского общества по борьбе с жестоким обращением с животными» в течение десяти лет, она накопила огромный багаж знаний о поведении животных, а ее сильной стороной было управление персоналом. Ее теплота и спокойствие были именно тем, что я искал. Когда она приняла мое предложение о работе, я был счастлив.

Мы решили организовать нашу штаб-квартиру на ферме Брамбл-Хилл в Западном Сассексе. Прекрасное поместье площадью 200 гектар принадлежало моему старому другу Джеймсу, который в течение 30 лет разводил здесь коров и овец, а также владел небольшим охотничьим угодьем и несколькими конюшнями. Однако крайне опасная вспышка коровьего бешенства вынудила его свернуть свой животноводческий бизнес и сдать бóльшую часть своих владений и хозпостроек в аренду фермеру, разводящему альпак. Когда он любезно предложил воспользоваться своим просторным переоборудованным амбаром для моего начинания, я решил не упускать такую возможность.

– Вот что я вам скажу, Колин, – сказал он, когда мы распивали бутылку домашнего сидра на кухне в его доме на ферме, – я отдам тебе амбар бесплатно, если ты сможешь организовать охрану фермы. Договорились?

– Договорились! – ответил я без колебаний.

Прохладным осенним утром Стефан, Сэм и я впервые подъехали к нашей новой штаб-квартире. Наш фургон был набит мебелью, компьютерами и офисной техникой. Джеймс показал нам поместье, и, когда мы стояли на балконе, а наша одежда развевалась на ветру, мы смогли оценить эти места и искренне восхититься открывшимся нашим глазам пейзажем. Зеленые, словно бархатные холмы тянулись до горизонта насколько хватало глаз, покрытые голубовато-серыми реками и ручьями. Слева от нас лежали грушевые и яблоневые сады, а справа благоухали лиственные леса, граничащие с лугами, где паслись альпаки. Это был настолько разнообразный и пестрый пейзаж, что на него можно было смотреть часами напролет.

Джеймс также поведал нам, что ферма Брамбл-Хилл была излюбленным местом диких животных, а потому мы запросто могли встретить лис, кроликов и ланей прямо рядом с офисом. Кроме того, поместье было настоящей находкой для рыбаков и любителей понаблюдать за птицами: его реки изобиловали форелью, окунем и раками, а небо – множеством хищных и певчих птиц.

«По двору бродит старый кабан, – сказал он, – но вам лучше держаться от него подальше, неизвестно, что взбредет ему в голову».

Я заметил, как Сэм и Стефан ухмыльнулись. Я знал почему. Это описание отлично подходило и Джеймсу.

Помимо идиллического пейзажа вокруг, наш новый офис имел много преимуществ – он был практичным и удобным с точки зрения логистики. Наличие конюшен и загонов с надежными замками и видеонаблюдением означало, что мы могли предоставить животным временное убежище. Непременно возникнут ситуации, когда нам придется в течение нескольких дней ухаживать за найденными собаками или лошадьми, а на ферме имелись все условия для содержания и было довольно безопасно. Пользоваться услугами частных конюшен или приютов, как правило, было слишком рискованно.

Поместье находилось на границе трех графств: Суррея, Хэмпшира и Западного Сассекса – довольно-таки выгодное для нас расположение. Мы были недалеко от городов и деревень на юго-востоке (большинство из которых насчитывали внушительное количество домашних животных), а также в часе езды от Лондона, где жили и работали многие мои частные клиенты.

Как только мы устроились в нашем новом офисе, еще одной важной задачей, которую я должен был решить, было то, как мне стоит распределить свое время между двумя компаниями. После обсуждения с Сэм и Стефаном было решено, что мы сократим количество предоставляемых услуг, таких как проверка благонадежности сотрудников, выдача судебных документов и взыскание задолженностей ниже 250 000 фунтов стерлингов. После того, как я закрою все свои текущие дела, я останусь главным контактным лицом для наших долгосрочных клиентов. Стефан возьмет на себя решение всех новых дел, а я время от времени буду помогать ему при расследовании более рискованных и сложных заказов. Сэм же займется наведением справок, взаимодействием с клиентами и ведением учета, а также воспользуется своей сетью контактов, чтобы распространить информацию о нашем новом агентстве. Я буду заниматься всеми делами по розыску животных, распределяя свое время поровну, уделяя внимание каждой компании по мере необходимости.

Затем мы с Сэм перешли непосредственно к работе, сосредоточив свое внимание на четырех различных типах дел: кража собак, пропажа кошек, преступления, связанные с лошадьми, а также фиктивные благотворительные организации и приюты для животных. Последние, к сожалению, все чаще начали встречаться в Интернете – для обмана наивных благотворителей.

К нам поступило несколько звонков от заинтересованных лиц, пожертвовавших деньги на таких сайтах и обнаруживших, что их средства попросту прикарманили мошенники.

Сэм оказалась восхитительным сотрудником. Благодаря ей наше дело активно развивалось, и за 9 месяцев количество звонков с просьбами найти пропавших домашних животных утроилось. В течение первых пяти лет мы нашли несчетное количество пропавших собак, среди них были: Бакстер – спрингер-спаниель, который потерял своего хозяина в густом лесу, а позже был украден проезжавшим мимо автомобилистом, и Берти – джек-рассел-терьер, которого похитили с конюшни. Последнее было одним из наших самых простых дел: собака пропала сразу после того, как курьер местной компании по производству кормов для животных привез заказ, и Сэм использовала все свое обаяние, чтобы узнать имя водителя. Через полчаса мы нашли Берти в саду за домом разносчика.

«Так держать, Сэм!» – похвалил я ее, впечатленный работой, которую она проделала.

Кроме этого было еще несколько примечательных дел, одно из которых началось с телефонного звонка от дамы из Бирмингема, которая увидела нашу рекламу в Интернете.

– Моего попугая жако украли, – пожаловалась она, а после сообщила, что получила наводку о том, что его видели в Суиндоне в 80 километрах от дома. – Вы должны знать, – пояснила она, в ее голосе был слышен сильный акцент, – Понго – говорящий попугай. Он повторяет всякую ерунду. Например, часто кричит «Астон Вилла!» – это футбольный клуб, и я большая его фанатка. Он кричит это весь день, каждый день.

Похоже, эта дама хотела, чтобы я поехал к дому, о котором шла речь, и подслушивал разговоры его обитателей до тех пор, пока не услышу любимую фразу Понго. И таким образом возьму похитителей с поличным.

– Я посмотрю, что можно сделать, – сказал я, размышляя, как же я сообщу Стефану новость об этом странном задании.

Наш IT-гуру был не в восторге от необходимости сидеть под окном дома в Уилтшире в течение трех часов, вооружившись высокотехнологичным устройством слежки, и выжидать, когда же прозвучит футбольная кричалка этого попугая. Сквозь занавески он смог разглядеть серую птицу, сидящую на перекладине, но она не издавала ни единого звука, не говоря уже о том, чтобы крикнуть «Астон Вилла!». По всей вероятности, кто-то просто обознался.

Та вылазка Стефана действительно была напрасной тратой времени. В тот же день мне позвонил фермер из Вустера,

который, увидев наши плакаты с пропавшим попугаем, понял, что порхающий под крышей его амбара и издающий очень странные звуки «голубь» на самом деле был каким-то более экзотическим пернатым. Потрепанного Понго осторожно поймали и, наконец, вернули благодарной хозяйке.

Однако не каждое дело можно раскрыть, и часто не по нашей вине. Однажды зимой нам позвонил чрезвычайно взволнованный рекламный агент, устроивший фотосессию для известного модного дома в Вест-Энде. Их главным реквизитом был Монтгомери – двухкилограммовый королевский питон, который, к всеобщему ужасу, нашел способ сбежать из своего террариума, где его оставили на ночь.

«Мы не знаем, где эта чертова змея, у меня кровь в жилах стынет!» – в панике кричал позвонивший мне агент.

Через час мы со Стефаном уже были на месте, успев по дороге проконсультироваться с экспертом по рептилиям. Он рассказал, что в естественной среде обитания королевские питоны поджидают своих жертв в норах, свернувшись клубком, они охотятся на землероек, песчанок и кроликов, когда те возвращаются в свои дома.

«Я бы начал поиски с кухни или ванны, так как он, вероятнее всего, направился прямиком к воде», – сказал он, предложив мне проверить трубы и полости в стенах и вызвать водопроводчика, что я и сделал.

Прибыв на место, Стефан, сантехник и я увидели, как 20 до смерти перепуганных сотрудников трясутся на улице, отказываясь возвращаться в студию, пока мы не поймаем Монтгомери. Мы втроем подняли пустой змеиный террариум и направились прямо в столовую, нам казалось логичным начать поиски с нее. Только мы начали устанавливать наше оборудование и разбирать раковину, как вошел охранник.

– Извините, господа, но, боюсь, вам придется уйти, – сказал он.

– Что вы имеете в виду? – ответил я. – Вы знаете, что где-то здесь есть змея?

– Боюсь, это приказ моего босса. Он боится, что новость об этом инциденте попадет в прессу, а это совсем ни к чему перед началом рекламной кампании. Так что, пожалуйста, покиньте здание и пришлите нам счет.

Следующие несколько минут мы с ним спорили:

– Что хуже: слегка подпорченная репутация или разгуливающий на свободе питон? – пытался достучаться я, но безрезультатно.

Мне так и не пришлось узнать судьбу Монтгомери. Я

надеюсь, что его поймали и он нашел себе новый дом. Конечно, это был бы наилучший исход, я не хотел думать о плохом.

* * *

Неважно, касалось ли дело сбежавшего питона или потерянного пуделя, наше агентство старалось относиться к клиентам и очевидцам со всей серьезностью и уважением. Мы ведь не просто так назвались «Частным детективным агентством, специализирующимся на розыске похищенных и пропавших домашних животных».

Однако далеко не все воспринимали нас всерьез. За это мы, конечно, должны были бы сказать спасибо голливудской картине с Джимом Керри в главной роли. Его образ в фильме «Эйс Вентура: Розыск домашних животных» (1993)[4], возможно, и сделал картину лучшим образцом комедийного жанра, история про украденного дельфина собрала более 100 миллионов долларов по всему миру и принесла Керри международную славу, но его клоунская манера и хаотичные методы работы все же вредили моему агентству. Я не могу сосчитать, сколько раз потенциальный свидетель, открывавший мне дверь и слышавший, что я детектив по розыску домашних животных, цинично усмехался, стоило мне только представиться.

– Прямо как Эйс Вентура?

– Это что, какая-то шутка? – спрашивал другой, с трудом сдерживая смех глядя на мою униформу. – Я и не знал, что есть такая профессия.

Мы надеялись, что наш деловой подход поможет нам укрепить имидж и избавиться от клейма, которое поставил на профессии персонаж, сыгранный Джимом Керри. Поначалу некоторым людям было довольно трудно воспринимать нас всерьез, но вместе с нашей репутацией росло и доверие к нам. Со временем любые отсылки к Эйсу Вентуре стали для нас всего лишь безобидными шутками. В полиции у нас была поговорка, которую мы сочинили, глядя на блестящие серебряные пуговицы наших синих униформ, – когда младшим офицерам приходилось несладко, опытные полицейские говорили: «Пусть это просто отскочит от твоих пуговиц», что означало «не обращайте внимания на скептиков и не принимайте все близко к сердцу». Отличный совет, к которому я часто прислушивался.

В течение 2012 года агентство продолжало расследовать дела, связанные с собаками, но они становились все более страшными и загадочными. К нам обратилась знаменитость, чтобы найти своего черного лабрадора, который, как он опасался, был украден мстительным родственником. Я отправился в его дом на севере Англии, чтобы установить факты, и, сопоставив все

улики, пришел к выводу, что бедный пес встретил безвременную, неподобающую и, возможно, болезненную смерть. Когда я сообщил плохие новости хозяину, он рухнул в кресло и разрыдался, расстроенный тем, что никогда больше не увидит своего любимца.

«Зачем ей убивать мою собаку? Пес был моим лучшим другом», – всхлипнул опечаленный хозяин.

Это было действительно печальное дело, и, возвращаясь домой, я чувствовал себя ужасно, потому что не смог помочь.

Мы также оказались втянуты в крайне неприятное дело, связанное с похищением спрингер-спаниеля из Тьюксбери, оказавшимся на щенячьей ферме на юге Англии. Во время расследования мы тщательно наблюдали за этим ветхим сараем и были потрясены, обнаружив, в каких условиях содержали собак: тесное замкнутое пространство почти без еды и света. И вдобавок к этому услышали жалостливые всхлипы и поскуливание, которые внезапно прекращались после выстрела дробовика. Осознание того, что люди могут быть столь жестоки, разбило мне сердце, я пребывал в депрессии несколько дней.

Вскоре и наша собственная безопасность оказалась под угрозой. Эти чудовищные торговцы собаками не гнушались шантажа и запугивания, и стоило агентству передать о нарушителях информацию в полицию, на нас начали охоту. Кто-то разбил лобовое стекло моей машины, за Стефаном увязалась банда головорезов, от которой он едва сбежал, а Сэм начали приходить письма с угрозами. Когда мне позвонили с неизвестного номера и спросили, давно ли я проверял тормоза, это стало последней каплей.

«Все, с меня хватит, – вздохнул я, удаляя очередную угрозу с автоответчика. – Я больше не хочу иметь никаких дел с преступниками».

Розыск и помещение под следствие этих отвратительных похитителей собак сказывалось на моем агентстве и его трудолюбивых сотрудниках, и я даже начал бояться, что кто-то из них может пострадать. Я решил, что положу этому конец. Отныне все случаи кражи собак будут подвергаться строгой оценке, и, если дело покажется слишком опасным, мы посоветуем хозяевам обратиться в полицию. Мы продолжим помогать в их раскрытии, но больше не будем действовать в одиночку. Это предоставило Стефану больше времени для работы с частными клиентами и позволило нам с Сэм переключить наше внимание с собак на кошек.

* * *

Несмотря на то, что в поисках потерянных или украденных

собак мы явно преуспели, то же самое нельзя было сказать о розыске кошек. Из всех дел, за которые мы брались, мы находили питомцев живыми и здоровыми только в 30 % случаев. Чаще всего нам звонили спустя 48 часов после пропажи, что значительно облегчало поиск и сужало его область.

Мне особенно запомнился случай Сьюзи и ее кота Оскара потому, что это дело в итоге значительно повлияло на мою работу и на меня лично. Апрельским утром 2012 года, когда я кормил кур на ферме Брамбл-Хилл, в кармане моего пальто зажужжал мобильный телефон. Женщина на другом конце провода голосом, полным отчаяния, сообщила мне, что ее девятимесячная кошка породы бурмилла пропала. Это произошло в крошечной хэмпширской деревушке. После безуспешных поисков соседка безутешной хозяйки посоветовала ей обратиться в мое агентство. За все годы практики я редко слышал столь отчаянную мольбу о помощи: «Оскар – это мой мир, – всхлипнула Сьюзи. – Я ужасно волнуюсь, Мистер Бутчер. Я не смогу сомкнуть глаз, пока не узнаю, что с ним случилось».

Она объяснила, что Оскар – совершенно домашний кот и никогда раньше не выходил на улицу. Десять дней назад ее муж приоткрыл кухонное окно, чтобы проветрить комнату, и забыл закрыть его перед сном. На следующее утро Оскар не пришел к ним в постель, как обычно, а спустившись вниз, Сьюзи обнаружила открытое окно и начала паниковать. Несмотря на тщательные поиски в деревне и многочисленные расспросы, с тех пор его никто не видел.

Как правило, я не берусь за дело, если кошка пропала десять дней назад или раньше. Вероятность найти питомца значительно снижалась, и я не хотел вселять ложную надежду или выставлять клиентам счет за заведомо безнадежное дело. Но в голосе этой женщины была такая глубокая печаль, что я почувствовал себя обязанным помочь ей и на следующий день в семь часов утра стоял на пороге ее дома.

Сьюзи, женщина лет 30, с добродушным лицом и копной каштановых кудрей, проживала в милой деревушке Восточный Меон со своим мужем Майком. За чашкой «Эрл Грея» она ответила на мои вопросы об Оскаре. К расследованию дел о пропаже домашних животных я подходил очень внимательно и очень тщательно с криминалистической точки зрения, точно так же, как я занимался случаями пропажи людей, когда служил в полиции Суррея. Я разузнал многое о характере животного, его здоровье и распорядке дня. Это позволило мне составить подробный поведенческий профиль и гарантировать, что я не буду тратить драгоценное время на поиски в не том месте или в

неправильное время суток.

Однако, чем больше мы говорили со Сьюзи, тем больше я понимал истинную степень ее отчаяния. Тихим дрожащим голосом она рассказала, что в прошлом году пережила две личные трагедии, последовавшие одна за другой. Первая – потеря отца, которого сбила машина, а вторая – матери, которая так и не оправилась после смерти мужа и пять месяцев спустя умерла от сердечного приступа. Мало того, что она осталась совершенно разбитой, пошатнулось и ее психическое здоровье. Она была графическим дизайнером, работала из дома и часто ловила себя мысли, что смотрит на пустой экран компьютера, несмотря на приближающийся дедлайн. Ее мысли блуждали где-то далеко, а настроение становилось только хуже. Обеспокоенный состоянием жены Майкл изо всех сил старался поднять ей настроение, ломая голову в поисках подходящего средства.

– Вот тогда-то он и вернулся с работы с котенком, – Сьюзи улыбнулась и сняла фотографию Оскара с кухонной стены. – Конечно, ничто не могло заполнить пустоту от потери родителей, но он думал, что маленький компаньон поможет мне справиться с горем.

– Очень красивый, – сказал я, глядя в огромные мятно-зеленые глаза на фото.

Сьюзи была настроена скептически, у нее никогда раньше не было кота, но она влюбилась в Оскара с его мраморно-коричневой шерсткой и белоснежными усиками. Как только она вытащила его из сумки, он тут же замурлыкал, встал на задние лапы и стал тереться о ее руки.

Новый компаньон не отходил от Сьюзи: сидел у нее на коленях, пока она работала, ходил у нее в ногах, когда она готовила обед, и сворачивался в клубок рядом с ней ночью, словно большая пушистая запятая. Всякий раз, когда на нее накатывал очередной приступ тоски, ее пушистый друг, казалось, чувствовал это и прижимался теснее к шее своей хозяйки или начинал громче мурлыкать. У него также была привычка набрасываться на ее туфли и покусывать пальцы ног, она не сердилась, а улыбалась такой шалости любимца. К большому удовольствию Майка, Сьюзи и Оскар вскоре стали неразлучны.

– Похоже, он замечательный кот, – сказал я, на что моя клиентка печально кивнула.

Спросив обо всем, что мне было нужно, я приготовился начать поиски. Сьюзи согласилась остаться дома – она была измучена, десять дней бесплодных поисков отняли ее силы, и я пообещал держать ее в курсе всех важных событий.

– Спасибо, Колин, – сказала она, смахивая слезы и протягивая

мне пачку листовок с фото пропавшего кота, которые сама же и напечатала. – Я просто хочу вернуть своего Оскара.

Признаки перемен

Было необходимо непременно найти Оскара, и, выйдя на яркое апрельское солнце, я решил начать поиски в саду Сьюзи. Кухонная форточка находилась примерно на два метра выше уровня земли, поэтому Оскар вряд ли смог бы через нее попасть обратно в дом. Я расследовал несколько подобных случаев и знал, что в поисках безопасности и тепла он, вероятнее всего, нашел убежище где-то неподалеку. Судя по отсутствию очевидцев, весьма вероятно, что кота случайно заперли и он сейчас – невольный узник в одной из дворовых построек.

Я обыскал столько садов, сараев и гаражей, сколько смог, благо соседи оказались приветливыми и с удовольствием пускали меня внутрь. Это заняло много времени, ведь извилистые дорожки, ведущие к каменным домам с соломенными крышами, в этой в высшей степени благопристойной деревне зачастую пролегали через большие сады. И неприятнее всего было то, что, когда я наконец стучал в дверь, оказывалось, что жильцов не было дома, а это означало, что несколько потенциальных укрытий Оскара не были проверены.

К середине дня я не нашел никаких следов Оскара, и по мере того, как время шло, моя надежда найти его начала угасать. Я хорошо знал, что каждая минута на счету, когда после исчезновения кота прошло столько времени, и уже начал готовиться к сложному разговору со Сьюзи.

Однако одна постройка не давала мне покоя. Самый большой участок в Восточном Меоне, на котором стоял большой фермерский дом с бассейном на востоке, теннисным кортом на западе и, что более важно, просторным сараем за домом.

В то утро я уже дважды заходил в тот дом, но оба раза подъездная дорожка была пуста, и на мой стук никто не ответил. Однако, возвращаясь к Сьюзи во второй половине дня, я заметил синий BMW, припаркованный перед домом. Я пробежался по мощеной дорожке, постучал блестящим дверным молотком в дверь и скрестил пальцы. Примерно через минуту дверь со скрипом отворилась, и я увидел блондинку лет 50 в узких джинсах и кожаной куртке.

– Добрый день, – улыбнулся я, а после представился и показал листовку. – Я ищу пропавшего кота по кличке Оскар, и мне нужно проверить ваш сарай, вы позволите?

Дама смерила меня ледяным взглядом.

– Это раздевалка, а не сарай, – ответила она с аристократическим произношением. – Так или иначе вам незачем

заходить внутрь. Я видела плакаты, развешанные по всей деревне, и сама смотрела там. Уверяю вас, там нет никакого кота.

Меня это не остановило. Я был детективом с 30-летним стажем, и у меня было множество навыков общения со свидетелями, а мой внутренний детектор лжи сбоев почти не давал. Разговаривая со мной, эта женщина повернулась спиной к сараю и сказала много того, о чем я ее не спрашивал, что самое важное, отвела глаза, когда сказала про то, что сарай уже был ею осмотрен. Я был убежден, она не заходила туда несколько недель, что, в свою очередь, только усилило мое желание попасть внутрь.

– Если вы не возражаете, я бы все-таки хотел взглянуть сам… – вежливо произнес я.

Женщина сложила руки на груди и медленно покачала головой с явным недоверием.

– Это займет всего пять минут, обещаю, – поспешно добавил я, одарив ее дружеской улыбкой. – Хозяйка Оскара не находит себе места и просто хочет знать, что с ним случилось. Я был бы вам очень благодарен.

Слова возымели должный эффект. Она, вздохнув, покорно направилась в дом и вскоре вернулась, крутя вокруг указательного пальца серебряный ключ.

– Но я пойду с вами, – сказала она, приподняв брови, – и вам лучше поторопиться.

Она неохотно открыла раздевалку и впустила меня внутрь. Справа, освещенная лучом солнца, стояла большая пластмассовая коробка, внутри которой были принадлежности для бассейна: спущенный резиновый матрас, надувные круги, трубки и ласты. На металлическом стеллаже слева в тени стояли несколько терракотовых ваз с растениями и несколько аккуратно сложенных подвесных корзин, последние были отделены друг от друга бледно-зелеными джутовыми подкладками.

– Как видите, нет здесь никакого кота, – сказала женщина холодно.

Вдруг краем глаза я заметил, что одна из корзин слегка дернулась, затем я услышал едва уловимый шорох, сопровождаемый слабым мяуканьем. Через несколько секунд из плетеной корзины показалась крошечная лапка, отчего миссис «снежная королева» ахнула. На первый взгляд, его мех показался мне черным, отчего у меня упало сердце, но, когда животное выбралось из своего темного угла, я узнал его шерсть и огромные зеленые глаза. Это был Оскар.

Уставший и грязный, он сделал пару неуверенных шагов и рухнул у моих ног. Я осторожно поднял его и, не сказав ни единого слова владелице помещения, которая, вероятно,

съежилась от стыда, взял Оскара на руки и направился к машине. Кот практически не сопротивлялся моим действиям, не считая нерешительной попытки вцепиться в мою кофту. Бедняга был слишком слаб, чтобы дать отпор незнакомому человеку.

Я подошел к машине и осторожно положил дрожащего Оскара на пассажирское сиденье, нежно стряхнув паутину с его спутанной шерсти. Я медленно и аккуратно поехал в сторону дома Сьюзи, по пути позвонив ей, чтобы сообщить, что нашел ее кота, также подчеркнув, что мы должны немедленно отвезти его к ветеринару. Она ждала нас у ворот, с тревогой прижимая руки к груди.

«Мой Оскар!» – ахнула она, открыв дверь авто.

Это едва ли могло принести ей облегчение. Хотя она и была вне себя от счастья, увидев своего драгоценного питомца живым – он выжил, как я полагал, благодаря тому, что слизывал конденсат с окон раздевалки, – она очень переживала из-за его болезненного вида. Высокая температура, сухой нос и безжизненные глаза означали лишь одно – у нас на руках больной кот и ему срочно нужна помощь.

Сьюзи нежно подняла Оскара с сиденья машины, словно фарфоровую фигурку, прежде чем усадить его к себе на колени. Всю 20-минутную дорогу до ветеринарной клиники она не поднимала головы, и, остановившись на светофоре, я заметил, что по ее щекам текут слезы. Не считая того, что она указала мне дорогу к ветеринару, она почти ничего не сказала.

Я высадил их у входа, где нас уже ждала обеспокоенная медсестра, а сам припарковался неподалеку. Зайдя внутрь, я нашел Сьюзи, сидящую в одиночестве на одном из синих пластиковых стульев.

– Оскара сейчас осматривают, – сказала она.

– Пройдет около получаса, прежде чем они закончат осмотр. Если хотите, я могу остаться здесь, – предложил я.

– Это очень мило с вашей стороны, но Майк уже в пути, – ответила она.

Через несколько минут муж Сьюзи ворвался в приемную, и я решил, что мне стоит оставить их наедине. Я попрощался и отправился обратно в Сассекс.

Когда я ехал домой, в голове у меня стучало. Я злился на женщину, которая не удосужилась обыскать свой сарай, и на себя за то, что не нашел Оскара раньше. Я чувствовал себя опустошенным из-за того, что не смог сделать больше для Сьюзи; было тяжело видеть ее такой расстроенной, с мыслями о том, что худшее еще впереди.

«Проклятье… если бы только я нашел его раньше!» – сказал я

себе, ударив рукой по рулю.

* * *

Сьюзи позвонила мне на следующее утро и сообщила последние новости. Ветеринар диагностировал сильное обезвоживание, Оскар потерял более 50 % своего веса, что вкупе с недоеданием привело к значительным повреждениям органов. Из своего предыдущего опыта по выхаживанию пойманных кошек я знал: Оскар выжил благодаря разрушению клеток тела – это процесс, известный как катаболизм, – что увеличило нагрузку на его печень и почки.

Несмотря на то, что состояние кота оценивалось как стабильное, его единственным шансом на полное выздоровление был срочный перевод в специализированный лечебный центр в Лондоне. Ветеринар, однако, не мог дать никаких гарантий, что этот способ подействует и что больной Оскар выдержит двухчасовое путешествие. Но Сьюзи была непреклонна.

«Это будет стоить мне целое состояние, Колин, но я не могу иначе, – сказала она. – Обещаю, что буду держать вас в курсе».

Когда она позвонила мне во второй раз, по ее дрожащему голосу я сразу все понял. Состояние Оскара ухудшилось за ночь – у него начали отказывать почки, и ее вызвали в операционную, чтобы принять решение, которого боится каждый владелец домашних животных. Оскар лежал у нее на коленях, свернувшись калачиком, когда его усыпляли. Их связь прервалась навсегда.

Я пытался найти для нее правильные слова, сказал, что она сделала правильный выбор, что она была с ним, когда он умер, что она подарила ему прекрасную жизнь, но так и не смог облегчить ее горе. Я чувствовал, что безвременная потеря Оскара затронула глубокую рану недавней утраты. Образ моего брата Дэвида промелькнул в сознании, и мне стало ужасно грустно, что Сьюзи испытала столько боли за столь короткое время.

Когда его жена больше не смогла сдерживать эмоции, трубку взял Майкл.

«Пусть она и рассчитывала на другой исход, Колин, Сьюзи благодарна вам за помощь, – сказал он. – Если бы вы не нашли его, она не смогла бы как следует попрощаться».

Я положил трубку, откинулся на спинку стула и посмотрел в окно. Пышные луга фермы Брамбл-Хилл пестрели маргаритками, лютиками и клевером. За ними на горизонте серебряными лентами сверкали каналы Уэй и Арун. Высоко в небе над верхушками деревьев кружил одинокий канюк, готовясь схватить добычу.

Созерцание этой сельской идиллии обычно наполняло меня теплом и радостью: то, что здесь находится мой офис, было

благословением, но в этот раз я чувствовал только горечь и печаль. Сьюзи поверила в меня, и, несмотря на все мои усилия, я подвел ее. Если бы моя стратегия была более эффективной и продуманной, беднягу Оскара можно было бы вернуть на несколько часов раньше, и это могло бы все изменить. Я слишком долго прочесывал каждый сад, мне нужно найти более эффективный способ поиска, не жертвуя качеством.

«Ты не можешь допустить, чтобы это вновь повторилось, Колин, – сказал я себе. – Нужно что-то менять».

В то весеннее воскресное утро я дал себе обет. Пришло время воплотить мою давнюю идею в жизнь. Пришло время проверить мою новаторскую концепцию. Пришло время, наконец-то, найти себе собаку. Собаку, которая будет искать кошек.

* * *

Однако, чтобы не останавливать работу, я решил, что моему агентству следует заняться изучением поведения кошек гораздо более детально. Сэм со мной согласилась, зная, насколько я был подавлен после дела Оскара.

– Теперь, когда мы не так часто занимаемся кражами собак, нет причин, почему бы нам не посвятить больше времени кошкам, – сказала она однажды, когда мы выпивали в конце недели в пабе «Красный Лев» в Шемли-Грин. – Но единственный способ повысить нашу эффективность – это работать не покладая рук, – добавила она. – Нам нужно поближе познакомиться с кошками. Мы должны следить за тем, что они делают, куда они идут, с кем они взаимодействуют, почему они пропадают.

Моя коллега была права. Наши результаты оставляли желать лучшего, и, конечно же, нам еще предстояло многое узнать об образе мышления и повадках кошек. В течение вечера мы разработали план: далеко идущую стратегию, направленную на то, чтобы вооружиться как можно большим количеством знаний и информации.

«Назовем этот проект “Красный Лев”», – улыбнулась Сэм, и мы подняли бокалы.

В течение следующих нескольких недель мы корпели над справочниками о поведении кошек, изучили кипы научных работ и посмотрели множество документальных фильмов. Все это время расследованиями занимался Стефан.

Мы решили провести беспрецедентный эксперимент. Чтобы побольше узнать о реальном поведении кошек, мы выберем нескольких их владельцев и с их согласия прикрепим небольшие устройства GPS-слежки к ошейникам их питомцев. Затем мы проанализируем полученные данные и найдем ответы на важные вопросы: куда уходят кошки, когда они покидают свои дома, и

что они там делают?

Прежде всего мы должны были выбрать достойное место для наших исследований.

– Почему бы нам не сделать это здесь, в Шемли-Грин? – сказала Сэм, сделав глоток Шардоне.

– А почему бы и нет? Думаю, это место вполне подойдет, – ответил я.

Эта классическая английская деревушка могла похвастаться просторными зелеными лужайками, роскошным полем для крикета и множеством причудливых магазинов и закусочных, включая знаменитое кафе «Пестрая Курица». Работая здесь над предыдущими делами, я не мог не заметить, что здесь было необычайно много кошек. Куда бы я ни повернул, меня преследовали кошки – они следили за мной из окон, сидели на ступеньках или слонялись по мостовой.

Теперь нам требовалось найти волонтеров. Мы с Сэм развесили плакаты в магазинах, ходили по домам с листовками и размещали сообщения на местных сайтах.

«У вас есть кошка? Детективы по розыску домашних животных хотят лучше понять поведение кошек, и вы можете нам помочь», – гласили наши объявления.

С нами связались десять владельцев, но мы в итоге отобрали только троих. Мы специально старались выбирать крупных кошек, которые с легкостью могли носить GPS-устройства на своих ошейниках: Монти – послушный серебристый мейн-кун, Шемли – полосатая кошечка, жившая в деревне уже 10 лет, и Брэнсон – длинношерстный рыжий кот, названный в честь успешного бизнесмена, который когда-то жил в этих местах. Сам девайс был со спичечный коробок, но все равно был слишком громоздким для маленьких пород, таких как сиамская кошка или девон-рекс.

Как оказалось, мы невольно выбрали трех самых ленивых кошек в Шемли-Грин. Примерно через неделю анализ данных показал, что, к нашему большому разочарованию, эти безалаберные представители семейства кошачьих еле двигаются. Шемли, самая активная из троих, каждое утро уходила в дальний конец сада, где несколько часов лежала на крыше сарая, греясь на солнышке и охраняя свою территорию. Справив нужду в соседском саду, она возвращалась на кухню пообедать, дремала на диване, а потом повторяла весь этот цикл сначала. Такое времяпрепровождение наших подопечных не удовлетворяло задачам нашего исследования.

Но потом нам улыбнулась удача. Редактор местного глянцевого журнала «Гилдфорд» прочитал о нашем агентстве в местной газете и захотел взять у нас интервью. Я согласился, но

только при условии, что мы могли бы упомянуть о нашем проекте с намерением привлечь больше участников. Статья определенно произвела желаемый эффект – через несколько дней после публикации нам удалось набрать еще дюжину добровольцев.

«Мы бы с удовольствием приняли участие, – сказал местный школьный учитель, решивший позвонить нам после того, как прочел статью. – Наша маленькая Шеба все время где-то пропадает, и было бы интересно узнать, чем она занимается».

Некоторые жители деревни любезно разрешили нам установить камеры в их домах и садах, чтобы записывать передвижения кошек, я также установил несколько чувствительных к движению внешних камер близ деревни, чтобы следить за бродячими кошками.

И наконец-то мы начали получать по-настоящему интересные данные. Наша новая фокус-группа была гораздо более активной. Отсмотрев получившийся материал и проанализировав карты передвижения, полученные при помощи GPS-маячков, мы с Сэм пришли к удивительным выводам. Мы узнали очень много о повседневном поведении кошек, их привычках и передвижениях и, что особенно важно, об обстоятельствах, которые приводили к их переселению или исчезновению. Мы отметили, что некоторые кошки негативно реагировали на перемены в доме: появление ребенка или даже ремонт комнаты, а других прогоняли со своей территории более агрессивные кошки, вторгшиеся в их дом или сад.

Что удивительно, мы с Сэм обнаружили, что некоторые из кошек в Шемли-Грин придумали остроумный способ избегать конфликтов друг с другом: они по очереди пользовались территорией. Мы заметили, что днем территорию патрулировала кошка-лидер, в то время как ночью – более покладистая. Например, наша аппаратура запечатлела, как американский бобтейл по кличке Джордж с утра до вечера бродил по тихому тупику, обнюхивая деревья и заборы, а также околачивался под кормушками для птиц. Через несколько часов после того, как Джордж ушел, тощий сиамский кот по кличке Ског (шоколадного окраса с характерными пятнами в форме маски вокруг носа и ушей) начал патрулировать ту же территорию, крадясь вдоль живых изгородей и садов. Затем мы увидели, как он нервно принюхивается к меткам Джорджа и добавляет к ним свой аромат, а на рассвете исчезает. Метя территорию, кошки, таким образом, делились друг с другом маршрутами передвижения и данными о своем здоровье, возрасте и рационе питания.

– Для кошек это что-то вроде социальной сети, – сказал я улыбаясь, пока мы просматривали этот видеоряд.

– Ха-ха, а это идея! – подхватила Сэм.

Некоторые из камер запечатлели деятельность так называемых «кошек-нарушителей», которые пробирались в соседние дома в поисках пищи и убежища. Мы внимательно наблюдали за тем, как один пухлый британский короткошерстный кот по имени Норман каждое утро сидел на краю дороги, не сводя взгляда с дома через дорогу. Пара напротив каждый день уходила на работу в 6:30 утра, после чего Норман перебегал через дорогу, попадал внутрь через кошачий люк, шел на кухню, воровал немного кошачьей еды, а затем по-хозяйски носился по дому. Примерно за полчаса до того, как пара должна была вернуться домой, он выходил из задней двери, неторопливо переходил дорогу и возвращался в родной дом. Соседи были удивлены, когда я показал им видеозапись.

«Какой нахал! – отметил хозяин Нормана. – Неудивительно, что он такой толстый».

Так или иначе, распорядок дня кота не изменился, хотя, как я понял, часть запасов кошачьего корма владельцы Нормана стали отдавать соседям.

Однако не все кошки-нарушители были такими культурными. Через несколько недель после начала проекта «Красный Лев» наше внимание привлек слегка неопрятный длинношерстный серо-белый кот, который тоже пробирался в некоторые дома. Его мускулатура говорила сама за себя – он выламывал кошачьи заслонки и пролезал в окна. Он устраивал засады для других кошек, съедал их пищу и не стеснялся метить свою новую территорию. Он терроризировал всю округу, за что мы с Сэм окрестили его Титаном.

Одна семья невольно заперла этого грозного кота в своей подсобке, по ошибке настроив заслонку так, что кот не мог выйти. Когда семья вернулась домой после дневной поездки, они увидели сизо-серого кота и полный погром в комнате. Титану не понравилось, что его заперли, и он впал в бешенство, жалюзи на витражном окне были сорваны, содержимое корзины для белья разорвано в клочья, в комнате воняло кошачьей мочой. Едва дверь открылась, как Титан вылетел наружу и скрылся в ночи.

Другая семья, не ожидая новых знакомств в тот вечер, уютно устроилась на диване перед телевизором, где шел «В поисках Немо», когда в гостиную ворвался Титан. Одержимый тестостероном, он пронесся через всю комнату и попытался надругаться над их любимой породистой персидской кошкой прямо на ковре у камина. Они сцепились друг с другом так, что клочья шерсти полетели во все стороны, и в итоге отца семейства сильно поцарапали, ведь он пытался оттащить Титана от кошки.

Вся семья была в ужасе от этой картины, как, несомненно, и объект похоти самца. Вскоре после этого кошка пропала, что было предсказуемой реакцией на такой шок, однако, к счастью, вернулась домой через несколько дней.

Несмотря на его преступные наклонности и властную натуру, со временем я проникся любовью к этому дерзкому коту. Мне нравилось следить за ним, когда он гулял по деревне, я мог точно определить его местонахождение с помощью камер, чувствительных к движению, и мне было интересно побольше разузнать о нем. Был ли Титан всегда диким котом, который жил на улице? Или же он стал бродячим, но у него когда-то был дом, или, возможно, у него все еще есть хозяин? Это не давало мне покоя, и я решил провести расследование.

В первую очередь я развесил десятки плакатов с надписью «Знаете ли вы этого кота?» по всему району в надежде, что его узнает владелец. Затем я опросил всех соседей, которые сообщали о его появлении, и, проанализировав записи с камер, составил паспорт нашего нарушителя. Мне удалось выяснить, что он часто посещал пять домов, в каждом из которых жили кошки, с которыми он мог либо подраться, либо попытаться спариться, либо в редких случаях подружиться. Впрочем, один дом он посещал ежедневно. Одноэтажный летний дом с верандой принадлежал Валери, милой женщине лет 60. Она была преданной кошатницей – у нее жил Макс, пожилой бурманец [5], и она с симпатией относилась к сильному серому коту, который регулярно заглядывал к ней вздремнуть или перекусить.

«Забавно, но у меня никогда не было с ним никаких проблем, – сказала она, когда я описал непослушное поведение Титана. – Он всегда вел себя спокойно, а Макс слишком стар, чтобы его беспокоить. Я бы даже сказала, что они очень хорошо ладят. Когда он хочет, он может быть послушным».

Валери очень привязалась к молодому Титану и явно хотела, чтобы он остался у нее жить. Мне пришлось мягко объяснить ей, что считаю своим долгом попытаться узнать его прошлое и вернуть его законному владельцу, если таковой имеется, вернув тем самым в его жизнь стабильность. Его также необходимо было кастрировать как можно скорее: бездомные коты сильнее подвержены заболеваниям, как и любые животные, с которыми они вступают в контакт. К тому же операция сделает его менее агрессивным.

Узнав обо всем, Валери позволила мне установить на ее кухне ловушку на Титана – большую, просторную пластиковую клетку с едой в качестве приманки. После поимки я намеревался отвезти его к ветеринару, чтобы проверить здоровье и убедиться,

что у него нет микрочипа.

Валери позвонила мне на следующее утро в 8 часов.

«Я думаю, вам стоит приехать, Колин, – прошептала она. – Сейчас у меня на кухне очень сердитый кот».

Попавший в ловушку Титан не слишком обрадовался, увидев меня. Когда я попытался к нему приблизиться, он начал сердито шипеть и воинственно размахивать своим пушистым хвостом. К счастью, мне удалось его успокоить при помощи кошачьих лакомств и нескольких ласковых слов, после чего я перенес его в гораздо более удобную клетку.

Как только я отъехал, мне позвонила Сэм, которая только что приехала в офис. Похоже, накануне вечером некая дама по имени миссис Льюис оставила нам на автоответчике сообщение. Она увидела мой плакат на доске объявлений и утверждала, что Титан принадлежит ей.

– Она говорит, что его настоящее имя Майло и он пропал в Брэмли 6 месяцев назад, – доложила Сэм.

Я хорошо знал эту деревню, она была всего в 10 минутах езды от Шемли-Грин.

– Хорошо, хорошо, – ответил я. – Я отвезу этого здоровяка к ветеринару, а потом нанесу ей визит.

Миссис Льюис, 30-летняя мать двоих детей, встретила меня на пороге и сопроводила на кухню. Она порылась в ящике стола и достала фотографию мускулистого серого кота – это был Титан во всей красе. Потом она рассказала мне, как расстроились ее дети, когда он пропал, и что они потеряли надежду когда-нибудь увидеть его снова. Она также объяснила, что его исчезновение совпало с тем, что одна из трех кошек (с которыми он водил дружбу) родила шестерых котят.

– Я думаю, у него просто было слишком много жен и детей, – улыбнулась она. – Он словно сбежал со словами «я пакую чемоданы и сваливаю отсюда».

– На самом деле это типичная причина для побега кота, – ответил я, объяснив, насколько кошки чувствительны к изменениям в окружающей среде и что суета и беспорядок в доме могли заставить его перебраться на новую территорию. Затем миссис Льюис рассказала мне, что с тех пор большинство его отпрысков нашли новый дом, а самая старшая из его «жен» недавно скончалась.

– Можно с уверенностью сказать, что сейчас здесь гораздо спокойнее, так что мы бы хотели, чтобы Майло вернулся, – сказала она.

Я дал миссис Льюис пару полезных советов: во-первых, давно пора кастрировать кота, тогда и решатся многие проблемы

поведения; во-вторых, она должна попытаться уменьшить количество кошек в доме, потому что это, вероятнее всего, и вызвало его исчезновение.

Титан, он же Майло, воссоединился со своей семьей, а я подвел итог увлекательному расследованию, получив ответы на вопросы, мучившие меня несколько последних недель. Этот сорванец не был уличным бродягой, поскольку у него теоретически были хозяева и дом. Я предпочитал называть таких котов «вернувшимися к бродячему образу жизни», поскольку раньше он счастливо жил с людьми, но из-за возникших обстоятельств был вынужден уйти с собственной территории. Он решил сменить домашний образ жизни на бродяжничество, выбрав Шемли-Грин в качестве своего нового «дома», поскольку здесь было много кошатников, что предоставляло ему обилие еды, кошек и соперников для драки.

Я попрощался с Титаном и вернулся на ферму Брамбл-Хилл. Хотя я и был рад его воссоединению с семьей, меня мучил вопрос, как долго этот своенравный драчун пробудет дома, прежде чем снова сбежать.

* * *

Во всех отношениях проект «Красный Лев» был невероятно результативным мероприятием. Бесценные данные, собранные благодаря нашим трекерам и камерам, позволили по-новому взглянуть на поведение кошек, на их «тайную жизнь» и пролить свет на проблему самовольного ухода. Вооружившись этими новообретенными знаниями, агентство по розыску домашних животных смогло брать больше дел с потерянными и пропавшими кошками, и наш показатель успеха повысился до 60 %. Для меня, однако, этого все еще было недостаточно, мне не хотелось мириться с тем, что не раскрыты остальные дела, и я решил, что мне нужно выйти на следующий уровень.

Беспрецедентный проект

Идея выдрессировать собаку, которая будет находить кошек по запаху, витала в воздухе еще в далеких 70-х, когда я был подростком. Мое детство прошло в Малайзии и Сингапуре, так как мой отец был начальником инженерного отдела Королевского военно-морского флота. Моя семья вернулась в Великобританию, только когда мне исполнилось 12 лет. Мы жили сначала в графстве Глостершир в Челтнеме, а затем переехали в Фархем в Хемпшире. Восточная и Юго-Восточная Азия привила мне любовь к большим открытым пространствам, и она никуда не исчезла, когда мы переехали в Англию. Будь то прогулки в Котсуолде или променад вдоль южного побережья – мне очень нравилось любоваться природой и изучать ее.

Вся моя семья любила природу и активно поощряла мое хобби. На Рождество и на мой день рождения они дарили мне красочно иллюстрированные книги, такие как «Энциклопедия животных Хэмлина» и серия «Зоо-квест» Дэвида Аттенборо. Я проглатывал их страница за страницей, впитывая факты о местах обитания, повадках и общении животных. Моя любознательность не знала границ, и я регулярно приносил домой животных, которых ловил во время поездок на природу: тритонов, ящериц, ужей и медяниц.

«Они у тебя уже два дня, сынок, пора бы вернуть их обратно, – советовал папа, видя, как страдают в самодельных террариумах мелкие насекомые и земноводные. – Их место в дикой природе, а не в твоей спальне».

Мы со старшим братом Дэвидом проводили большую часть школьных каникул в Клив-Хилл-Коммон на овцеводческой ферме, чуть повыше Челтнема. Там работал очень хороший друг моего деда Алек – «сельский житель» лет 60, который присматривал за фермерскими хозяйствами и скотом. Зная, какие мы большие любители природы, Алек часто позволял нам с братом сопровождать его и возил на Клив-Хилл в своем потрепанном бутылочно-зеленом внедорожнике марки «Austin Gipsy». Его бежевая резиновая крыша была закрыта или откинута в зависимости от погоды. В этом похожем на джип автомобиле всегда пахло собаками, овцами и дымом от трубки Алека; его табак пах медом и сосновыми шишками, и мы с Дэвидом часто возвращались домой, провоняв им с ног до головы.

В кузове грузовика с нами ехала пара черно-белых колли. Это порода, традиционно использующаяся для загона и спасения скота. Иногда Алеку сообщали, что, например, овца упала в

каменоломню или застряла ногой в решетке для скота, и он незамедлительно заводил свой «джип».

«Готовы к приключениям, парни? – спрашивал он. – Какой-то бестолковый старый баран застрял в ограждении, так что нам придется поехать и вызволить его». А мы дрожали от нетерпения, когда втискивались на пассажирское сиденье.

Я боготворил Алека. Он великолепно знал местность (каждый холм, каждую долину и грунтовую дорогу), и никто не знал характер колли так, как он. Он души не чаял в этих собаках, говорил с ними с такой нежностью, словно они были его сыновьями, а они, в свою очередь, отвечали ему безграничным доверием, преданностью и покорно следовали каждому его приказу. Алек заставлял своих собак усердно работать, но в тоже время искренне любил их, и их умение понимать друг друга завораживало меня.

* * *

Сколько я себя помню, у нас в доме всегда кто-то жил – собаки, кошки, хомяки или мыши (последних я тайком проносил в дом без ведома родителей и прятал в ящике для носков, откуда они, к моему сожалению, часто сбегали). Мама же с папой больше всего любили собак породы ши-тцу. Возвращаясь домой из школы, я часто обнаруживал еще одного милого щенка с золотистой шерстью, бегающего по саду за домом. Мои родители брали его из нашего местного отделения Королевского общества по борьбе с жестоким обращением с животными. Они всегда брали только брошенных собак и никогда не ходили к заводчикам или в зоомагазины. Для них это было делом принципа.

«Любой собаке стоит дать второй шанс», – говорила мама, взяв на руки и нежно прижав к себе наше очередное приобретение. Одним из таких щенков, получившим второй шанс, стал Джемини, серебристо-белый ши-тцу, который так любил свои игрушки, что знал их всех по именам. Он также отлично ладил с Митзи, нашей смелой и невероятно ласковой двухлетней кошкой «черепахового» окраса. Эти пушистые друзья часто нежились в кроватке Джемини. Митзи была очаровательной кошечкой с серовато-зелеными глазами и белоснежной шерстью, испещренной черными и оранжевыми пятнами. Она, как и большинство кошек, спала по 16 часов в сутки, а в перерывах ходила за мной по пятам и мяукала, призывая обратить на нее внимание и поиграть. Она явно любила меня больше моих брата и сестры и уж тем более моих родителей, которые были слишком заняты реставрацией нашего старого дома в викторианском стиле, а у меня всегда хватало времени на то, чтобы бегать вверх и вниз по лестнице с игрушечной мышкой.

Одним ноябрьским морозным днем Митзи словно канула в Лету. Нам показалось странным, что она не пришла на обед – она любила поесть, доказательством служил довольно круглый животик, и когда на следующее утро она все еще не нашлась, мы начали волноваться. Мы с Дэвидом организовали семейную поисковую группу и прочесали весь наш сад и живую изгородь, но так ничего и не найдя, пошли к соседям. Весь воскресный вечер мы цветными карандашами рисовали плакаты о пропаже кошки, а потом развешивали их на фонарных столбах и деревьях.

«Не волнуйтесь, мальчики, она наверняка вернется сама», – сказала мама, но дни шли, холодало, и моя надежда угасала. Джемини, казалось, тоже что-то чувствовал: он выглядел более напряженно и встревоженно, чем обычно, беспорядочно бегая по дому, иногда останавливаясь, чтобы почесаться, поскулить и посмотреть на нас печальным взглядом.

«Бедный Джемини, – крепко обнял его я. – Он скучает по Митзи так же сильно, как и мы».

В следующий четверг, почти через неделю после того, как наша кошка ушла, вся семья сидела в гостиной и смотрела «Вершину популярности» – любимую программу моей сестры Линн. Джемини скорчился в углу, скуля и царапая лапами ковер.

– Лучше бы он перестал это делать, – проворчала мама. – Мы постелили его всего месяц назад, а он уже изрядно потрепан.

Когда длинноволосая женщина, с ног до головы одетая в кожаное, допела свой последний хит, я услышал шум, доносившийся с другого конца комнаты.

– Я уверен, что только что слышал мяуканье, – сказал я и резко выпрямился. – Убавь громкость, папа.

Мы все внимательно прислушивались в течение нескольких минут, но ничего не услышали.

– Должно быть, это Сьюзи Кватро просто взяла слишком высокую ноту, – ухмыльнулся папа, вновь увеличивая звук.

Через несколько мгновений из угла гостиной донеслось еще одно громкое отчетливое «мяу», и меня словно током пронзила идея. Наш умный пес с его превосходными нюхом и слухом пытался нам показать, что наша кошка внизу, отсюда постоянные стоны и царапанье. Бедная собака, вероятно, пыталась предупредить нас в течение нескольких дней, а мы просто не понимали его знаков.

– МИТЗИ ПОД ПОЛОМ! – закричал я, бросаясь в угол. – Вот почему Джемини так странно себя ведет!

Мама вскочила с дивана, уперла руки в бока и сердито посмотрела на отца.

– Это *ты* во всем виноват, болван, – фыркнула она.

– Что ты имеешь в виду? – ответил удивленный папа.

– В прошлые выходные ты занимался кухней, помнишь? Митзи, должно быть, прокралась, когда ты не видел, а потом ты ее запер.

В прошлые выходные отец действительно менял какие-то протекающие трубы, и Митзи, очевидно, проскользнула внутрь, прежде чем он прибил половицы обратно.

– Но я почти не выходил из кухни, – робко произнес мой отец. – Я бы заметил ее.

– Конечно же нет, Джефф, – с негодованием ответила Мама. – А теперь иди и возьми ящик с инструментами. Бедняжке нужно увидеть дневной свет.

В течение следующего часа царил хаос, мы слышали, как взволнованная Митзи носится туда-сюда, а Джемини внимательно следит за ее движениями, уши топориком, морда настроженная. Мой отец, вооруженный гвоздодером, выворачивал половицы, а мы с Дэвидом просовывали фонари в щели, уговаривая нашу кошку вернуться криками: «Митзи! Митзи!» Мама все это время баюкала на руках моего младшего брата Райана, с ужасом наблюдая, как ее дом разваливается на части.

Затем Джемини рычанием показал, что Митзи заползла в тупик под туалетом на первом этаже. Пока наша собака возбужденно кружилась, папа осторожно приподнял половицу, и через несколько мгновений оттуда выползла сбитая с толку грязная маленькая кошка, покрытая сажей и заметно похудевшая. Радостный визг Райана, сопровождаемый взрывом смеха, поставил точку в этой истории. Джемини нашел Митзи, и тучи, сгустившиеся было над нашей семьей, рассеялись.

Все это произвело на меня неизгладимое впечатление. То, как моя сообразительная собака нашла мою любимую кошку, было одним из самых удивительных событий в моей жизни, посеявшим в моей голове идею. Пройдет еще четыре десятилетия, прежде чем эта идея прорастет и покажет свой истинный потенциал.

* * *

Зимой 2014 года я почувствовал, что пришло время запустить вторую фазу моего плана по воспитанию собаки-ищейки, специализирующейся на поиске кошек. Собака-специалист по распознаванию запахов не только дополнит наш проект «Красный Лев», но и пополнит мою команду, расширив сферу наших услуг, и, самое главное, повысит наши шансы на нахождение пропавших домашних животных. Это, в свою очередь, принесет только радость их владельцам и, надеюсь, поможет избежать трагических случаев, таких, как тот, с Оскаром в Хэмпшире, который

продолжал меня преследовать. Я был совершенно уверен, что это успешная концепция: если полицейскую собаку можно научить распознавать запах конкретного наркотика или находить огнестрельное оружие, то я не вижу причин, по которым собака-ищейка не может быть обучена распознавать запах конкретной кошки. На мой взгляд, это было вполне выполнимо.

Однако я не питал иллюзий, я знал, что не смогу завершить проект в одиночку и что мне понадобится помощь экспертов. Один хороший друг как-то дал мне совет: «Для того, чтобы великая идея сработала, сначала нужно понять, КАК ее осуществить, а уже потом – КТО может помочь это сделать». Вооружившись этим простым советом, я взялся за новую задачу при поддержке Сэм, которая всегда была готова помочь. Несмотря на то, что у меня был огромный опыт общения с лучшими друзьями человека и я приютил и обучил много собак, я понимал, что мне не хватает опыта в сфере собачьей психологии и поведения, а также их умения распознавать запахи.

В течение всего 2014 года я с огромным энтузиазмом изучал эти предметы, прочел сотни научных книг и статей (в том числе американского эксперта по собакам Роджера Караса, он был моим любимым автором) и посмотрел бесчисленное количество документальных фильмов по телевизору и на YouTube, в том числе с участием знаменитого британского натуралиста Десмонда Морриса.

Я узнал все об эволюции обонятельной системы собак, например то, как африканские дикие собаки умели выделить из целого стада больную или уязвимую антилопу куду или импалу и преследовали ее на протяжении многих километров. Если животное возвращалось обратно в стадо, собаки продолжали следить за ней, сосредоточившись только на ее запахе, чтобы не тратить драгоценную энергию, преследуя не то животное.

Я также обнаружил, что ряд пахучих желез, расположенных вокруг кошачьей головы, лап и хвоста, испускают уникальные для каждого животного феромоны. Проведение такого рода исследований прибавило еще больше убедительности моей и без того грандиозной идеи и побудило меня еще упорнее продвигаться вперед. Мы с Сэм часами обсуждали все, что узнали, добавляя еще больше пищи для размышлений.

«Только подумай, Колин, если все пойдет по плану, у тебя будет первая собака, обученная искать кошек, в Великобритании, – сказала она однажды. – Это будет потрясающе!»

Я начал расспрашивать знакомых, чтобы, во-первых, выяснить, есть ли кто-нибудь в регионе, кто мог бы помочь мне

найти и обучить собаку-ищейку (или указать мне на кого-то, кто мог бы), и, во-вторых, послушать мнения относительно моей идеи. Но вот чего я никак не ожидал, так это наткнуться на стену равнодушия, отрицания и откровенной враждебности.

Один из моих знакомых любезно познакомил меня с заводчицей охотничьих собак из Питерсфилда, но, когда я нанес ей визит, чтобы обсудить свою идею (я довольно туманно описал детали, поскольку не хотел, чтобы кто-то ее украл), она дала мне самый короткий ответ, какой только можно себе представить.

– Я не думаю, что это возможно, – усмехнулась она, – и, если это такая хорошая идея, не кажется ли вам, что опытный дрессировщик собак уже бы сделал это?

«Ладно, может быть, этого никогда раньше не было, – думал я, возвращаясь к своей машине, – но это не значит, что это невозможно».

Мало того, другие дрессировщики собак попросту не отвечали на мои звонки и электронные письма, а один представитель кинологического клуба грубо намекнул, что у меня нет опыта, чтобы браться за проект такого масштаба. Другой так называемый эксперт с большим удовольствием сообщил мне, что собаки-ищейки лучше приспособлены для поиска людей, чем кошек, поскольку люди обладают бóльшим весом, и поэтому их легче выследить.

– Кошки – охотники, Мистер Бутчер, поэтому они и оставляют меньше следов, – сказал он, снисходительно качая головой. – И поскольку они покрыты шерстью, они не теряют так много клеток кожи, как мы. По этим причинам кошек будет очень трудно выследить.

– При всем уважении, я не могу с вами согласиться, – ответил я прикусив язык.

Он также задался вопросом: сможет ли собака-ищейка учуять запах одной конкретной кошки, поскольку считал, что все они якобы «имеют одинаковый запах». Однако мое обширное исследование вместе с результатами моего проекта убеждали меня в обратном.

Позже тем же летом на Сассекской выставке я разговорился с организатором полевых испытаний, знаменитым и напыщенным старикашкой, который устраивал имитацию охоты для легавых собак. Он недоверчиво уставился на меня, когда я изложил ему свою концепцию.

– О чем, черт возьми, вы говорите?! – рассвирепел он. – Собаки и без того гоняются за кошками, но ни черта не находят. Я думаю, что вы напрасно тратите мое и свое время. А теперь, если вы не возражаете, у меня полно дел, – и он зашагал прочь, ворча

что-то насчет «проклятых расточителей времени».

Я даже связался с центром дрессировки собак полиции Суррея в Гилфорде, надеясь, что они могут быть заинтересованы в совместном предприятии – ради пиара. Я бы финансировал обучение специалиста для собаки-ищейки, я уже выделил небольшой бюджет для моего проекта по обнаружению кошек и готов был отдать его полиции, но сержант, с котором я говорил по телефону, лишь посмеялся надо мной.

– Я не могу сказать, что пропавшие кошки являются нашим основным приоритетом, – сказал он, едва сдерживая смех. – Не думаю, что это нас заинтересует.

Этот саркастичный ответ не удивил меня: полицейские иногда бывают довольно циничны, а сержант, вероятно, был слишком самоуверен, чтобы понять, как проект может принести пользу его кинологическому отделу. Без сомнения, я для него был оторванным от реальности детективом, продвигающим какую-то безрассудную затею, которая могла повредить их профессиональной репутации. Возможно, «проклятие» Эйса Вентуры уже тогда дало о себе знать.

Я поехал обратно в Крэнли подавленным, но не побежденным.

* * *

В тот вечер дома меня ждала Сара и, кажется, готова была затеять ссору. Мы с ней познакомились в сентябре 2012 года, когда она работала менеджером в магазине товаров для дома. Однажды я заскочил в «Гилфорд», чтобы купить себе новый казанок, и не мог не заметить умную и привлекательную блондинку, стоявшую возле отдела обслуживания клиентов с планшетом в руке. Мы с Сарой разговорились, я смело пригласил ее выпить, а через несколько месяцев она переехала в мой дом в Крэнли.

Однако, хотя это совсем на меня не похоже, в тот момент у меня не было никаких домашних животных. За 18 месяцев до этого я потерял трех моих любимых собак: немецкую овчарку Тесс и двух ротвейлеров Макса и Джея, я все еще их оплакивал и решил сделать длительный перерыв и никого пока не заводить. Три душераздирающих и трагических визита к ветеринару один за одним оставили след, я чувствовал себя опустошенным и хрупким.

Однако в рамках моих обязанностей детектива по розыску домашних животных мне часто приходилось предоставлять кров животным. Обычно это были украденные собаки, хозяев которых невозможно было найти, или брошенные кошки, которым нужен был новый дом. Во время одной такой «транзитной остановки»,

когда я предоставил временное убежище Бракену – спрингер-спаниелю, – я понял, что Сара – совсем не фанат собак, и, если бы пришлось выбирать, она бы предпочла кошек. Чрезвычайно хозяйственная, она поддерживала почти идеальную чистоту в доме, и ей казалось, что собаки все испортят.

– Фу, Колин, тут *везде* грязь… – ужаснулась она, когда мы с Бракеном вернулись с прогулки по мокрому лесу, оставляя грязные следы от лап и ботинок вдоль коридора. – Ради всего святого, посмотри на это – *вся* кухня в собачьей шерсти! – воскликнула она. – Это ужасно!

Хотя Сара знала о моих планах по воспитанию ищейки с самого первого дня, я думаю, в глубине души она сомневалась, что у меня что-то получится, и втайне на это надеялась. Однако в этот вечер, когда я зализывал раны после оскорбительной беседы с полицией Суррея, она хорошо скрывала свои чувства.

– Куда бы я ни пошел, Сара, всюду меня поджидает неудача, – простонал я, плюхнувшись на кожаный диван с большим стаканом вина «Шабли». – Я изо всех сил стараюсь двигаться вперед, но мне отвечают только скептицизмом и недальновидностью. Это действительно чертовски угнетает. Все говорят мне, что это безумная идея и что я зря трачу время, но я знаю, что это осуществимо.

– Ты что, признаешь поражение, Колин? – спросила она, прекрасно зная, что я не из тех, кто легко сдается.

– Ни за что. Это только придает мне решительности, – ответил я. – Мне просто нужно найти кого-то, кто поверит в меня и в мою идею. Должен же быть хоть кто-то?

* * *

Этим «кем-то» была собачница по имени Анна.

В то время как мой «собачий проект» съедал бóльшую часть моего свободного времени, мне все еще приходилось управлять моим частным детективным агентством, и я продолжал заниматься делами, связанными с животными и обычными преступлениями. Однажды днем мне позвонила женщина и спросила, могу ли я расследовать смерть ее вельштерьера по кличке Молли. Анна работала на радио и была уважаемым дрессировщиком и экспертом по собакам. Недавно она переехала из центрального Лондона в сельский Шропшир, чтобы жить поближе к природе с Молли, которой она была абсолютно предана. Несколько месяцев назад у собаки нашли рак, и Анна решила, что свежий воздух и тишина пойдут Молли на пользу.

Через несколько недель после ее переезда в маленький коттедж Анну пригласили на важную рабочую конференцию в Брюссель. Помня о слабом здоровье Молли, она не хотела

отдавать ее в собачий отель и вместо этого попросила местного догситтера Джилл присмотреть за ней. Джилл еще работала садовником на полставки, и они с Анной очень подружились с тех пор, как та поселилась в деревне.

«Вы можете остаться в моем коттедже с Молли, – предложила Анна. – Она любит комфорт и будет рада вашему обществу».

Анна волновалась на протяжении всей конференции – она очень редко оставляла своего терьера одного и не могла дождаться, когда улетит домой в это воскресенье. Однако по возвращении Джилл нигде не было. Мало того, когда Молли подошла поздороваться с хозяйкой, она сама на себя не была похожа. Ее движения казались невероятно напряженными и вялыми, как будто она пробиралась сквозь заросли, а хвост безвольно свисал. Глубоко обеспокоенная Анна не могла дозвониться до Джилл, но в конце концов нашла ее в местном клубе садоводов.

«Ох, Извини, Анна, я забыла сказать… Молли упала с дивана и ударилась спиной», – небрежно сообщила Джилл и тут же сказала, что в тот день она уехала из коттеджа по семейным обстоятельствам.

В течение двух следующих дней состояние Молли ухудшалось. Анна отвезла ее к местному ветеринару, который диагностировал сильный удар в спину, вызвавший вывих хвоста и смещение бедра. Маленькую собачку пичкали обезболивающими, но она так и не пошла на поправку и через две недели, к сожалению, скончалась. Ветеринар не мог с уверенностью сказать, умерла ли она от рака, от полученных травм или от их комбинации, так или иначе, Анна была убита горем.

«Колин, я знаю, что это не вернет Молли, но я просто хочу знать правду, – сказала она дрожащим от волнения голосом. – Мне нужно знать, что на самом деле случилось с ней, пока меня не было».

Это оказалось долгое запутанное расследование, включавшее в себя изучение текстовых сообщений и записей с камер видеонаблюдения, а также проведение судебно-медицинской экспертизы. Вскоре стало ясно, что Джилл неоднократно лгала о Молли. Ее история с диваном была очень неправдоподобной – он был слишком низким, чтобы с него можно было упасть и получить такую серьезную травму, и, принимая во внимание комментарии ветеринара, наиболее логичным объяснением травмы Молли было то, что ее сбросили с лестницы. Главным подозреваемым был друг Джилл – местный житель, который, как выяснилось, приходил в дом, пока Анны не было. К сожалению, мне не удалось установить его мотив, но, исходя из улик,

указывающих на проблемы в его поведении, и судебно-медицинского материала, я пришел к выводу, что именно он был виновником этого происшествия.

Пусть этого было недостаточно для гражданского или уголовного преследования, моя клиентка была удовлетворена тем, что получила ответы на свои вопросы.

«Мне нужно постараться не думать о плохом, Колин, и сосредоточиться на хорошем, – грустно сказала Анна. – Я никогда-никогда не забуду Молли – она была моей лучшей подругой, но теперь я чувствую, что наконец-то могу ее отпустить».

Мы с Анной стали настоящими друзьями. Мне нравилось общаться с ней и слушать ее забавные рассказы о собаках. Когда она вернулась в Лондон, мы регулярно встречались за чашечкой кофе. Именно во время одной из таких встреч, в кафе в Ноттинг-Хилле, я заговорил о собаке, способной находить кошек.

«Послушай, Анна, у меня есть идея, – сказал я. – Все остальные думают, что это какая-то несбыточная мечта и что я полностью потерял связь с реальностью, но я хочу услышать твое мнение».

Моя подруга не только сочла эту идею потрясающей, но и была уверена, что знает организацию, которая может помочь. Когда-то она разрабатывала PR-стратегию для благотворительной организации «Medical Detection Dogs» в Милтон-Кинс, сотрудники которой вели новаторскую работу со специализированными собаками, способными распознавать запах больных людей. Эти удивительные существа использовали свои сверхчувствительные носы, чтобы заметить мельчайшие изменения в запахе человека, что позволило им обнаружить определенные предупреждающие знаки. Например, если бы одну из этих собак выделили больному сахарным диабетом первого типа, она была бы обучена ощущать опасно высокий или низкий уровень сахара в крови и предупреждала бы пациента об этом, подпрыгивая, облизывая его либо делая и то, и другое. Такие собаки очень полезны для людей с болезнью Аддисона (эндокринное расстройство) или с тяжелой пищевой аллергией.

«Эти собаки феноменальны, Колин, – отметила Анна. – Они не просто меняют жизни, они их спасают».

По словам моего друга, «Medical Detection Dogs» также проводили полевые испытания собак-биодетекторов. Удивительно, но животных обучали обнаруживать некоторые виды рака только по запаху образцов мочи и мазков с кожи в надежде, что однажды они смогут помочь в диагностике этой болезни. Для этого новаторского исследования

благотворительная организация отобрала породы, обладающие превосходным нюхом и природным охотничьим инстинктом, такие как лабрадоры и кокер-спаниели, и выделила от 6 до 8 месяцев на их обучение. Все собаки жили в домах сотрудников или местных волонтеров (ни в коем случае не в питомниках), окруженные любовью и заботой.

«“Medical Detection Dogs”» может оказаться именно тем, что ты ищешь, – сказала Анна. – Я ничего не обещаю, но могу устроить встречу».

* * *

Я встретился с доктором Клэр Гест и Робом Харрисом – главными специалистами «Medical Detection Dogs» в среду 25 сентября 2015 года. Клэр – выдающийся ученый в области поведения животных и распознавания запахов, была руководителем благотворительного фонда. Роб, специалист по проекту биодиагностики, был уважаемым экспертом по собачьему обонянию. Он обучил множество собак обнаруживать всевозможные вещи, начиная от контрабандных сим-карт в тюрьмах и сухой гнили в исторических зданиях, заканчивая клопами в отелях и слоновой костью, которую так любят браконьеры.

– Все дело в том, чтобы взять то, что собака может делать в природе, и воспитать из этого уникальный навык, – сказал Роб, когда я спросил о его впечатляющем портфолио. – Но самое замечательное, – добавил он, – что большинство этих собак не считают свою работу рутиной. Они видят в этом игру в прятки, выигрывая в которую, они получают удовольствие и вознаграждение.

Они оба внимательно слушали мою речь. Анна была рядом, чтобы морально поддержать меня. Когда я закончил и закрыл PowerPoint, они посмотрели друг на друга и кивнули.

– В принципе, я думаю, что мы могли бы вам помочь, – сказала Клэр. – Это отличная идея, Колин, и, если все сделать правильно, я думаю, она может стать революционной.

Я едва сдержался, чтобы не взмахнуть кулаком вверх и не закричать: «ДА!» – точно так же, как когда «Челси» забили гол в «Стэмфорд Бридж». Я не мог поверить своим ушам. Для меня это был момент озарения. Я хотел вскочить и начать танцевать по комнате, но всеми силами старался себя сдерживать.

– Я думаю, что это действительно захватывающая задача, – продолжила Клэр, – и как любитель животных я действительно восхищаюсь причинами для воспитания собаки, которая сможет находить кошек. Что тут может не нравиться?

Она также объяснила, что, если все пойдет по плану, они

подумают о том, чтобы нанять своего человека – Астрид, специалиста по подбору запахов из Чили для обучения собаки в лабораторных условиях. Она только что закончила работать над специальным заданием от немецкой полиции, которое включало обучение собак-ищеек сопоставлять места преступлений с конкретными преступниками. Например, если грабитель грабил банк и уронил перчатку, сотрудник полиции изымет эту улику, поместит ее в контролируемую среду и покажет собаке. Животное, в свою очередь, при опознании подозреваемых обнаружит совпадение по запаху и укажет на преступника. Хотя эта процедура не могла окончательно доказать вину, она стала важным компонентом в пакете доказательств.

«Астрид поразительно хороша в своем деле; я бы даже сказал, что она одна из лучших в мире, – сказал улыбающийся Роб. – Я уверен, что она с удовольствием поработает с вами в паре».

Это было музыкой для моих ушей. Методика обучения Астрид была тем, что мне нужно: моя собака-специалист должна была уметь сосредоточиться на одном запахе. Каждый поиск будет включать в себя распознавание уникального, индивидуального запаха кошки, в отличие от, например, собак, которые ищут наркотики и, как правило, пытаются найти одно и тоже вещество изо дня в день. Имея это в виду, я чувствовал, что опыт Астрид окажется жизненно важным.

В конце этой встречи мне хотелось ущипнуть себя. Наконец-то благодаря помощи Анны я познакомился с блестящими людьми, которые действительно заинтересовались моей идеей. Эта группа профессионалов-первопроходцев была готова помочь мне открыть новые горизонты и преодолеть препятствия, чтобы создать что-то новое и инновационное.

– Итак, можно считать, что мы договорились? – спросил я с осторожностью.

– Да, я думаю – да, – ответила Клэр. – Давайте сделаем это.

* * *

Теперь, когда я объединил усилия с «Medical Detection Dogs», пришло время принять важное решение. Нам нужно было определить идеальную породу для нашего проекта. На протяжении многих лет я сталкивался с огромным количеством дрессированных собак всех видов: не только в полиции и в детективной сфере, но также посещая различные полевые испытания и окружные выставки в юго-восточном регионе, а также бывая на охоте. Я постоянно общался с владельцами и заводчиками, болтал с хозяевами лабрадоров на охоте в Гемпшире, расспрашивал дрессировщиков спрингер-спаниелей в аэропорту Хитроу, я пытался создать портрет моей идеальной

служебной собаки.

Было два вопроса, на которые мне еще предстояло ответить. Во-первых, какая собака будет наиболее эффективной и результативной? Во-вторых, и это очень важно, какая собака будет наименее опасной для пропавшей (и, возможно, травмированной) кошки?

Как будущему владельцу и дрессировщику мне нужна была собака, обладающая врожденным охотничьим инстинктом. Клэр предложила венгерского пойнтера с невероятно чувствительным носом, но я посчитал, что он будет слишком большим: наша собака должна быть достаточно маленькой, чтобы протискиваться в узкие щели и искать в маленьких пространствах. Она также должна быть энергичной и выносливой для выполнения длительных заданий, которые часто будут сопровождаться поездками на машине.

Обучаемость тоже была ключевым фактором. Если мы собирались обучать ее узкоспециализированным навыкам в «Medical Detection Dogs», было важно, чтобы она была чрезвычайно бдительной, умной и сообразительной. С точки зрения характера наша идеальная порода должна иметь общительный и покладистый темперамент, так как ей предстоит взаимодействовать со множеством людей в различных условиях.

Что касается ее будущей работы с кошками, нам нужна была не слишком шумная собака или ищейка, которая своим видом не пугала бы кошек, заставляя их убегать или прятаться. По этой причине нам было необходимо найти спокойную собаку без сложного опыта общения с кошками. По моему опыту, любой щенок, который видел, как взрослые собаки рычат и лают на кошек, неизменно учился этому поведению, а потом его уже было невозможно переучить.

Подводя итог, я должен был иметь в виду внешность и размер собаки (предпочтительно небольшой, чтобы не быть слишком пугающей); шум, который она будет производить (тихая, без привычки лаять на животных или людей, когда возбуждена); и ее личность (спокойная, с покладистым характером).

«Ну, тогда это точно не немецкие овчарки, ротвейлеры или бладхаунды», – улыбнулась Сэм, когда я однажды утром на ферме Брамбл-Хилл взвесил все возможные варианты.

В конце концов мне удалось выбрать три породы: лабрадор, служебный спрингер-спаниель или кокер-спаниель. Но какую из них мне выбрать? Пока Сэм отбивала барабанную дробь на столешнице, я принял решение.

– Это будет… – сказал я, а затем сделал драматическую паузу, словно ведущий реалити-шоу, – служебный кокер-

спаниель.

– Отличный выбор, – ответила моя коллега, которая, как и я, была большим поклонником этих активных и ласковых животных.

Служебные спаниели казались очевидным выбором, и чем больше я наблюдал их в действии, тем больше убеждался, что они идеально подходят для этой роли. Они были компактными и проворными существами с нескончаемым запасом выносливости, доказательством чего была моя любимая полицейская ищейка Рэйнбоу. Я также был свидетелем их удивительных способностей во время охоты, я наблюдал, как эти охотничьи собаки ловко выманивают фазанов и куропаток. Кроме этого, был и небольшой элемент личного предубеждения: моя сестра Линн и брат Райан держали кокер-спаниелей в качестве домашних животных, пусть в основном и для выставок. Я влюбился в эту породу. В дополнение к своей милой внешности они были невероятно умны, очень чувствительны и отлично решали поставленные задачи.

– А что насчет пола, Колин? – спросила Сэм.

– Определенно – девочка, – ответил я.

В рамках своего исследования я опросил десятки дрессировщиков, почему те выбрали самца или самку, оказалось, что самки кокер-спаниеля имеют более высокую продолжительность жизни и с ними меньше проблем после тренировки, чем с противоположным полом. Оба фактора в значительной степени определили мое мнение.

– А хвост купированный или некупированный? – спросила моя ассистентка.

Эта практика представляла удаление части хвоста собаки, иногда по чисто косметическим причинам, и была запрещена законом «О защите животных» с 2006 года. Однако были и некоторые исключения, как правило, в отношении служебных собак, чьи виляющие хвосты часто задевали кусты с колючками и поэтому были уязвимы для травм и инфекций. Однако мое мнение на этот счет было непреклонным.

– Только некупированный, Сэм, – сказал я, уверенный, что никогда не использую эту собаку для выслеживания дичи и никогда не заведу ее в места, где она может пораниться.

Таким образом, я определился с большинством вещей в моем списке пожеланий для будущей ищейки: служебный кокер-спаниель, самка, некупированный хвост. Но оставалось еще одно условие, которое было крайне важным для меня. Я затронул эту тему во время первого совещания по планированию в «Medical Detection Dogs», которое состоялось в ноябре 2015 года. Клэр, Роб и я обсуждали качества служебных кокер-спаниелей, они всецело согласились с моим выбором породы, а также методами

обучения, которые мы применим, как только найдем подходящую собаку. Мы как раз собирались сделать перерыв на кофе, когда я решил поднять эту тему.

– Я знаю, что прошу слишком многого, – сказал я осторожно, – но когда мы будем выбирать, откуда взять нашу будущую ищейку, я хотел бы, чтобы она была из приюта.

Моим коллегам потребовалось несколько минут, чтобы подумать над этим предложением.

– Из приюта? – спросил Роб, подняв бровь. – Ты уверен, что это хорошая идея?

– Уверен, – ответил я. – Это дело принципа, я чувствую, что обязан так поступить. А теперь позвольте мне объяснить почему…

Удивительная собака

Моя любовь к брошенным собакам берет свое начало с тех пор, когда я еще жил в Азии. Городские улицы Малайзии и Сингапура, где я провел свое детство, кишели бездомными животными, большинство из которых всю жизнь проводили в поисках пищи или тенька в изнуряющий день, а в остальное время дрались друг с другом. Мы с моим братом Дэвидом были очарованы этими тощими уличными дворнягами и часто приносили им еду из семейных запасов, тайком пробираясь на кухню, чтобы украсть рыбные или куриные объедки. Затем мы выбегали наружу и скармливали все собакам, которые скулили от восторга, жадно поглощая каждый кусочек.

Однако время от времени, когда на улицах становилось слишком много бродячих собак, приезжала служба отлова. Десятки собак всех пород и размеров безжалостно хватали и бросали в машину, и больше их никто не видел. Мы не могли на это смотреть, особенно когда такая участь постигала одного из наших любимчиков, это разбивало наши сердца. Если мы узнавали, что в город приехали «убийцы собак», мы набивали карманы собачьими угощеньями и использовали их, чтобы спасти наших «приятелей» от опасности.

«Идите к нам!» – кричали мы, бегая по улочкам в шортах и сланцах, разбрасывая рисовые шарики и кусочки бекона с тем, чтобы привлечь их. Я хотел приютить каждую собаку, настолько я любил их, но родители разрешали нам держать только одну. Это была Хани – очаровательная дворняга пшенично-белого цвета с ушами, как у волчонка, любимица всей семьи.

В конце 60-х годов в Сингапуре и Малайзии еще не существовало приютов для животных. Если собака была неспособна выполнять какую-либо функцию – пасти скот или охранять территорию, – то ее считали ненужной и часто выгоняли на улицу. Однажды во время сезона муссонов мы с отцом предприняли тщетную попытку спасти щенков в мешке, тонувших в трехметровой ливневой канаве, и я отчетливо помню, с какой болью и беспомощностью наблюдал за тем, как их смывает водой.

– Мы ничего не могли сделать, Колин, – сказал отец, когда горячие слезы покатились по моим щекам. Отец тоже был большим любителем собак, и это печальное зрелище сильно расстроило его.

– Но это так несправедливо, папа! – воскликнул я, когда он уводил меня оттуда, приобняв за плечи.

Вернувшись домой и рухнув на кровать, я дал себе клятву:

я решил, что с этого дня буду делать все, что в моих силах, чтобы помочь бездомным и брошенным животным, и *никогда* не куплю себе питомца, пока будет возможность взять его из приюта.

* * *

Итак, я изложил Клэр и Робу свои твердые принципы в тот день в офисе «Medical Detection Dogs» в Милтон-Кинс. Каждая собака, принадлежащая мне или моей семье, была из приюта, и я не планировал менять это. Я воспользовался случаем и рассказал им, что за время моей работы в полиции и в качестве частного детектива я слишком часто находил брошенных собак, воспоминания о которых никогда не перестанут меня мучить. С другой стороны, я выяснил, что есть десятки замечательных приютов для животных и спасательных центров, которые без устали искали новые дома для питомцев.

– Я понимаю, что это, вероятно, будет ложкой дегтя в бочке меда, друзья, но я надеюсь, вы поймете, как это важно для меня, – сказал я.

– О, конечно, Колин, я и спорить об этом не буду, – ответил Роб. – Я с радостью помогу в обучении такой собаки, но поиски идеального кандидата могут затянуться. Но все же давай попробуем.

Мы с Робом рьяно взялись за это дело. Он связался со своими многочисленными друзьями и коллегами в собачьем мире, я тоже закинул удочку, связавшись с приютами для животных и с бывшими клиентами агентства с вопросом, знают ли они о каких-либо подходящих кандидатах. Одна женщина, чью украденную собаку я нашел в Фарнхэме, рассказала мне о Уиллоу – 11-месячном служебном кокер-спаниеле, живущем в Шотландии, семья которого больше не могла заботиться о ней. Деталей было немного, но они обнадеживали: судя по всему, она была в хорошей форме, дружелюбна и не имела никаких видимых проблем с кошками.

По счастливой случайности Роб на этой же неделе должен был отправиться в те края и согласился навестить Уиллоу. Но все мои надежды рухнули, когда он позвонил мне по телефону.

– Очень жаль, Колин, – вздохнул он, – но нам она не подходит.

Роб объяснил, что, как только он вошел в дом, бедная Уиллоу бросилась прочь и спряталась под кухонным столом. Несмотря на все его попытки уговорить ее, эта робкая крошка отказывалась идти на контакт.

– Нам нужна собака, которая сможет залезть на стол, а не прятаться под ним, – сказал я, вычеркивая Уиллоу из списка.

Наши поиски продолжались, но безуспешно. В течение 12

недель мы с Робом отсмотрели полдюжины других спаниелей, большинство из которых были потенциально хороши на словах, но не на деле. Либо они были слишком застенчивы, вспыльчивы или ленивы, либо слишком враждебны к кошкам и другим животным.

Время шло, и я начал серьезно сомневаться в своих суждениях. Мой выстраданный проект, в который я вложил столько времени и сил, казалось, зашел в тупик.

– Похоже, нам стоит поискать в другом месте, – пожаловался я однажды вечером Саре, вернувшись домой после очередного бесплодного визита в приют. – Роб предупреждал меня, что это будет нелегко. Видимо, пришло время смириться и поискать где-нибудь еще.

– Может быть, ты и прав, – ответила она, на мгновение оторвавшись от чтения модного журнала. – Такими темпами, Колин, ты будешь искать вечно.

Я поспешно созвал совещание с Клэр и Робом, на котором предложил, пусть и неохотно, расширить область наших поисков, включив в нее и заводчиков собак. При необходимости небольшой бюджет, который я выделил на проект, можно было бы использовать, чтобы купить подходящую собаку, пусть даже не из приюта, как я хотел.

Через пару дней Роб получил наводку о Саше – красивой светло-коричневой самке. Ее заводчица жила в Карлайле, и служебных кокер-спаниелей у нее было с избытком. В отличие от наших предыдущих кандидатов, Саша подходила нам по предварительным данным, и следующим шагом был интенсивный недельный тест на профпригодность. Все признаки указывали на то, что это наша будущая ищейка, и я был невероятно взволнован.

Я прибыл в штаб-квартиру «Medical Detection Dogs» в следующий понедельник как раз к началу первого теста, но у входа меня встретил Роб с бледным лицом.

«Плохие новости, – сказал он. – Саша не приедет».

Хозяйка отказалась от сделки в последней момент, сославшись на то, что собака боится ездить в машине и это деталь, о которой она «забыла» упомянуть. Я не поверил, что это была истинная причина: у меня было подозрение, что она либо нашла более выгодного покупателя, либо ее история о Саше была ложью, которая вот-вот бы всплыла на поверхность.

Мы опять вернулись к началу, и я чувствовал себя полностью опустошенным. Однако я не собирался сдаваться и был полон решимости добиться успеха. Ведя свое дело в течение 10 лет и попутно занимаясь множеством проектов, наши задержки и неудачи я воспринимал как что-то само собой разумеющееся. Из

своего опыта я знал: чтобы довести важную миссию до плодотворного исхода, нужно просто приложить максимум усилий.

Позже в тот же день я отправился в долгую прогулку по ферме, чтобы просто проветрить голову и зарядиться энергией.

«Эта собака где-то там… – думал я, бредя по тропинке вдоль канала. – Нужно просто найти ее».

* * *

Несколько недель спустя, когда я искал пропавшего лабрадора в Нью-Форесте, вдруг зазвонил телефон. Это был Роб, и голос его звучал немного бодрее, чем обычно.

– Быстрый вопрос, Колин: ты ведь еще не отказался от идеи взять собаку из приюта, не так ли?

– Нет, конечно нет. Это всегда был план А, Роб.

– Просто я шарил в Интернете и увидел собаку, которая мне очень понравилась.

– На каком сайте?

– «Gumtree».

– «Gumtree»?

За годы работы этот сайт для покупки и продажи стал популярным собачьим интернет-магазином, и один из партнеров Роба сообщил ему, что увидел объявление: девочка, черный служебный кокер-спаниель ищет нового хозяина. Ей около 10 месяцев, но у нее уже было три владельца, и все они, по-видимому, изо всех сил пытались справиться с ее непослушным и неконтролируемым поведением. Текущий владелец – замученная трудной жизнью мать-одиночка из Ист-Мидленда – устала от нее и разместила объявление на сайте «Gumtree».

«ИЩУ НОВЫЙ ДОМ. ХОЗЯИН УСТАЛ ОТ МЕНЯ», – гласило лаконичное объявление.

– Прости, что настроен скептически, Роб, но…

– Колин, я знаю, ты собираешься сказать, что от этой собаки будут одни неприятности. Просто положись на меня в этом вопросе. Я заеду туда сегодня днем и позвоню тебе после.

– А как ее зовут?

– Молли. Ее зовут Молли.

Молли. Так же, как и покойную собаку моей подруги Анны.

«Это хороший знак», – подумал я.

* * *

– Ладно, сначала плохие новости, – сказал Роб, который, как и обещал, позвонил мне сообщить новости. – Я огорчился и приготовился к еще большему разочарованию. – Молли очень требовательна. Ей не хватает любви и привязанности. Она очень ранима, расстроена, и потому лает как сумасшедшая. Также

позволяет себе воровать еду с чужих тарелок и угощения из карманов. Без сомнения, она одна из самых своенравных и упрямых собак, которых я когда-либо встречал.

– А хорошие новости? – печально спросил я.

– Я думаю, мы нашли нашу собаку, Колин.

Я редко терял самообладание, но в этот раз был ошеломлен.

– Да, ты все правильно услышал, – засмеялся Роб. – Молли потрясающая. Схватывает все на лету, невероятно энергичная, сильная и уверенная. Она – настоящая находка.

Я медленно почесал лоб, пытаясь осмыслить радостную весть.

– Не пойми меня неправильно, Колин, этой собаке понадобится много часов дрессировки, но я искренне верю, что она идеально подходит для нашего проекта.

– Это лучшая новость за долгое время, – сказал я, слегка улыбнувшись.

– Но есть одна вещь, которую мы должны обсудить, – добавил Роб. – Я долго об этом думал. Если мы действительно заберем Молли и привезем ее в «Medical Detection Dogs», я думаю, будет правильно, если ты согласишься стать ее хозяином, как только закончится ее обучение, независимо от результатов.

– Ладно, – сказал я.

У меня кружилась голова, пока я пытался собраться с мыслями и обдумать это неожиданное развитие событий. У бедняжки Молли было ужасное начало жизни, и бросить ее, если она не добьется успеха, было бы бессердечно. С другой стороны, принять ее «вслепую» – довольно рискованное решение, даже учитывая все, что Роб только что сказал о ней, не было никаких гарантий, что мы будем хорошо подходить друг другу, но я был готов пойти на это. Я провел бóльшую часть своей сознательной жизни, предоставляя убежище «проблемным» домашним животным с беспокойным прошлым, и был совершенно уверен, что смогу отдать всю свою любовь и заботу, чтобы обеспечить Молли стабильность, в которой она так нуждалась, независимо от того, станет она ищейкой или нет. Решение было, как говорится, «проще» некуда.

– Конечно, я возьму ее, – сказал я, представляя себя и Сару, живущими в компании спаниелей, ни один из которых так и не научился находить потерянных кошек.

Роб купил Молли, разобрался с бумагами и договорился о ее переводе в центр «Medical Detection Dogs». Поскольку мой дом в Западном Сассексе находился в двух с половиной часах езды, что было слишком далеко для ежедневных поездок, особенно с собакой, Молли пришлось отдать в местную приемную семью. Я был рад, обнаружив, что строгая политика благотворительного

фонда «нет питомнику» означает, что все собаки, проходящие обучение, временно размещаются в уютном доме, что способствовало их чувству безопасности, насколько это возможно, и в конечном итоге благоприятно отражалось на всем процессе.

«Хотя мы мало что знаем о прежней жизни Молли, но тот факт, что у нее было много владельцев, несомненно, повлиял на ее самочувствие, поэтому очень важно, чтобы она чувствовала себя счастливой, окруженной заботой и любовью», – заявил Роб.

* * *

Приемные семьи – семьи, где собаки жили во время обучения, – как оказалось, были очень опытными кинологами, которые подходили к своей роли с большим профессионализмом. Они с самого начала понимали, что это временная мера, которая продлится пару недель или месяцев в зависимости от продолжительности обучения, и они строго следовали указаниям от «Medical Detection Dogs». Хотя они и заботились о собаках, приемным семьям запрещалось создавать тесные связи со своими питомцами ввиду того, что впоследствии их передадут постоянному владельцу или на службу дрессировщику. Многие из таких семей были сотрудниками «Medical Detection Dogs», которые наслаждались преимуществами того, что у них есть собака по вечерам и выходным и при этом есть возможность оставить ее в учебном центре днем.

Я договорился о визите в Милтон-Кинс, как только Молли устроится в приемной семье и центре «Medical Detection Dogs». Тем временем Роб прислал мне по электронной почте ее фотографию, которую он сделал во время их первой встречи. Она щеголяла с копной спутанных лохматых черных волос и устремила свой угрюмый взгляд в объектив камеры – я не мог не улыбнуться, когда увидел ее.

– Ты только посмотри на нее, – ухмыльнулся я, когда позже вечером показывал Саре фотографию. – Она выглядит как член группы «Black Sabbath»[6].

– Но немного неряшливая, не находишь? – ответила она, подняв брови.

Что характерно, я сразу же установил фотографию Молли в качестве заставки на свой телефон. Всякий раз, когда я ловил себя на том, что смотрю на нее, или когда показывал ее друзьям и семье, я чувствовал разливающееся внутри тепло. Эта собака дарила мне энергию, и я не мог дождаться, когда встречусь с ней.

* * *

Когда я впервые увидел Молли, она носилась по территории «Medical Detection Dogs», пытаясь поймать теннисные мячи, которые сотрудники кидали с разных сторон. За тем, как она

бежала, пригибалась и прыгала, чтобы поймать эти мохнатые лимонно-зеленые мячики, было приятно наблюдать, и, наконец увидев ее вживую, я почувствовал, что горжусь ею.

– Ты только посмотри на ее способность сосредотачиваться, Колин. Это феноменально! – сказал Роб, который, как и я, любовался ею издалека. – А что касается запасов энергии… этого у нее хватает с лихвой.

Через полчаса он сопроводил меня в ближайший вагончик, где я наконец-то встретился с Молли лицом к лицу. Я нервничал, хотя это было на меня не похоже, словно присутствовал на заключительном собеседовании для получения важной работы, и по мере того, как тикали часы, моя голова начала кружиться, а сердце колотиться все сильней. Мы с Молли должны были почувствовать связь, иначе все могло пойти наперекосяк.

Внезапно дверь со скрипом открылась, и Молли влетела в комнату в сопровождении коллеги Роба Астрид, которая недавно вернулась из Германии со своего задания. Меня сразу же поразили яркие искрящиеся глаза собаки и то, как она самоуверенно задирала свой блестящий черный нос. Ее шерсть была ухоженной и причесанной, она выглядела воплощением здоровья и счастья, совсем не как на той фотографии.

– Это просто удивительное существо, Колин, – отметила Астрид, говорившая с испанским акцентом.

Она уже провела некоторое время с Молли, выполнив несколько простых упражнений в учебной лаборатории, и за это время успела к ней привязаться.

– Дай мне знать, если передумаешь насчет нее, – подмигнула она, – потому что я с радостью заберу ее у тебя.

Затем Молли начала бегать по комнате, обнюхивая каждый пыльный угол, исследуя каждый сантиметр пространства, оценивая каждого человека. Когда она, наконец, заметила меня, неуверенно сидящего на офисном стуле, она остановилась на мгновение и с любопытством наклонила голову.

«Кто вы такой, мистер? – казалось, спросила она. – Почему вы здесь? Чего вы хотите от меня, а?»

– Колин, ты только посмотри, – улыбнулся Роб. – Я думаю, что Молли экзаменует тебя и проверяет, подходишь ли ты ей.

Я специально не стал подзывать ее к себе, чтобы наклониться и погладить. Я знал, как восприимчивы собаки к человеческому поведению, и не хотел пугать или тревожить ее. Вместо этого я просто сидел на месте и не сводил с нее взгляда, в то время как множество мыслей кружилось в моей голове.

«Ну, юная леди, – подумал я. – что скажешь? Сможем ли мы работать вместе? Готова ли ты к удивительным приключениям?»

Роба и Астрид очень позабавило это выяснение отношений.

– Не могу предположить, кто из вас сделает первый шаг, – произнесла Астрид. – Это все равно что наблюдать за мексиканской дуэлью.

В итоге Молли решила сдвинуться с мертвой точки. Она медленно подошла ко мне, легонько ткнулась мордой мне в бедро и, к моему изумлению, ловко запрыгнула ко мне на колени.

Молли словно сказала: «Да, кажется, мне нравится этот парень. Думаю, что смогу работать с ним». Она уютно устроилась у меня на коленях.

Я прижал ее к себе, потрепал ее за шею и посмотрел на Роба и Астрид, которые сияли, словно гордые родители.

– Я думаю, Молли уже приняла решение, – улыбнулся я, когда она повернулась к ним мордой. – И я тоже.

Я почувствовал облегчение, найдя наконец-то свою собаку. Я просто знал, что это – она. Я прошел длинный и тяжелый путь, чтобы добраться сюда, и под конец начал чувствовать себя эмоционально истощенным. За последние два года не проходило и дня, чтобы я не думал о своем проекте, и моя одержимость тяжело сказывалась на моем бизнесе и на моей личной жизни. Некоторые из моих клиентов отказались от моей помощи, жалуясь на то, что не могли связаться со мной. Кроме того, огромное количество выходных я оставлял Сару одну, а сам уезжал на встречи с кинологами. Много раз я возвращался в Крэнли не в лучшем настроении после того, как очередной «эксперт» говорил мне, что моя идея – это утопия. Сара была невероятно добра и терпеливо выслушивала все мои жалобы и ворчания.

Однако в тот день после встречи с Молли я вернулся домой, переполненный неописуемой радостью.

– Представь себе, Сара, я нашел свою собаку, – ухмыльнулся я, крепко обняв ее и поцеловав в щеку. – Наконец-то поиски закончились. Молли совершенно потрясающая, и, если все будет хорошо, однажды она будет жить с нами.

– Это замечательно. Я рада, – не совсем убедительно ответила моя вторая половинка.

* * *

В тот вечер я решил позвонить Анне. Она внимательно следила за моими успехами и знала все о тех испытаниях и невзгодах, с которыми мне пришлось столкнуться. Я также чувствовал, что многим обязан своей подруге, так как именно она познакомила меня с Клэр и Робом.

– Ты не поверишь, Анна, – сказал я. – Молли просто идеальна. Она даже лучше, чем я себе представлял.

– Я так рада за тебя, Колин, – ответила она. – Я уверена, что в «Medical Detection Dogs» прекрасно обучат ее. Они бы ни за что не согласились дрессировать Молли, если бы не считали, что она подходит.

Следующие полчаса мы провели, болтая обо всем, что касалось Молли, особенно о ее здоровье и благополучии. Опыт Анны в этом отношении был непревзойденным: она дала мне так много бесценных советов и рекомендаций, касающихся правильного питания для служебных собак и борьбы с собачьей тревожностью. К тому времени как я повесил трубку, у меня уже был длинный список того, что мне нужно было обдумать, и куча вопросов, с которыми я должен был ознакомиться.

«Наконец-то, – подумал я, откинувшись на спинку стула. – Мы все-таки двигаемся вперед».

* * *

Предполагаемый срок обучения составлял 6 месяцев, во время которого Молли останется в «Medical Detection Dogs» в Милтон-Кинс и будет продолжать жить со своей приемной семьей. Под опытным руководством Роба и Астрид она научится пользоваться своим обонянием, подвергаясь воздействию множества различных запахов, и со временем научится различать их. Что касается меня, то мне разрешалось регулярно навещать Молли, чтобы наблюдать за ее прогрессом. Роб с радостью рассказывал мне о проделанной работе. Еще мне разрешалось проводить с ней немного времени, которое мы тратили на прогулки, разговоры и игры с мячом – чтобы подружиться.

Молли блестяще проявляла себя в «Medical Detection Dogs» и прекрасно адаптировалась к учебной программе, однако уже через несколько месяцев у нее начали появляться некоторые тревожные проблемы с поведением – это проявлялось вне учебного центра. С момента своего приезда Молли сблизилась с Астрид (возможно, даже слишком) и, как выяснилось, сильно переживала разлуку, когда та покинула благотворительный фонд, чтобы заняться другими проектами. В то время как специалистам из «Medical Detection Dogs» удавалось справиться с ее раздражительностью в тренировочном центре, ее приемные родители столкнулись с огромными проблемами дома. Будучи очень своенравной собакой, она начала нарушать правила и позволять себе вольности – прыгать на диван, воровать еду со столов и игнорировать команды – и фактически демонстрировала непослушание, из-за которого от нее отказался ее предыдущий владелец. Мы все понимали, что подобные проявления необходимо остановить, пока они не поставили под угрозу весь проект.

«Плохо воспитанная и непослушная Молли никогда не сможет нормально выполнять свои обязанности, – сказал я Робу. – Это нужно пресечь в зародыше. И быстро».

«Medical Detection Dogs» привлекли специалиста по поведению собак, работавшего с ними на договорной основе, с говорящим именем Марк Доггетт. Он был призван исправить поведение Молли и восстановить некоторый баланс в ее жизни. Ее решили перевести из приемной семьи на постоянное попечение Марка. Она будет жить в его доме в Уэст-Мидленде с двумя его любимыми собаками, где ее научат контролировать свое поведение, придерживаться строгих границ и не обращать внимания на отвлекающие факторы. Что касается ее тренировок по определению запахов, Марк под руководством «Medical Detection Dogs» будет продолжать заданный режим вдали от центра, по существу опираясь на базу, уже заложенную Робом и Астрид.

Эта интенсивная и индивидуальная терапия должна была длиться по меньшей мере три месяца, а это означало, что Молли мне передадут еще не скоро. Хотя я был глубоко разочарован таким развитием событий, я согласился, что это было необходимо, и оставался терпеливым. Я слишком долго ждал, чтобы проект состоялся, и не хотел потерять все.

Перевод Молли в другую семью не казался наилучшим выходом, но когда я впервые увидел, как Марк взаимодействует с ней, то убедился, что она в надежных руках. Он не только прекрасно понимал Молли, но и оказывал на нее огромное успокаивающее воздействие, и я прекрасно понимал, почему «Medical Detection Dogs» решили назначить его на эту роль.

Марк не возражал, чтобы я навещал его в Бирмингеме (я часто заглядывал к нему после очередной встречи с Клэр и Робом). Он с радостью позволял мне брать Молли на прогулку, и мы гуляли с ней вдвоем. Я наслаждался каждым мгновением, проведенным вместе, а каждое прощание давалось мне с большим трудом.

Поначалу прогресс Марка с Молли казался медленным, а его еженедельные отчеты выявляли целый ряд проблем.

«Я пытаюсь найти триггеры, которые стимулируют в Молли непослушание, чтобы я мог справиться с ее плохим поведением», – сказал он мне во время одного телефонного разговора. Он также рассказал, что использует систему вознаграждений, чтобы поощрять ее за хорошее поведение. Например, во время игр с любимыми собаками Марка Молли приказывали ждать своей очереди, что ей давалось с трудом. Однако, если она делала то, что ей скажут, обуздав резвость и

нетерпение, ее вознаграждали забавами и играми, связанными с теннисным мячом.

Правила поведения в помещении обладали первостепенной важностью в восстановлении дисциплины в ее поведении. Например, ей не разрешалось заходить в спальню, а также на кухню, когда там готовилась еда.

К счастью, с началом второго месяца работы Марк подтвердил, что моя маленькая Молли наконец-то достигла успехов: она хорошо реагировала на свои поведенческие тренировки и, к моему большому облегчению, продолжала показывать превосходные результаты в своем обучении.

Этот прорыв означал, что Клэр и Роб с радостью могли назначить дату, когда ее передадут мне, – в пятницу 23 декабря 2016 года. Однако, прежде чем я мог забрать Молли домой навсегда, мы оба должны были пройти двухнедельную интенсивную подготовку в Милтон-Кинс. Две недели интенсивных тренировок и экзаменов, и пока мы с Молли не докажем, что можем эффективно работать в команде, печать одобрения «Medical Detection Dogs» нам не поставят, и в результате мой проект окажется под угрозой.

В течение этого решающего двухнедельного периода мы проводили много времени в различных местах рядом с учебным центром, всегда начиная в 9 часов утра. Марк или Роб тщательно демонстрировали мне сложные методы обнаружения запахов, которым была обучена Молли, и, кроме того, научили меня, как проводить имитацию поиска, скрывая разные образцы запаха в различных условиях. Каждая задача становилась все сложнее и сложнее. Например, в начале второй недели мы попросили Молли обнаружить единственный образец запаха в маленьком саду, а ближе к концу мы спрятали образец на ферме вместе с двумя контрастирующими образцами, которые Молли пришлось игнорировать. Она легко справлялась со всеми задачами, и, когда она с уверенностью выполняла все мои команды, я почувствовал, что и сам начинаю верить в наш успех. В конце концов, проверяли не только Молли, но и меня.

«А где, по-твоему, ты ошибся в этот раз, Колин?» – спросил Марк, заглядывая мне через плечо. Все это было волнительно.

После каждой тренировки, пока Молли наслаждалась заслуженной передышкой, мы с Робом или Марком обсуждали теорию. Они делились своим опытом и подкрепляли мои знания, объясняя, например, как метеорология и топография могут влиять на запахи, или описывали тонкости работы обонятельной системы кокер-спаниеля. Мы обсудили широкий спектр тем, включая правильное использование тембра голоса во время

поиска, применение определенных типов игр и преимущества внедрения системы вознаграждений.

По прошествии двух недель Молли начала понимать, что этот парень, Колин, сыграет важную роль в ее жизни. Мы с моим будущим напарником стали еще ближе. Команда «Medical Detection Dogs» была чрезвычайно воодушевлена глубокой связью, которую мы создали, и нашей работой в унисон. Мне казалось, что из нас получится традиционный детективный дуэт, как у Кегни и Лейси или Морса и Льюиса. Все были в восторге от того, что мы с моей подопечной так хорошо поладили.

«У вас сложилась удивительная команда, Колин», – сказал Марк, когда однажды утром мы поехали в ближайший лес на очередную тренировку. Молли сидела в своей клетке и сгорала от нетерпения.

«Глубокое понимание друг друга всегда было ключом к успеху, но, как я вижу, у вас с этим проблем нет».

В конце каждого учебного дня мы с Молли отправлялись к моим родителям в Котсуолдс, который находился всего в 40 минутах езды от центра. Они согласились приютить нас на две недели и особенно жаждали познакомиться с последним пополнением семейства Бутчеров.

«Ух ты, как интересно! – казалось, сказала Молли, когда мы отъезжали от Милтон-Кинс после нашего первого дня вместе в “Medical Detection Dogs”. – Куда мы едем? С кем мы встретимся?»

Как я и ожидал, Молли очаровала моих родителей, но они сразу поняли, что с этой собакой будет непросто.

– Боже мой, да она искрится энергией, ты посмотри! – заметила моя мать с восхитительной сдержанностью, в то время как Молли словно сама отскакивала от кухонных шкафов и поверхностей в погоне за новеньким теннисным мячиком. – А Сара знает, во что ввязалась?

– Конечно, – ответил я, нервно улыбнувшись.

К концу первой недели мои родители были измотаны, их кухонный пол был покрыт черной собачьей шерстью. Молли старалась привыкнуть к изменениям в окружающей среде, но это давалось ей с трудом. Однако, будучи преданными любителями животных, они ни на йоту не переживали по этому поводу.

* * *

Посреди двухнедельной тренировки в жутко холодный вечер пятницы я впервые привез Молли домой в Крэнли. До ее приезда я сделал в доме ряд необходимых улучшений, чтобы максимально приспособить его к появлению собаки. Я превратил нашу подсобку на первом этаже в маленькую берлогу для Молли – место, где она могла бы уединиться в тишине и покое. Затем,

несмотря на сопротивление Сары («Ей хватит и одного места для сна, Колин!»), я положил несколько мягких собачьих кроваток в самых теплых местах дома. Я также заказал множество любимых угощений Молли, включая кровяную колбасу, вяленое мясо, сосиски для хот-догов и сыр Чеддер, а также сходил в местный зоомагазин и пополнил запасы собачьих игрушек.

Стремясь посвятить Молли как можно больше времени, пока она пытается обжиться на новом месте, я тщательно скорректировал свое расписание, отменив все встречи или расследования, которые требовали, чтобы я отсутствовал больше чем несколько часов. Кроме того, я решил не улетать в отпуск, по крайней мере за границу, в ближайшие 6 месяцев, так как мне не хотелось расставаться с Молли на этом важном этапе ее жизни. Сара, которая в течение предыдущих четырех лет проводила большую часть февраля на вилле нашего друга на восточном побережье Карибского моря, была, конечно, вне себя от недовольства.

Когда моя девушка вернулась домой с работы вечером в ту пятницу, она была не в восторге от увиденного. Мы с Молли провели целый день, занимаясь пробными поисками в сельской местности Бакингемшира, пробираясь через ручьи и живые изгороди: мы оба вернулись домой вымокшими и вонючими. Я как раз запихивал свой грязный рюкзак в стиральную машину, когда услышал, как ключ Сары поворачивается в замке и ее шпильки стучат по коридору.

– О боже, как здесь воняет! – воскликнула она, зайдя на кухню.

Она выглядела безупречно в темно-синем деловом костюме и кремовой блузке.

– Привет, солнышко, – Я ухмыльнулся и указал на забрызганную грязью Молли, распростертую на моем плаще. – Смотрите, кто пришел!

Я подошел, чтобы чмокнуть ее в щеку, но она в ужасе отшатнулась.

– Посмотри на себя! – взвизгнула она. – Ты же весь в грязи. И… что это еще за запах, черт возьми?!

– Так пахнет мокрая собака, дорогая. Запах исчезнет, как только Молли высохнет, обещаю.

– Она жутко воняет. Ее нужно как следует вымыть, – сказала она, глядя на Молли, а потом перевела взгляд на меня и добавила, – и тебя тоже.

Она положила свою кожаную сумочку на кухонный стул и повернулась, чтобы повесить куртку. Быстро, как молния, моя озорная собачка сунула свою мокрую морду в сумку и принялась

рыться в ней, вытащив кошелек и пачку салфеток. Она остановилась на последнем и принялась радостно кромсать содержимое.

– Мне показалось, или ты сказал, что собака воспитанная?! – завопила моя перепуганная вторая половика, схватив сумку со стула.

– Она просто немного любопытна, вот и все, – кротко ответил я, когда Сара выскочила из кухни, хлопнув дверью.

Молли склонила голову набок, а потом печально посмотрела на меня.

«Что я сделала не так? Почему я не понравилась этой даме?»

«Не волнуйся, Молли, – прошептал я, поднимая мокрые от слюны салфетки. – Для Сары все это в новинку. Не обижайся. Ей просто нужно время, чтобы привыкнуть к тебе. Но дам тебе один совет: держись подальше от ее сумочек, ладно?»

Я ласково погладил ее по голове, и она в ответ ткнулась носом в мою ладонь.

«В любом случае, маленькая мисс, пойдемте в ванную, – сказал я. – Сара права. От тебя *действительно* воняет».

* * *

В ту ночь мне так и не удалось поспать. Молли постоянно скулила, когда я оставлял ее одну, она выглядела очень напряженной и встревоженной. Команда «Medical Detection Dogs» предупреждала меня об этом, посоветовав проявлять больше заботы и любви, а также делать поблажки по мере того, как она медленно акклиматизируется к своей новой среде обитания.

«Позволь ей привязаться к тебе, Колин, потому что она отчаянно этого хочет, – сказал Роб. – Делай все возможное, чтобы она чувствовала себя в безопасности».

В конце концов мне пришлось тащить одеяло в комнату к Молли, чтобы остаться с ней на ночь. Я тихо лежал рядом с ее кроватью, гладя и успокаивая ее, пока она не свернулась калачиком и не закрыла глаза.

* * *

На следующей неделе мне наконец разрешили забрать Молли домой навсегда. Мы сдали наш двухнедельный тест с отличием, а ведь временами он казался таким же строгим, как и подготовка летного состава Королевского флота. Собака была готова к передаче на мое попечение. «Medical Detection Dogs» кипела рождественским духом: у них была ежегодная корпоративная вечеринка в тот день, и нас с Молли встретили морем улыбок, сменившимся рекой слез, когда мы прощались со всем персоналом, который осыпал Молли собачьими лакомствами, а мне достались пирожки с мясом. Моя собака все время пряталась

за моей ногой, как ребенок, словно говоря: «Я тебя не брошу, папа, я никуда от тебя не уйду…»

Затем мы навестили Клэр в ее офисе. Она сыграла важную роль в этом проекте от начала до конца, позволив проводить тренировки в ее оживленном центре и разрешив мне работать с ее невероятной командой. Она также познакомила меня с Астрид, а ведь такой эксперт по подбору запахов, как она, был абсолютно необходим для уникальной программы обучения Молли. Она кропотливо применила те же научные методы, которые она использовала для тренировки собак-ищеек для немецкой полиции.

– Для меня было большой честью помогать вам, Колин, – сказала Клэр. – И можно с уверенностью сказать, что у тебя теперь есть необыкновенная собака.

После чего Молли протянула ей лапу, и я почти уверен, что моя коллега смахнула слезу.

– Прощай, Молли, – улыбнулась она, когда мы вышли из кабинета. – Желаю тебе всего самого наилучшего.

Выйдя на улицу, я заметил Роба и Марка, болтающих друг с другом возле огромного тренировочного поля, которое за последние 9 месяцев стало любимой игровой площадкой Молли. Они оба помахали нам, когда увидели, что мы неторопливо приближаемся, и засмеялись, глядя, как Молли исчезает под ближайшей изгородью и появляется вновь, держа в зубах заплесневелый старый теннисный мяч.

– Всякий раз, когда я буду смотреть Уимблдон, я всегда буду думать о тебе, Молли, – усмехнулся Роб, глядя на нее с гордостью и нежностью, в то время как я стоял с комом в горле.

– Вы, ребята, просто великолепны, – сказал я, мужественно пытаясь скрыть дрожь в своем голосе, обнимая их обоих. – Вы отлично поработали, и я бы ни за что не справился без вас.

Благодаря их знаниям и опыту этот проект стал возможным, и я всегда буду у них в долгу.

– У тебя необыкновенная собака, – заявил Марк, присев, чтобы обнять Молли. – Она одна на миллион.

– Спасибо, что доверил ее нам, Колин, – добавил Роб. – Мне было очень приятно работать с вами обоими.

Через несколько минут я уже выезжал с парковки и, окинув взглядом этот необыкновенный учебный центр, поймал себя на том, что мысленно возвращаюсь к событиям прошлой весны. Мы с Молли прибыли сюда порознь, не зная, куда заведет нас будущее, а теперь вместе отправлялись в удивительное путешествие.

* * *

На обратном пути в Крэнли мой телефон разрывался от

звонков с поздравлениями. Так много друзей и родственников следили за успехами Молли, и все они были взволнованы, узнав, что она закончила обучение с отличием и возвращается домой.

Когда мы проезжали через Чилтерн-Хиллз, Сара позвонила, чтобы обсудить приготовления к нашим рождественским каникулам. Мы планировали присоединиться к моим родителям, братьям и сестре (и их разношерстным спаниелям) в замечательном отеле, куда пускали с питомцами, – «Lygon Arms» в сельском Вустершире.

«Я начала собирать вещи Молли, они в прихожей, – сказала она. – И если ты думаешь, что мы поедем в моей машине, то сильно ошибаешься. Я не хочу потом отчищать салон от собачьей шерсти».

Она использовала имя моей собаки вместо местоимения «это» – довольно многообещающий шаг вперед, но я не питал иллюзий – Молли все еще предстояло завоевать сердце Сары.

Когда небо начало темнеть, я попал в пробку – все куда-то спешили на праздники. Колонна машин и не думала двигаться, так что я выключил двигатель, посмотрел в зеркало заднего вида и заговорил с Молли.

Я болтал с ней добрых 20 минут, пока она смотрела на меня через заднюю панель своей дорожной клетки, время от времени постукивая хвостом по ее стенкам.

Я рассказал ей, как она будет радоваться Рождеству в Котсуолдсе и как вся семья Бутчеров с нетерпением ждет встречи с ней. Я сказал ей, что, как только наступит Новый год, я отвезу ее в офис моего агентства на прекрасную ферму Брамбл-Хилл, где она сможет играть на лугу, резвиться в лесу и практиковаться в поисках. Пока мы ждали, чтобы продолжить наш путь, я рассказал ей о некоторых собаках, которых знал и любил в своей жизни: уличные бродяги Сингапура, Джемини – искатель кошек, моя лучшая подруга Тина, Тесс, Макс и Джей, которых мне сильно недоставало.

«Но теперь у меня есть *ты*, – улыбнулся я, глядя на отражение Молли в зеркале, а она внимательно слушала, склонив голову набок. – Ты так много работала, моя прелестная девочка, и я тобой очень-очень горжусь. И только подумай, через несколько недель мы сможем найти нашу первую пропавшую кошку. Как это будет *замечательно*!»

«Буф-буф-буф-буф», – выстукивала хвостом по переноске Молли, словно пытаясь передать послание с помощью азбуки Морзе.

Через несколько минут машины тронулись, и наше путешествие на юг продолжилось. Мы с Молли направлялись

домой.

Тренировки в Брамбл-Хилл

Поверить в то, что Молли наконец-то жила у меня дома, было сложно, и это было потрясающее чувство. Мы счастливо провели Рождество в «Lygon Arms»: прислуга, гости и вся семья холили и лелеяли мою собаку, которая замечательно чувствовала себя в центре внимания. Новый год мы решили отпраздновать дома в Крэнли. Я открыл парадную дверь с облегчением: праздники почти закончились, и настало время уделить внимание моей новой маленькой сожительнице.

– Вот мы и дома, Молли, – сказал я, когда она вбежала внутрь, шмыгая носом вдоль плинтусов.

– Не позволяй ей метить углы, Колин, – холодно сказала Сара, прежде чем отправиться в спальню, чтобы разобрать чемодан. – Да, и еще ей нужно вытереть ноги.

– У Молли *лапы*, милая, а не ноги, – ответил я.

– Ну, что бы это ни было, их нужно помыть, а иначе ковру конец.

Я взглянул на свою несчастную собаку, она явно почувствовала настроение Сары.

«Я вытерла лапы по дороге сюда, папа, – казалось, ответила она. – Я стараюсь быть хорошей, честное слово…»

В тот день с нами был мой 20-летний сын Сэм, который решил провести со мной последнюю неделю каникул, прежде чем вернуться в Манчестерский университет. Он познакомился с Молли прошлой осенью в «Medical Detection Dogs» – это была любовь с первого взгляда, и он был рад помочь ей обжиться у нас. Декабрь был сложным месяцем для моего маленького кокер-спаниеля (она побывала в трех графствах и во многих других местах, повстречала бесчисленное количество новых лиц), и настало время обрести столь необходимую ей стабильность.

Сара вернулась на работу, она явно была рада возможности избавиться от хаоса, вызванного появлением Молли, а мы с Сэмом остались дома, чтобы помочь нашей собаке адаптироваться. Присутствие моего сына в этот момент было просто даром небес, большую часть недели он проводил, болтаясь с собакой на кухне или играя с ней в мяч в саду, помогая Молли забыть свои тревоги и почувствовать себя в полной безопасности. Все эти годы мы с ним были преданы нашим домашним животным: «Заботься прежде всего о тех, кто не может позаботиться о себе сам», – твердил я ему с детства как мантру. Я был счастлив узнать, что моя любовь к животным передалась и ему.

Молли очень не хотелось расставаться со мной в первые дни: довольно ожидаемая реакция, учитывая пережитые ею потрясения – вереница хозяев, а после долгое обучение в «Medical Detection Dogs». Неудивительно, что у нее развился страх быть брошенной. Я заметил различные проявления этой фобии. Например, когда я здоровался с ней утром, она в ответ нежно покусывала внутреннюю сторону моей ладони, словно щенок, сосущий мать, – так она пыталась удержать меня и укрепить нашу связь. Позволив ей это, я фактически давал ей понять, что всегда буду рядом с ней и, в отличие от ее предыдущих владельцев, никогда не оставлю ее.

Я обнаружил, что она постоянно ходит за мной по всему дому, нервно подскакивая всякий раз, когда я пытался выйти из комнаты, и через несколько мгновений внезапно появлялась у меня за спиной. Все, что я мог сделать на этой стадии, это попытаться успокоить ее. Я опускался на корточки, избегая любых неожиданных движений, и скорее гладил, чем обнимал ее (как и многие собаки, она не любила, когда ее сильно прижимали).

«Молли, солнышко, я только схожу в прихожую за почтой, – говорил я вполголоса. – Я вернусь, ты не успеешь и дважды махнуть хвостом, обещаю».

Однако она все равно следовала за мной с выражением, будто я покидаю ее навсегда, так что первые две недели я просто плыл по течению, позволяя ей ходить за мной по пятам. После этого, однако, я потратил много времени, чтобы научить Молли понимать, что мой выход из комнаты не был чем-то плохим. Если я планировал выскочить из своей рабочей комнаты, чтобы, например, приготовить кофе, а Молли в это время лежала в своей кроватке в нескольких метрах от меня, я аккуратно привлекал ее внимание, приказывая ей «стоять» и давал кусочек лакомства, прежде чем медленно открыть дверь. Через несколько дней она, наконец, все осознала и ее навязчивое поведение исчезло. Вскоре она поняла, что я не оставлю ее навсегда и что она может рассчитывать на мое возвращение. Чтобы помочь ей чувствовать мое присутствие все время, я положил в каждую из ее кроватей по одному своему свитеру, зная, что мой уникальный запах даст ей ощущение комфорта.

В общем и целом наш будущий совместный успех в качестве владельца и домашнего животного или коллег-сыщиков зависел от того, насколько Молли мне доверяла и была уверена в том, что я ее не подведу. Я мало что знал о жизни Молли, но достаточно знал о собаках, чтобы понять, что она все еще чувствовала себя уязвимой и что события из прошлого эмоционально травмировали ее. Я заметил, что она вздрагивает от резких

движений или когда захлопывается дверь, в такие моменты я подходил и успокаивал ее. Я мог только предполагать, что, возможно, кто-то однажды набросился на нее или запер в сарае.

«Все в порядке, – тихо шептал я, нежно баюкая ее на руках. – Со мной ты в безопасности, Молли. Я всегда буду рядом. Всегда».

По своему опыту спасения животных я знал, что, хоть собаки обычно и живут «настоящим моментом», в некоторых случаях может потребоваться очень много времени, чтобы животное перестало бежать от болезненных воспоминаний. Лучший способ справиться с этой ситуацией, как я обнаружил, состоял в том, чтобы обеспечить их любовью и привязанностью, наслаивая хорошие воспоминания поверх плохих, чтобы заглушить последние.

Я также регулярно играл с ней в помещении, чтобы не дать ей заскучать. Прислушавшись к совету Марка, я разделил ее игрушки и положил их в две коробки. В первой лежали игрушки, которые ей разрешалось держать возле лежанки и с которыми она могла играть в любое время (особенно ей нравилась крыса с пищалкой, которую она таскала за собой по всему дому). А во второй лежали игрушки, с которыми ей разрешалось играть только с моего разрешения, и я строго наказывал ее, если она убегала с ними или портила их. Поэтому вторая коробка стояла на холодильнике – вне досягаемости Молли. Она часто сидела на кухне и жалобно скулила, смотря на нее, но я должен был стоять на своем.

«Нужно воспитывать в ней дисциплину, – помнится, говорил мне Марк. – Молли – очень упрямая собака. Ей нужно понять, что есть вещи, которые трогать запрещено».

* * *

Пока Молли была в «Medical Detection Dogs», Марк обучил ее длинному списку уникальных команд. Некоторые были для повседневного использования, некоторые – для работы, которые мы с моим сыном Сэмом изучили и по возможности применяли. Марк придумал для нее совершенно новый лексикон, пытаясь справиться с непослушанием, которое она проявила в доме своих временных владельцев. Там она откровенно игнорировала стандартные команды, наподобие «сидеть» и «лежать», она умышленно делала все наоборот и также развила отвращение к слову «нет». Последнее, без сомнения, возникло из-за гибких методов воспитания ее дрессировщиков вкупе с тем фактом, что эта хитрая маленькая собачка научилась к ним подлизываться.

Например, ей командовали резким голосом «нет!» всякий раз, когда она вскакивала на стол, чтобы стащить печенье с тарелки, но после пяти минут скулежа все же уступали ей и угощали

печеньем. Естественно, Молли вскоре начала ассоциировать эту якобы отрицательную команду с положительным результатом: для нее «нет», по существу, означало «да».

Поэтому перед тем, как передать ее мне, Марк решил создать новую командную систему для Молли, внушив совершенно новый набор слов взамен кучи старых. Так что «нет» было заменено на «А-ха»; «сидеть» стало «стоять»; «хоп» означало «прыгай сюда»; а «встать» – «все четыре лапы на земле». Он также разработал несколько рабочих команд, предназначенных для использования во время тренировочных и реальных поисков.

Мы с Сэмом часами репетировали с Молли эти новые слова и фразы.

«А-ха!» – говорил я, пригрозив ей пальцем, когда она вскакивала на стул, и она смиренно спрыгивала обратно, когда понимала, что я говорю серьезно.

Поначалу я часто звонил Марку, потому что мне очень хотелось получше узнать привычки и особенности поведения Молли. Например, привычку, которую она развила вскоре после того, как Сэм вернулся в университет. Большинство вечеров мы с Сарой проводили в гостиной, читая, смотря фильм или просматривая электронную почту. И как только мы усаживались на диван, Молли замечала, что она больше не центр внимания. Оскорбленная этим, она принималась кругами ходить по дому, совершая двухминутный обход вокруг дивана, вдоль стены гостиной, вокруг обеденного стола, мимо большого книжного шкафа, перед телевизором, вдоль камина, позади кресла Сары и, наконец, снова к дивану.

Молли нарезала примерно 20 кругов, преодолевая повороты, словно Льюис Хэмилтон, пока не начинала задыхаться, после чего ложилась, чтобы отдохнуть. Однако, как только она восстанавливала дыхание, она начинала все сначала и, несмотря на мои усилия, не могла успокоиться.

– Как я могу сосредоточиться на фильме?! – воскликнула Сара однажды субботним вечером, когда запыхавшаяся Молли в 15-й раз заслонила собой экран телевизора. – Это сводит меня с ума, Колин. Неужели ты ничего не можешь с этим поделать?

Мое предложение повесить телевизор на стену было встречено ледяным взглядом.

– Ладно, – покорно сказал я. – Я все понял. Оставь это мне.

В следующий понедельник я позвонил на «горячую линию», то есть Марку Доггету.

«Молли определенно ищет внимания, она также может скучать по Сэму, но есть способы остановить эти гонки», – заявил мой наставник по собачьему поведению, прежде чем изложить

строгий план действий.

Следующие несколько вечеров вместо того, чтобы сидеть на диване, где она брала меня в оцепление, словно коренные американцы генерала Кастера, я сидел и читал книгу, прислонившись спиной к батарее в гостиной или к стене в столовой. Я вытягивал ноги вперед, тем самым создавая физическое препятствие у нее на пути, а также отвлекал ее внимание игрушкой, сбивая с толку. Совет Марка спрятать ее любимые лакомства вдоль ее «курса», чтобы разорвать ее «замкнутый круг», тоже сработал. Когда она отвлекалась на запах еды и находила закуску, она также получала ласки от вашего покорного слуги. Частота нарезания кругов упала, и в конце концов она совсем перестала это делать.

«Ну, слава богу!» – с облегчением вздохнула Сара, впервые за несколько недель посмотрев фильм, ни разу не отвлекшись на Молли.

* * *

Если я собирался держать в узде такую своенравную собаку, как Молли, мне нужно было установить в доме жесткие правила. Я понимал, что если не сформулирую свод правил, то у меня будут неприятности.

После долгих размышлений и консультаций с Марком я решил предоставить ей свободу передвижения по большей части дома с парой запретных зон. Ей не разрешалось входить ни в одну из наших ванных комнат, если только я не купал ее после прогулки, а также в обе спальни. Я потратил несколько часов, обучая ее распознавать эти особые границы, и даже сделал их более заметными, наклеив на пороги дверей две полосы серебристо-серой клейкой ленты.

«А-ха, Молли! – командовал я, если она пыталась пройти внутрь. – *А-ха-а-а!*»

Но Молли не была бы Молли, если бы не пыталась в буквальном смысле переступить черту. Иногда я замечал, как она лежит в коридоре на дозволенной стороне клейкой ленты примерно в метре от двери в нашу спальню. Потом, когда она думала, что я не смотрю, она медленно протягивала свою лапу так, чтобы та касалась «пограничной зоны», и шажок за шажком продвигалась вперед.

«Молли-и-и!» – кричал я, и она тут же отдергивала лапу, словно та была на пружине. Затем мгновение спустя краем глаза я замечал ее длинную черную морду, крадущуюся к порогу двери.

«МОЛЛИ-И-И!»

У нас с Молли была постоянная борьба характеров, и иногда требовались огромные усилия, чтобы одержать верх. Наблюдать,

как она постоянно пытается попасть в спальню, было очень забавно. Она была та еще маленькая озорница, но, чтобы уберечь ее во время настоящих поисков, мне нужно было научить ее повиноваться и понимать мои команды. «Нет» значит «нет» (или в случае Молли «А-ха» значит «А-ха»).

Прыгать на наш удобный кожаный диван тоже было запрещено, но это не мешало Молли испытывать удачу. Иногда темными зимними ночами, особенно если единственным источником света была моя настольная лампа, она незаметно прокрадывалась на диван. Через пару минут я бросал свой взгляд налево, откуда на меня смотрела пара глаз-бусинок, сидящих рядом со мной. Я говорил что-то вроде: «Эй, прочь отсюда, маленькая хулиганка!» – и легонько сталкивал ее локтем с дивана.

Мне также приходилось быть особенно бдительным, когда я смотрел футбол по телевизору, потому что всякий раз, когда я отвлекался, празднуя гол «Челси» или оспаривая сомнительное решение о пенальти, Молли забиралась на диван. Она была умной маленькой собачкой и мастерски находила выход из положения, а ее хитрость не знала границ.

Особенно строго я относился к домашнему режиму питания моей собаки. После того, как она ужинала, я шел с ней на прогулку, а потом, пока мы с Сарой готовили себе ужин, она устраивалась на кроватке в гостиной. Я никогда не позволял своим собакам смотреть, как я ем, и отказывался кормить их остатками с моей тарелки. Молли не была исключением. Для меня это было нерушимым правилом. Благодаря опыту и исследованиям я знал, что поведенческие сценарии собак зачастую состоят из «цепочек», их мозг связывает ряд событий с положительным результатом, что порой приводит к негативным последствиям.

Например, если вы регулярно позволяете своей собаке смотреть, как вы готовите, едите, а после выкидываете несъеденные объедки с вашей тарелки, она обязательно приравняет последовательность кулинарных ароматов, стука кастрюль, сервировки стола и вида того, как вы едите, к вкусной награде. Как следствие, ваша собака начнет докучать вам и попрошайничать, когда вы за столом. Безусловно, это выйдет вам боком, особенно если вы пригласили гостей или запланировали романтический ужин на двоих со своей второй половинкой.

Стремясь не выводить Сару из себя, я делал все возможное, чтобы держать Молли в узде.

«Молли была такой милой и тихой, не так ли?» – сказала Сара после того, как я приготовил романтический ужин из трех

блюд, а моя сытая собака после хорошей прогулки мирно дремала в своей лежанке. Возможно, клубника и шампанское все-таки сделали свое дело, но я был почти уверен, что лед между Молли и Сарой начал таять.

* * *

Трудно отрицать, что первые недели, проведенные с Молли в доме, были испытанием. Как только я устранял одну поведенческую проблему, появлялась другая, словно карусель из собачьих проблем. Я регулярно звонил бедному Марку или моей подруге Анне, прося совета и руководства.

Вскоре нам предстояло преодолеть еще одно препятствие. У Молли не было опыта работы в городских условиях. По моим предположениям, она провела свои первые годы взаперти – на кухнях и в гаражах, – прежде чем ее перевели в «Medical Detection Dogs» в сельском Бакингемшире. Ей предстояло привыкнуть к оживленным общественным местам. Понимая, что это будет непросто, я шаг за шагом подходил к делу, сначала водя Молли на короткие прогулки по Крэнли-хай-стрит, а затем отправляясь в более длительные поездки в центр города Гилфорда. Я нашел места, куда пускают с собакой, и постепенно знакомил ее со множеством магазинов, кафе и ресторанов.

Поначалу у Молли было перевозбуждение от такого количества новых видов, звуков и запахов – собака прыгала вокруг, как гиперактивный малыш. Она наводила хаос в любой забегаловке, которую мы посещали, бросаясь на каждого клиента, который входил в дверь, чтобы поприветствовать его, закручивая свой поводок вокруг моей ноги, почти отрезая кровоснабжение. Я узнал, что она питает отвращение к барам и пабам. Иногда она отказывалась даже входить в такие места, а в других случаях приклеивалась к моей ноге и начинала паниковать, если теряла меня из виду. Я поделился своими опасениями с Марком, и мы пришли к выводу, что Молли однажды сменила хозяина в пабе. По-видимому, это глубоко травмировало ее, она боялась приехать с одним владельцем и уехать с другим. Я был полон решимости помочь ей преодолеть этот страх. Нужно было, чтобы она понимала, что пусть иногда мне все же придется оставлять ее одну, она всегда может рассчитывать на мое возвращение.

Мы с Марком разработали стратегию сводить ее в как можно большее количество пабов и применить некоторые методы для того, чтобы она расслабилась, как только мы войдем внутрь. Во время первых визитов Молли наблюдала за мной, словно ястреб, отслеживая каждое мое движение. Однако постепенно она начала расслабляться, и вскоре ей удалось продержаться целую минуту, не проверяя, где я нахожусь.

Однако некоторые поездки были успешнее, чем другие. Однажды воскресным днем мы с Сарой отважились посетить местный паб «Wisborough» вместе с Молли. Пока мы оба ели, Молли послушно сидела под столом, ее поводок был надежно обвит вокруг ножки стула Сары. Пока мы доедали десерты, я шербет, а Сара чизкейк, несколько других посетителей в сопровождении большого и красивого ирландского сеттера заняли столик напротив. Они пришли, вооруженные яйцеобразной пластиковой игрушкой и с лакомством для своего пса.

Затем, как раз когда Сара отошла в туалет, а я отвечал на важный телефонный звонок от клиента, Молли воспользовалась возможностью пройтись по пабу и схватить замечательную собачью игрушку, которую она заметила издалека. Ножки стула, к которому она была привязана, громко скрипели позади нее, но из-за темной шерсти Молли вкупе с тусклым освещением паба все это походило на сцену с полетом мебели из фильма «Полтергейст».

«Энди, я тебе перезвоню», – прошептал я своему клиенту.

Молли, крепко держа игрушку в зубах, бросилась назад, опрокинув при этом пару пинт пива, и положила игрушку к моим ногам, тем самым вызвав хохот у других посетителей. Однако на хозяина заведения это не произвело впечатления, он появился несколько мгновений спустя со шваброй и ведром, ворча о безответственных хозяевах и их неуправляемых собаках.

«Плохая девочка, Молли!» – сказал я, покраснев с головы до ног, прежде чем вернуть игрушку довольно-таки испуганному ирландскому сеттеру.

* * *

Бодрым морозным днем я впервые отвез Молли на ферму Брамбл-Хилл.

«Что-то мне подсказывает, что тебе здесь понравится, Молли», – сказал я, пристально глядя на нее в зеркало заднего вида, когда мы приблизились к дому из песчаника. Как только я выпустил ее из клетки, она рванула через дорогу, разбрасывая гравий, и выскочила на большой луг перед домом. Радостным галопом она оббежала его по периметру, перепрыгивая через замерзшие лужи и жадно глотая холодный воздух, а также спугнув пару ворон, недовольно каркавших из-за вторжения на их территорию. Я наблюдал за происходящим, стоя на террасе, выложенной йоркским камнем, и довольно улыбался. В последующие месяцы нам с Молли суждено было провести здесь много времени, но она уже выглядела так, словно здесь ее дом.

По команде «Молли, ко мне!» она бросилась назад с

выражением «ух ты, папа, а тут весело!» на ее морде, после чего я прицепил ее к поводку и надел на нее тренировочную шлейку.

«Пойдем осмотрим окрестности», – сказал я, стряхнув ледяные кристаллики с ее лап и капельки воды с усов, а затем повел ее дальше исследовать это поместье площадью два квадратных километра. Я стремился познакомить свою собаку со всеми запахами дикой природы (ей нужно было уметь отличать их от кошачьих запахов во время поисков), поэтому нашим первым пунктом назначения было поле, известное как «Лисья полянка», названное так потому, что в теплое время года на нем обычно рыли норы лисицы. Молли хорошенько обнюхала все вокруг, сунула морду в широкую дыру и, без сомнений, уловила слабый запах лисят, оставшийся здесь с прошлого сезона, а также запах мелких млекопитающих, которыми они пировали. Затем мы неторопливо направились к лабиринту кроличьих нор, которые Молли с интересом изучала и обнюхивала, а после прогулялись по густому лесу, где наше появление заставило местных фазанов и вальдшнепов улететь в заросли белой березы.

Когда солнце начало понемногу опускаться, а по небу поползли облака, я повел Молли к своему любимому месту на ферме Брамбл-Хилл. «Пастуший покой» представлял собой небольшой холм, расположенный в самом центре поместья, его легко было узнать по двум древним величественным дубам, которые веками возвышались здесь. Благодаря его спокойной и мирной обстановке с захватывающим видом на долину он стал моим маленьким убежищем, местом, куда я приходил, чтобы очистить голову и проветриться.

Я уселся на большой плоский корень дерева и прислонился спиной к стволу. Порядком уставшая Молли подошла и плюхнулась на землю, прислонившись ко мне, когда зимний ветерок начал усиливаться. Мы молча любовались открывшейся перед нами панорамой добрых 10 минут, пока какое-то движение в зарослях не заставило Молли внезапно вскочить. Я почувствовал, как она вздрогнула, а ее сердцебиение участилось, когда три косули выбежали из леса и застенчиво пересекли тропинку, прежде чем начать пастись на сочной влажной траве.

Я успокаивающе обнял ее, прижал к себе и увидел два добрых ласковых карих глаза, смотрящих на меня снизу вверх. «Разве это не прекрасно, Молли?» – сказал я, и эмоции захлестнули меня. Вот я здесь, в своем любимом месте, с собакой, о которой мечтал, и совершенно счастливый. Конечно же, бывали дни, когда Молли вела себя крайне неприятно. С тех пор как она переехала сюда, она потрепала множество одежды и мягкой мебели и стала причиной многих проблем в доме, но не испортила ничего такого,

чего нельзя было бы отчистить или заменить. В целом она добилась отличного прогресса в своих тренировках, и количество хороших дней намного превышало количество плохих.

Хотя нам с Молли еще предстоял долгий путь, прежде чем мы сможем по-настоящему назвать себя командой, будущее выглядело очень многообещающим. Учитывая все обстоятельства, я был рад, что Молли появилась в моей жизни.

* * *

Второй этап полевых тренировок Молли, на этот раз со мной в качестве ее куратора, начался в середине января 2017 года. Если мы с моей собакой собирались находить пропавших кошек и дарить надежду их несчастным хозяевам, мне нужно было удостовериться, что Молли была на пике своих возможностей до того, как мы приступим к первому настоящему поиску. Я часами просиживал в офисе, разрабатывая программу, состоящую из разнообразных тестов и упражнений на способности и навыки, а также пробных поисков, многим из которых нас научили Марк и Астрид из «Medical Detection Dogs».

«Колин, – сказал однажды Марк, – ты должен быть очень изобретательным, устраивая пробные поиски: никогда не забывай, какая она умная».

Он также рассказывал, что Молли с легкостью может отследить образец по запаху, и для того, чтобы усложнить ей задачу, мне придется ходить в разных направлениях, пытаясь запутать след, либо попросить кого-то другого сделать это вместо меня. Однако, прежде чем мы могли бы начать тренировочные поиски, я должен был получить несколько образцов настоящей кошачьей шерсти. Поначалу я просил их у своих друзей и соседей – владельцев кошек, но стучаться в двери, чтобы получить клочки шерсти, вскоре стало отнимать слишком много времени.

Тогда Сэм догадалась позвонить в приют для собак и кошек «Battersea Dogs and Cats Home» в Южном Лондоне. В этом всемирно известном центре по спасению животных было множество кошек различных пород, что идеально подходило для наших тренировок. Центр с радостью удовлетворил мою довольно странную просьбу.

«Рад помочь, Колин», – с улыбкой сказал менеджер, когда мы с Молли приехали в оживленный центр однажды утром. Современный вход с открытой планировкой вел к большому круглому столу администратора, внутри повсюду были полки с игрушками для собак. Это был собачий рай. Персонал не мог поверить, насколько дружелюбной была Молли, признавшись, что они никогда не встречали собаку, которая не имела бы склонности лаять на кошек или гоняться за ними. Они также

были заинтригованы моим проектом, особенно процессом распознавания запахов, и в равной степени были впечатлены причиной его создания.

«Если Молли будет искать пропавших кошек, это будет означать, что все меньше их окажется здесь в бедственном положении», – сказал управляющий. Он объяснил, что некоторых кошек к ним привозили из-за пределов Лондона, и, поскольку у них не было микрочипов, было маловероятно, что они когда-либо воссоединятся со своими владельцами.

Мы с Молли терпеливо ждали в приемной, пока персонал в стерильных перчатках, чтобы избежать перекрестного загрязнения, обходил местных кошек, чтобы собрать образцы, осторожно протирая кусочками ткани кошачьи мордашки, чтобы собрать как можно больше шерсти и запаха. Все образцы были запечатаны в пластиковые пакеты и помечены. В каждом пакете с пометкой «А» был «целевой» образец, который я потом разделю на две части, одну часть спрячу, а другую предоставлю Молли в качестве исходного образца. В пакетах «Б» лежали образцы местности, которые позволили бы Молли отличить запах пропавшей кошки от фоновых запахов, связанных с ее домом.

«Не могу даже выразить, как я Вам благодарен», – сказал я, когда появился управляющий с обувной коробкой, набитой пластиковыми пакетиками. Я оставил щедрое пожертвование, а также купил полдюжины подержанных кошачьих переносок. Это было самое меньшее, что я мог сделать для этих благородных любителей животных.

* * *

На ферме Брамбл-Хилл зима постепенно уступила место весне, и матушка-природа, казалось, зевнула, потянулась и медленно начала просыпаться. Замерзшая земля под ногами начала таять, голые ветви начали обрастать листьями, и поляны превратились в бело-желтое море подснежников и шафранов. На ферме было множество укромных уголков и щелей: от гниющих бревен и треснувших стен до заброшенных сараев для сена и конюшен. И на следующее утро я попросил Сэм спрятать образец где-нибудь на территории этого обширного поместья. Такие тренировки я называл «слепым поиском», так как даже я не знал, где спрятан образец, и должен был работать с Молли в команде, чтобы найти его.

Затем пришло время дать Молли понюхать часть образца «А», который я переложил в простерилизованную банку из-под варенья. Я выпустил ее из клетки и без резких движений, понизив тон голоса и тщательно подобрав слова, сообщил ей, что теперь настало время для работы, а не для игр. Я надел на свою собаку

рабочую «униформу» – ярко-желтую светоотражающую шлейку, – взял ее любимое угощение – колбасу – и сунул ее в свой пояс. Я низко присел рядом с Молли, осторожно открыл банку из-под варенья и отдал уникальную команду, которой Марк и Астрид научили меня. «Тома», – сказал я, что послужило сигналом для Молли вдохнуть кошачий запах. Она сунула нос в банку с образцом, принюхиваясь в течение нескольких секунд, чтобы запустить аромат в свою тонко настроенную обонятельную систему. Эту процедуру она проделывала сотни раз в штаб-квартире «Medical Detection Dogs», но судя по пылкому вилянию ее хвоста, она, казалось, была в восторге вновь вернуться к работе.

Я отчетливо скомандовал: «Ищи… Ищи!» – приказал искать запах кошки и спустил ее с поводка.

В течение 15 минут Молли обыскала участок размером с футбольное поле, а затем у входа в небольшой садовый сарай она внезапно легла на землю в позе «лежать» – это был ее фирменный сигнал успешного поиска, которому ее обучили в «Medical Detection Dogs».

«Я сделала свою работу, папа», – казалось, сказала она, смотря мне в глаза.

«Блестящая работа, Молли!» – сказал я. Увидев мои радостные жесты, она несколько раз подпрыгнула почти на метр от земли (я называл это «суперпрыжками»). Как только она проглотила свою заслуженную награду, я устроил ей продолжительную игру с ее любимым теннисным мячом, который с каждым днем становился все более потрепанным.

Каждое занятие на ферме становилось новым опытом для нас обоих. У каждого поиска была своя цель, более хитрое укрытие или другие погодные условия, и я медленно, но верно увеличивал их интенсивность и продолжительность.

Я также начал прибегать к помощи реальных кошек. Прежде чем я смогу использовать ее в настоящем деле, я должен быть полностью уверен, что Молли ведет себя в их присутствии надлежащим образом и останется спокойной, тихой и сдержанной.

«Ты не будешь возражать, если я одолжу Пеппер на пару часов?» – спрашивал я у друга, пытаясь заверить его, что кошка будет в полной безопасности и ни в коем случае не будет выпущена из клетки. Затем я прятал кошку в конюшне или сарае для сена, чтобы Молли нашла ее.

Я запечатлел многие из этих поисков на камеру GoPro, которую я привязывал к своей груди, изо всех сил стараясь не отставать от Молли. После этого я анализировал отснятый

материал, сосредотачиваясь на любых плюсах, чтобы можно было их повторить, или на любых промахах (как моих, так и собаки), которые нужно было устранить. Затем я отправлял видео по электронной почте Марку, чтобы услышать его мнение. Иногда за этим следовал визит в Милтон-Кинс, где он оценивал наши навыки поиска вблизи и пытался сгладить любые огрехи. Уровень проверки на таких испытаниях мог быть чрезвычайно пугающим, иногда я чувствовал себя как участник телешоу «Танцы со звездами» – каждый мой шаг оценивался экспертом.

Способности Молли были феноменальны – никогда не забуду, как она нашла образец глубоко в основании дуплистого фруктового дерева, куда тот упал после того, как я спрятал его гораздо выше, а в тех редких случаях, когда ей не удавалось завершить поиск – обычно это была моя вина. Один раз я случайно перепутал образцы, а в другой раз не смог стерилизовать банку должным образом, фактически заставив Молли искать два разных образца одновременно. Я всегда знал, когда у меня что-то не так, потому что Молли издавала странный скулящий звук и садилась передо мной, как бы говоря: «Давай, папа, возьми себя в руки».

Между Молли и мной начало расти чувство солидарности, и доверия между нами стало еще больше. Я всегда стремился подражать командной работе между человеком и собакой, которую видел в прошлом, будь то фермер Алек со своими колли на Клив-Хилл или Джон, дрессировщик Рэйнбоу из полиции Суррея. Они оба показали мне, как правильно установить контакт со служебной собакой и какие радость и удовлетворение можно получить, по максимуму используя врожденные таланты животного. Наш успех зависел от работы в команде и от безоговорочного доверия друг к другу.

Сорок лет прошло с тех пор, как я был на Клив-Хилл, но слова Алека не выходили у меня из головы: «Любовь, доверие и преданность животного не даются так просто, молодой человек, – сказал он мне своим протяжным голосом с глостерширским акцентом. – Их нужно заслужить».

* * *

По мере того, как Молли начинала чувствовать себя все более уверенно как в помещении, так и на улице, я решил, что буду брать ее на некоторые задания моего детективного агентства, словно это был день акции «приведи ребенка на работу», только вместо ребенка была собака. Для встреч с моими клиентами я выбирал места, куда пускают с собаками, и заранее предупреждал их, что если они хотят продолжать пользоваться моими услугами, то им придется привыкнуть, что со мной будет прекрасный кокер-

спаниель. Большинство из них были очень любезны и добры к Молли, хотя я уверен, что некоторые думали, что я чокнулся.

Молли стала отличным помощником – моим собственным собачьим эквивалентом доктора Ватсона. Если мне нужно было наблюдать за каким-то конкретным домом или офисом или исследовать какой-то конкретный район, было гораздо легче смешаться с толпой, если я был одет в повседневную одежду и выгуливал собаку на поводке. Как частный детектив, я должен был слиться с окружающей средой, словно я был частью ее, и, выгуливая милую собачку, я вызывал куда меньше подозрений. Некоторые любящие собак подозреваемые даже заводили со мной разговор.

– Как зовут эту маленькую леди, а, приятель? – говорили они, подойдя к Молли и дружески похлопав ее по спинке, пока я в спешке прятал записывающее устройство. – Хорошо себя ведет?

«*Да. Так хорошо себя ведет, что я отчетливо слышал каждую деталь вашей преступной сделки, сэр»,* – так хотел я сказать.

Присутствие Молли, несомненно, помогало мне заводить разговоры и усыплять бдительность людей. Примером чего является дело, связанное с расторжением брака, которое я расследовал. Одна юридическая фирма от имени своего клиента Генри попросила меня получить так называемую «справку о занятости». Этот джентльмен оспаривал солидное пособие, которое он должен был выплачивать своей бывшей жене Оливии. Он подозревал, что она поселилась в доме с богатым новым партнером и не задекларировала дополнительный доход. С другой стороны, она утверждала, что Джеймс, ее сожитель, был просто ее «квартирантом». Мне было поручено докопаться до истины.

Я должным образом поставил дом под наблюдение. Хотя я не видел никаких признаков квартиранта, я быстро установил, что Оливия наняла студентку, чтобы та каждое утро выгуливала ее миниатюрную жесткошерстную таксу по кличке Щербет в парке Бертон-Корт. Ровно в 8:30 утра эта девушка аккуратно привязывала собаку к перилам, покупала эспрессо в ближайшем автомате с напитками, садилась на деревянную скамейку и наслаждалась 10-миминутной передышкой.

Однажды утром мы с Молли сидели на другом конце той же самой скамейки, пока девушка потягивала кофе. Все что мне нужно было сделать, это дождаться, пока моя собака сделает свой ход. Она просто не могла удержаться от того, чтобы не поздороваться, и вскоре подошла к другому концу скамейки.

«Хорошая девочка», – подумал я, видя, как она тычет мордой в ногу студентки. Девушка начала суетиться вокруг нее со

словами, что кокер-спаниели – ее любимая порода, прежде чем отвязать Щербет и отправиться в путь. На следующий день у нас завязалась более дружеская беседа, а к концу недели я узнал, что ее нанимательница наслаждается внебрачными отношениями с состоятельным менеджером хедж-фонда, который часто летал в Дубай по делам. Он был настолько богат, рассказала она мне, что платил арендную плату за ее квартиру, а также жалование трем ее помощникам по дому.

Мое дальнейшее расследование показало, что Джеймс был довольно хитрым и коварным парнем: он парковал свой сверкающий новый Aston Martin на соседней улице, снимал пиджак и галстук, а затем шел пешком до дома, входя через частный двор позади. На следующей неделе я получил несколько записей этой прогулки с камер видеонаблюдения, которые я скопировал на карту памяти и отправил Генри вместе с отчетом. На следующий день он позвонил мне, крича от возбуждения.

– Не могу поверить! – сказал он. – Другое агентство уже больше трех недель работает над этим делом, и они так ничего и не нашли. Как тебе это удалось?

– У меня есть блестящий партнер, – ответил я. – Она лучшая в своем деле.

– Ну, кем бы она ни была, она – настоящая звезда. Передайте ей большое спасибо от меня.

– Конечно, передам, – улыбнулся я и погладил свою собаку по голове.

Молли также помогала мне с заданиями общего характера в моем агентстве по розыску домашних животных, часто в качестве прикрытия или приманки, если я расследовал дело о мошеннической благотворительной организации для животных или о питомнике, где небрежно относились к животным. Она также сопровождала меня в нескольких поисках пропавших кошек, количество которых увеличивалось по мере того, как поднималась температура и все больше домашних животных выпускали на улицу. Однако я не заставлял ее отслеживать какие-либо запахи и решил не афишировать ее особые способности моим клиентам, мотивируя это тем, что мы были в самом разгаре обучения на ферме Брамбл-Хилл и все еще должны были многое усвоить и отточить.

По существу, мне все еще нужно было нащупать границы способностей Молли, или, как я иногда их называл, ее «область рабочих режимов» – термин, с которым я познакомился, когда служил в Королевском флоте. Например, насколько удачлива будет моя собака, если она будет искать в городе, а не на открытой местности? Может ли она искать в дождь или в снег?

Сколько перерывов ей понадобится и насколько долгих? Эти и другие факторы могли повлиять на ее способность найти и идентифицировать запах пропавшей кошки.

Одно я знал наверняка – уникальный талант Молли может проявиться только тогда, когда и она, и я будем хорошо подготовлены. И вот, через несколько недель мы с Молли должны были начать наши первые настоящие поиски, успешно обнаружив Расти в тот знаменательный февральский день.

Филлип, Холли и озорная Молли

Прожив с Молли в Крэнли добрых два месяца, Сара оказалась перед лицом суровой реальности. Эта резвая молодая кокер-спаниель стала постоянной спутницей жизни, а не временным явлением, и в мгновение ока нас в семье стало трое. Это потрясение моя вторая половинка переносила с трудом. Молли могла быть слишком требовательной и активной, как и большинство собак-спасателей, и я не мог винить Сару за то, что она чувствовала себя лишней. Начиная с Рождества, наши романтические свидания, уик-энды и поездки за границу отодвинулись на второй план, в то время как наш новый питомец полностью завладел моим вниманием и отнимал все свободное время.

Тем не менее Сара понимала как и мою любовь к Молли, так и мою страсть к проекту по созданию ищейки и проявляла удивительные терпение и выдержку. Было много ситуаций, когда она скрепя сердце терпела выходки Молли, ведь она давно призналась, что не любит собак. Сара даже не устроила скандал, когда Молли погрызла каблуки ее новеньких ботинок, – она просто спокойно выставила мне счет за новую пару.

– Я знаю, что тебе было тяжело, Сара, и что ты чувствуешь себя раздраженной, – сказал я однажды вечером, когда мы свернулись калачиком на диване, а Молли лежала на персидском ковре и жевала свою любимую игрушку.

– Это еще мягко сказано, – ответила она ухмыльнувшись.

– Но я думаю, что поведение Молли становится лучше, дорогая. Теперь она чувствует себя гораздо спокойнее, и все те сложности начального периода, кажется, позади.

– Хм… может быть…

Я нежно погладил длинные светлые волосы моей подруги.

– Может быть, однажды мы оставим ее у родителей и поедем в тот отель в Котсуолдсе, который тебе нравится.

– Это было бы чудесно, – кивнула Сара.

Однако ее улыбка медленно превратилась в недовольную гримасу, когда Молли внезапно отрыгнула комок наполовину пережеванной травы и выплюнула его на ковер. (У Сары было такое же выражение лица накануне, когда она обнаружила в своем салате из тунца черную, как смоль, собачью шерсть и буквально швырнула тарелку в посудомоечную машину.)

– Молли, это не так уж приятно, – нахмурился я, сворачивая газету, чтобы убрать грязное зеленое месиво. Сара только вздохнула и покачала головой. Молли посмотрела на нас обоих,

вероятно, задаваясь вопросом, из-за чего весь этот шум.

Не было никаких сомнений, что моя собака все еще ощущала холод от моей подруги. На протяжении многих недель я с интересом наблюдал, как она пыталась (по большей части безуспешно) проникнуть в сердце Сары, следуя за ней по дому или тоскливо глядя на нее в попытке растопить лед.

«Ладно, мисс, я знаю, что не получу от вас такого же внимания, как от папы, – казалось, говорила она, широко раскрыв глаза. – Но как вы можете не любить такую собаку, как я?»

* * *

Как глава одного из ведущих британских детективных агентств, я привык получать различные запросы от СМИ. Новостные издания часто брали у меня интервью о моей работе или просили прокомментировать современные проблемы, связанные с преступлениями против животных, например, рост незаконных щенячьих ферм или увеличение краж собак. Мы с Сэм иногда договаривались, чтобы некоторые из наших успешных дел появлялись в местной прессе и в журналах о животных, в которых наряду со статьей были фотографии сияющих от счастья владельцев, обнимающих своих найденных питомцев. Это был беспроигрышный вариант: 15 минут славы для моих клиентов и их питомцев, приятный контент для журналов и потрясающий пиар для моих услуг.

Радио и телевидение также стучались в мои двери. В начале 2017 года я получил предложение поучаствовать в телепередаче «Доброе утро» на телеканале «ITV». Впервые выйдя в эфир в 1988 году, эта программа стала одним из самых продолжительных и успешных дневных телешоу в Великобритании. Конечно, я не мог отказаться от такой возможности.

– Мы готовим репортаж об увеличении числа похищений собак в Великобритании, Колин, – объяснил работник канала. – Нам бы очень хотелось услышать мнение настоящего детектива по розыску домашних животных.

Ведущие Филлип Шофилд и Холли Уиллоби возьмут у меня интервью, а также в прямом эфире свяжутся с моей бывшей клиенткой Хейли, чью любимую чихуахуа похитили в октябре прошлого года. Мышка (названная так из-за ее размера) в конце концов была найдена благодаря кропотливому расследованию моего агентства, пускай и в очень плачевном состоянии.

– Звучит заманчиво, – ответил я. – Я с удовольствием приеду.

Сэм согласилась присмотреть за Молли, пока я буду в Лондоне. Моя коллега, без сомнений, будет прикована к телевизору на ферме Брамбл-Хилл, а я с нетерпением ждал своего появления в прайм-тайм, чтобы поболтать с Филлипом и Холли.

Однако накануне передачи, вскоре после того как мы с Молли вернулись с очень грязных тренировочных поисков, мне снова позвонил сотрудник телеканала. Выяснилось, что кто-то из утренних гостей всех подвел и, чтобы заполнить пробел в эфире, они решили посвятить больше времени нашему разговору о краже собак.

«Мы решили дать вам в два раза больше времени, так что мы подумали, может, вам стоит взять с собой вашу собаку Молли? – спросил он. – Я слышал, она особенная: может находить кошек, не так ли? Я уверен, что нашим зрителям она понравится».

Я был немного озадачен этим разговором и несколько мгновений охал и ахал, прежде чем принять решение. Пусть потрясающий успех Молли при поиске Расти и вызвал волну обсуждения среди местных, я искренне не понимал, как новости о ее уникальном таланте так быстро распространились. Я хотел оградить Молли от внимания прессы, поскольку у нас было еще не так много успешных дел, и считал, что моей собаке еще многому предстояло научиться. Однако несмотря на то, что я старался держаться в тени, мне уже приходилось отклонять запросы от местных репортеров, до которых дошли слухи о живущем в Суррее детективе и его удивительном кокер-спаниеле. Некоторые из них услышали о нас, еще когда Молли проходила тренировку в «Medical Detection Dogs» и когда мы обратились к местным жителям с просьбой взять образцы кошачьей шерсти, что и привлекло внимание журналистов.

– Ну, и что вы думаете по этому поводу, Колин? – донимал меня сотрудник. – Вы согласны? Видите ли, мне нужно сообщить об этом директору в ближайшие несколько минут…

– О да, конечно, – ответил я, возможно, поспешив с решением.

– Вам не о чем беспокоиться, – сказал он. – У нас было много домашних и диких животных на шоу, так что мы мастера в этом.

Положив трубку, я повел Молли прямо в ванну. Она не могла встретиться с Филлипом и Холли, воняя утиным прудом.

* * *

На следующий день рано утром мы прибыли в студию «ITV South Bank» в Лондоне, и нас тут же сопроводили в комнату ожидания. Я взял себе кофе и вскоре разговорился с другим гостем, ведущим кардиохирургом, который очень заинтересовался Молли и был очарован ее историей. Однако через десять минут в комнату вошла собака-поводырь Луна и ее дрессировщик. Судя по всему, программа следила за обучением щенка породы лабрадудль уже несколько месяцев, и маленькая милашка захотела поиграть с Молли. Только этого мне сейчас и

не хватало. Я старался, чтобы Молли вела себя спокойно до того, как мы выйдем в эфир, а этот щенок мог испортить все дело.

«Я думаю, нам стоит держать их подальше друг от друга, – предложил я дрессировщику Луны, когда обе собаки начали лаять друг на друга. – Они начинают злиться, не так ли?»

К счастью, Луне скоро пора было отправляться в студию, оставив взвинченного кокер-спаниеля и одного очень напряженного владельца в комнате ожидания.

Через пять минут один из членов съемочной группы перевел нас в дополнительную студию, которая была практически идентичной основной съемочной площадке «Доброго утра». Она использовалась как резервная, если были какие-либо технические неполадки, а также в качестве зоны ожидания для гостей перед трансляцией. Пусть здесь и было намного тише, чем в клаустрофобно-маленькой комнате ожидания, все надежды успокоить Молли испарились, когда молодой ассистент вошел с коробкой собачьих игрушек. Без сомнений, он думал, что это помогает. Однако у меня внутри все похолодело от волнения.

– Я… я… я бы предпочел, чтобы вы ей их не показывали. Она станет чрезмерно возбужденной и начнет беситься… – запинаясь, произнес я и затих, когда понял, что уже поздно. Сверхчувствительный нос Молли сразу же уловил знакомый запах резиновых косточек и пушистых теннисных мячей, и теперь она была настроена на развлечения и игры.

– Не волнуйтесь, тут достаточно места, чтобы поиграть, – усмехнулся ассистент, игнорируя выражение моего лица, и весело запустил мяч через всю комнату. – У нас тут была куча собак.

Молли взвизгнула от возбуждения и бросилась к своей добыче, но резко остановилась, как только полностью натянула поводок. Затем она по-мультяшному начала бежать на месте, пытаясь дотянуться до теннисного мяча, который был в паре сантиметров от нее. Мне пришлось медленно тащить Молли обратно к дивану, как будто я поймал на удочку гигантскую рыбу.

– Энергичная, не так ли? – сказал ассистент.

Я в ответ посмотрел на него холодным взглядом.

Как раз в этот момент вошел администратор студии вместе с оператором, который прижал палец к губам и произнес: «Ш-ш-ш-ш». На меня навели объектив камеры, и из соседней студии донесся звуковой сигнал.

– Когда мы вернемся после перерыва, встретимся с настоящим детективом по розыску домашних животных и его собакой Молли, которая способна находить кошек по запаху, – произнес знакомый голос Филлипа Шофилда.

После этого камеру переключили на меня, и телезрители шоу

«Доброе утро» от Пенрита до Пензанса увидели 50-летнего мужчину с потным лбом и кривой улыбкой, отчаянно пытающегося обуздать обезумевшего кокер-спаниеля. Это было неудачное начало для гвоздя программы в прайм-тайм, и, поверьте мне, дальше было только хуже.

– Вам пора устроиться на диване и поболтать с ведущими, – улыбнулся управляющий и жестом пригласил нас следовать за ним.

Моя собака все еще не могла угомониться, и благодаря мистеру «помощнику» она и не думала успокаиваться.

Холли Уиллоуби была очаровательна. Она, казалось, была искренне рада нас видеть, и, как выяснилось, сама была большой любительницей собак. Она рассказывала мне о Бенни – своем французском бульдоге – и даже поблагодарила меня за то, что я привел на программу Молли. Филлип, однако, не оказал нам такой же радушный прием. Он просто смотрел молча с каменным лицом, пока я болтал с его соведущей. Молли, в свою очередь, продолжала прыгать и играть (она все еще думала, что ей дадут игрушки в другой студии), я, возможно, выглядел довольно скованно. Несомненно, многолетний опыт подсказал Филлипу, что это очень беспокойная собака. Все это время я пытался успокоить Молли: гладил ее по затылку и шелковистым ушам, но маленькая шалунья не слушала меня.

Рекламный перерыв закончился, раздался знакомый джингл «Доброго утра», и мы оказались в прямом эфире на экранах телевизоров миллионов британских семей. Филлип и Холли представили меня как «настоящего детектива по розыску домашних животных» и принялись расспрашивать меня о росте краж собак, интересуясь, как их зрители могут лучше всего защитить своих питомцев. Я посоветовал не выгуливать собак в сумерках – по моему опыту, в это время суток совершалось большинство краж – и никогда не оставлять животных одних в машинах или у торговых центров. Я также подчеркнул важность обучения собак командам и порекомендовал, чтобы владельцы были особенно бдительными, если волна краж связанна с их конкретной породой.

– …и всегда в первую очередь обращайтесь в полицию, если вы уверены, что вашу собаку украли, – добавил я, – поскольку они обязаны расследовать такие случаи.

Затем они стали расспрашивать меня о способности Молли отыскивать кошек. Я отвечал так лаконично, как только мог, но было трудно сосредоточиться с копошащейся Молли, натягивающей поводок.

– Что она вынюхивает? – спросил Филлип, явно

забеспокоившийся, когда Молли начала громко скулить.

– Собачьи игрушки, они в соседней студии, – ответил я стиснув зубы.

– Если хочешь, можешь отцепить ее с поводка, – предложила Холли. – Она может пойти поиграть.

– О нет, она не вернется, – сказал я с нервной улыбкой. – Она заблудится в вашей студии, и я никогда ее больше не увижу.

Они, вероятно, подумали, что я очень ей дорожил, но вот чего они не знали, так это того, что я редко выпускал Молли из виду. Единственными людьми, которые гуляли с Молли, были Сара, мой сын и моя коллега Сэм. И мысль о том, что она будет бесконтрольно шататься в студии, ужаснула меня.

Пока мы продолжали интервью с капризной Молли, пытающейся взобраться на синий угловой диван, я заметил, что за кулисами было довольно оживленно и шумно. Режиссер, очевидно, был обеспокоен тем, что я слишком крепко держу Молли на поводке (на самом деле это было не так), и боялся, что это вызовет лавину жалоб от зрителей. Я мог только предположить, что голос в наушнике Филлипа приказал ему забрать Молли из моих рук, потому что он внезапно вскочил с дивана и схватил ее за поводок.

– Вы продолжайте, а я присмотрю за Молли, – ухмыльнулся он, прежде чем убрать ее со съемочной площадки и из поля моего зрения. Я инстинктивно возмутился и на долю секунды подумал о том, чтобы побежать за Филлипом и потребовать свою собаку обратно. Но потом я вспомнил, что нахожусь в прямом эфире и что у меня нет другого выхода, кроме как сохранять спокойствие и продолжать беседу. Однако, несмотря на бесстрастное выражение лица, в душе у меня была паника.

«Где моя собака?! – завопил голос у меня в голове. – Где, черт побери, моя собака?!» У меня кровь застыла в жилах, когда я представил, как Филлип случайно отпускает поводок, и мой любимый кокер-спаниель теряется в лабиринте коридоров или оказывается в ловушке в пустой запертой студии.

Через пару мучительных минут – к тому времени я уже обливался потом, как будто пробежал стометровку, – я заметил черный комок шерсти, метнувшийся обратно в студию и нырнувший под диван. Комок шерсти выглядел несколько потрепано. Филлип тоже вернулся в студию и занял свое место рядом с Холли.

«Слава Богу, – подумал я. – Молли в безопасности».

– …а теперь давайте свяжемся с бывшим клиентом Колина, чья собака стала целью для воров, – сказал Филлип, когда на экране появилось изображение Хейли, сидящей дома в Хэмпшире

с крошечной чихуахуа на коленях. Эмоционально и красноречиво, она описала цепь травмирующих событий, в результате которых бедную Мышку украли по заказу из питомника, и объяснила, как мое агентство по розыску домашних животных помогло ей вернуть собаку, найдя воров и договорившись с ними. Это было ужасно неприятное дело, которое привело к тому, что моей клиентке пришлось фактически выкупить Мышку у преступников, которые угрожали продать ее на птичьем рынке. Маленькая собачка была истощена, когда нам вернули ее, она была не похожа сама на себя и ранена: были сломаны хвост и челюсть. Хейли разрыдалась, когда увидела, в каком состоянии ее любимица.

Тем не менее, когда Хейли мрачно рассказывала эту ужасную историю всей нации, Молли решила исследовать нижнюю сторону дивана в студии «Доброго утра», пыхтя и шмыгая носом. И как будто этого было мало, моя собака направилась прямиком к Холли и начала обнюхивать подол ее длинной оранжево-розовой юбки.

Ведущая расхохоталась.

– Она лижет мои ноги! – воскликнула она, сморщившись от смеха, в то время как Хейли, не понимая, что происходит, выглядела совершенно сбитой с толку.

– Вы ей нравитесь, – сказал я, тут же пожалев об этом, так глупо это прозвучало.

Молли запрыгнула на диван и вскарабкалась на его спинку, волоча за собой поводок. Затем она прокралась за спину Филлиппа и Холли, колотя их по шеям своим длинным черным хвостом, мешая читать телесуфлер. Рабочие студии и операторы хохотали, я же – умирал от стыда. Молли представили как в высшей степени профессиональную, хорошо обученную собаку-ищейку, но вместо этого она вела себя как капризный избалованный ребенок и внесла свой вклад в пополнение списка передач, которые пошли не по плану.

– Честно говоря, дома она себя так не ведет, – тихо произнес я, но сомневаюсь, что кто-то в студии мне поверил.

– А она умеет привлечь к себе внимание, – проворчал Филлип, прежде чем закончить интервью. – Большое спасибо, Колин, было очень приятно познакомиться, – сказал он, но я не был уверен, что он говорит серьезно.

* * *

Когда я ехал из Лондона, Молли крепко спала на заднем сиденье, а мое давление медленно возвращалось к норме. Я решил позвонить Саре – через секунду из динамика раздался смех.

– Скажи честно, Сара… Это было ужасно, не так ли? – спросил я.

– Вовсе нет! – ответила она, когда наконец перестала смеяться. – Это было великолепное шоу, Колин. Молли была очень забавной, и я уверена, что зрителям это понравилось.

– Ты в этом уверена?

– Конечно. Вы были словно Моркам и Уайз в их лучшие времена. Молли была смешной и небрежной, а ты весь из себя серьезный. Честно говоря, ваше выступление должно войти в золотую коллекцию телевидения.

Остаток пути до дома я провел, размышляя об этом странном утре и о том, правильно ли я поступил. Я пришел к выводу, что мне следовало оставить Молли дома и не привлекать к себе внимания. Я словно гордый родитель хотел похвастаться ею, но упустил из виду тот факт, что в глубине души она все еще была веселой молодой собачкой, от природы склонной к озорству. Она, как и многие домашние животные, никогда не станет подчиняться правилам телестудии, и было глупо с моей стороны ожидать чего-то иного.

«Мне так жаль, Молли», – пожаловался я, а она храпела в своей клетке.

Через несколько часов стало очевидно, что Сара была права. Выходки Молли вызвали бурю восторга у телезрителей «Доброго утра», и, к моему большому удивлению, видео с ней с огромной скоростью разлетелось в Интернете. Кадры с моей собакой, сеющей хаос, разместили на YouTube-канале шоу, а также на сайте «The Sun» («Она лижет мне ноги!» – гласило название видео).

В тот же вечер мы с Сарой снова смотрели интервью (признаюсь, большую его часть я смотрел сквозь пальцы). Молли лежала, распластавшись на ковре у моих ног после долгой бодрящей прогулки по лесу, за которой последовала миска ее любимого лакомства.

«Ты та еще артистка, Молли», – отметил я, когда она посмотрела на меня своими карими глазами, как у Пенелопы Круз, и задумчиво подняла бровь, как бы говоря: «Я ничего не могу поделать с тем, что люди любят меня…»

Пока мы продолжали смотреть телевизор, я заметил, что моя собака пытается медленно прижаться к Саре. Отношение моей подруги к ней все еще колебалось между терпимостью и неуверенностью, но Молли не собиралась прекращать попытки добиться ее расположения. Я не мог не улыбнуться, наблюдая за тем, как она положила подбородок на левый носок Сары и прислонилась головой к ее лодыжке, придвинувшись так близко,

как только могла, прежде чем Сара это заметила и раздраженно убрала ногу.

– Запомни мои слова, однажды ты будешь лежать на этом диване в обнимку с Молли, – ухмыльнулся я.

– Ни за что, – нахмурилась Сара. – Молли – только твоя забота. Я бы предпочла не видеть на своих брюках собачью шерсть.

Молли тихонько вернулась ко мне и свернулась калачиком на ковре.

«Не сдавайся, милая, – хотелось мне сказать ей. – В конце концов она передумает, я уверен в этом».

* * *

Я чувствовал, что нам важно не сбавлять темпа поисков, они придают уверенности Молли, да и мне тоже, поэтому, когда несколько недель спустя Сэм позвонили по поводу пропавшей кошки в Восточном Сассексе, я с нетерпением взялся за дело.

Клиентка Кэт Джарвис работала пресс-секретарем в известной благотворительной организации по защите кошек и позвонила в офис в состоянии такой паники, что едва могла говорить. В конце концов Сэм удалось понять, что Феникс, прекрасный породистый бенгальский кот, бесследно исчез четыре дня назад. В марте всегда был всплеск таких дел: вечера становились светлее, это означало, что коты, подобно Фениксу, оставались на улице допоздна.

«Я уверена, он где-то застрял! – завопила Кэт. – И я очень за него переживаю».

К счастью, то утро у меня было свободным, так что я решил заняться этим делом как чрезвычайно важным. В среднем за неделю у нас прибавлялось по 20 дел; некоторые из них были, как я их называю, «краткосрочными», а другие попадали в категорию затяжных или медленных дел. Обычно я старался проводить не более шести расследований одновременно, выделяя на каждое определенное время по мере необходимости, и всегда оставлял немного про запас, чтобы быстро реагировать на любые чрезвычайные ситуации, такие как у Кэт. Вдобавок к этому Стефан держал меня в курсе наших детективных дел, многими из которых мы занимались на протяжении нескольких месяцев. Это означало, что мне часто приходилось работать по 6 дней в неделю вопреки своим желаниям.

Сэм, Молли и я проделали короткий путь до дома нашей клиентки. Открыв входную дверь, она тут же в истерике рухнула в объятия моей коллеги. Хоть мы и привыкли иметь дело с убитыми горем владельцами, эта дама была в состоянии острого расстройства. Ее лицо было бледным, а волосы растрепаны –

потеря кота явно сильно ударила по ней.

Поскольку это дело было срочное, у меня не было времени получить какую-либо справочную информацию от владельца. В идеале я бы 30 минут просидел с ней на телефоне, выясняя подробности о здоровье пропавшего питомца, его диете, характере, повседневной активности и поведении по отношению к другим домашним животным и людям. Эти факты обычно помогали мне решить, стоит ли браться за дело, а также выбрать наилучшую стратегию. В данном случае, однако, отсутствие информации означало, что мы будем искать «вслепую», я бы предпочел другой подход, но, если Феникс действительно угодил в ловушку в здании (как подозревал его владелец), мы должны были найти его как можно скорее.

Судя по эмоциональному состоянию Кэт, я понял, что нам сначала придется ее утешить, прежде чем мы сможем извлечь какие-либо значимые детали о Фениксе и обстоятельствах его исчезновения. Именно в такие моменты в ход шел мой полицейский опыт. Еще в 90-е годы, работая инспектором сыскной полиции, я и мой коллега разработали методику обучения для офицеров по связям с семьей, которая способствовала подготовке специальных сотрудников в полицейском отделении Суррея в качестве психологов-консультантов. Их учили сочувственно относиться к людям, попавшим в беду, например к родителям пропавшего ребенка, и в то же время осторожно добывать информацию, которая могла бы помочь следствию. Привлечение высококвалифицированных специалистов для выполнения этой деликатной роли облегчило работу детективам, позволив им сосредоточиться на раскрытии преступлений. Эта инициатива была настолько успешной, что ее приняли на вооружение и в других полицейских отделениях.

Несколько лет спустя уже под эгидой собственного агентства мне казалось логичным предложить поддержку и утешение и расстроенным владельцам домашних животных. За эти годы я понял, что некоторые люди воспринимают пропажу домашнего животного так, словно пропал их ребенок, и по этой причине я применял точно такие же методы психологической помощи. Я давал своим клиентам возможность излить свое горе и выразить свои страхи, и, освободившись от бремени, они вскоре становились более спокойными и разговорчивыми. Я осторожно задавал вопросы, которые позволили бы мне построить картину личности и характера питомца, что помогло бы мне начать планировать поиск. Обычно я мог извлечь такую информацию только после того, как клиенты успокаивались.

Единственным недостатком этого личностно-

ориентированного подхода было то, что клиент часто переносил свои надежды и страхи на меня, в свою очередь, усиливая давление на получение результата. В таких ситуациях клиенты обычно говорили что-то в духе: «Я рассчитываю на вас. Вы – моя последняя надежда».

Похожая ситуация была и с Кэт, которая, сидя в гостиной своего одноквартирного дома 30-х годов, выплакалась досуха и умоляла меня найти Феникса. Потеря кота так шокировала ее, что она была в состоянии депрессии и даже не могла набраться сил выполнить обычные действия в таких ситуациях. Она, конечно, очень бессистемно опросила некоторых соседей, расклеила пару плакатов и едва ли использовала социальные сети для поиска помощи.

«Похоже, нам придется начинать поиски без всякой информации», – прошептал я Сэм.

В то утро я решил применить стратегию поиска типа «роза», начав с дома и идя по спирали наружу. Я посмотрел карту на своем iPad, отметил дом Кэт, очертил вероятную территорию, где мог находиться Феникс, и ознакомился с садами и надворными постройками в этом районе. Я также взял образец запаха Феникса для Молли, нашего главного оружия, в надежде увеличить шансы найти кота. Моя хрупкая клиентка отдала мне шерстяное одеяло своего любимца, отчего расплакалась еще сильней.

Я настоятельно рекомендовал ей оставаться дома, но Кэт была непреклонна и решила сопровождать нас в поисках по деревне («Так я буду чувствовать себя ближе к нему», – сказала она). Нашей первой задачей было опросить соседей. Мы расспрашивали их о местонахождении кота в попытках установить модель поведения Феникса, а также показывали его фотографию, на которой был невероятной красоты кот с характерными серо-коричневыми отметинами. Как и во времена моей службы в Фарнхэме, я старался опросить как можно больше соседей и возможных свидетелей.

Как правило, я задавал вопросы вроде: «Когда вы видели его в последний раз?», «Как часто вы его видели?», «А в какое время суток?», «У него есть любимое место в вашем саду?», «Вы видели его с другими кошками?».

Одну из дверей открыла молодая женщина в халате, которая взглянула сначала на меня, потом на Молли, и ахнула от неожиданности.

– О боже мой! – воскликнула она, прежде чем броситься к лестнице. – Дети, вылезайте из постелей, вы никогда не поверите, кто стоит у нашей входной двери.

Рядом с матерью, потирая глаза, появилась пара сонных

детей в пижамах. Они быстро взбодрились, когда увидели собаку на пороге.

– Это же Молли! – завизжали они в унисон. – Шалунья Молли!

Дети и их мама были одними миллионов зрителей, которые видели баловство Молли в программе «Доброе утро» всего несколько недель назад. Я позволил им погладить ее в течение нескольких минут: она обожала внимание и было очень трогательно видеть радостную реакцию детей. Казалось, что Молли понемногу становится знаменитостью.

– Тебе придется привыкнуть жить в ее тени, Колин, – засмеялась Сэм. – Молли теперь – звезда этого шоу.

Когда маленькие поклонники угомонились и вернулись в свою спальню, мы спросили о Фениксе.

– О, я знаю этого кота. Прекрасный мальчишка, – сказала женщина. – Обычно он заползает под мою живую изгородь и сидит там около часа, но, боюсь, я не видела его с этих выходных.

Другие соседи рассказывали похожие истории: он часто сидел на заборе дома номер 12, наблюдая за кормушками, и грелся на террасе дома номер 23, когда светило солнце, но в последнее время его никто не видел. Эта информация вместе с тем фактом, что Молли не обнаружила достаточно сильного запаха ни в одном из садов, навела меня на мысль, что произошло одно из трех возможных событий. Феникса либо заперли, либо случайно увезли из района, либо он умер. Я очень надеялся, что это не последний вариант.

* * *

После перерыва на обед – слоеного пирога с начинкой из кусочков мяса с картошкой и морковью для нас и горстью печенья для спаниеля – мы возобновили поиски. Я вновь дал Молли понюхать запах Феникса, и когда мы шли по широкой, покрытой листвой аллее, я заметил, что она немного оживилась. Молли замедлилась и начала часто вилять хвостом, когда мы проходили мимо огромного огороженного участка с большим квадратным садом и парой шикарных автомобилей на подъездной дорожке.

Увидев этот дом, я внезапно вспомнил случай с Оскаром – напуганным тощим котом, которого я нашел съежившимся в садовом сарае похожего дома и который, к моему огорчению, умер вскоре после этого. Я считал себя отчасти виноватым в этом, я чувствовал, что мог найти его быстрее, и в итоге это стало катализатором в поисках собаки-ищейки кошек, такой, как Молли. Мне доставлял удовольствие и одновременно казался сюрреалистичным тот факт, что теперь я работал в паре с такой собакой, пытаясь спасти кошку.

«Именно для этого я и завел Молли, – сказал я себе. – Я не могу допустить повторения случая с Оскаром. Мне нужно попасть в этот сад как можно скорее…»

С каждой секундой моя собака становилась все более возбужденной: она явно уловила запах. Я подошел к высоким черным воротам и нажал на звонок. Ответа не последовало. Я нажимал на него снова и снова, но ответа по-прежнему не было. И только когда я на добрых 20 секунд надавил на кнопку звонка, в интеркоме, наконец, затрещал голос:

– Пожалуйста, перестаньте звонить в дверь, – резко сказала женщина с сильным манчестерским акцентом. – Жильцов сейчас нет дома.

– Извините, я думаю, что у вас проблемы со звонком, но как бы то ни было, мы ищем пропавшую кошку. Сосед говорит, что видел ее в вашем саду.

Мне часто приходилось лгать, чтобы достичь желаемого.

– Я бы хотела помочь, но мне нельзя никого впускать. Боюсь, мне придется попросить вас вернуться, когда хозяева будут дома.

Я не собирался сдаваться. Я ни за что не уйду, пока не обыщу этот сад. Молли считала, что Феникс где-то рядом, и если он где-то застрял, мы должны были найти его как можно скорее.

Я должен был придумать способ выманить женщину к воротам: слишком сложно убедить человека через интерком. Я изо всех сил жал на кнопку звонка, еще секунд 20.

– Да перестаньте же звонить в этот чертов звонок! – закричала она. – Я же сказала, что вам сюда нельзя.

– Я его не трогаю, – солгал я, перекрикивая ее. – Как я уже сказал, он сломался. Я думаю, его нужно починить.

– Ох, проклятье! Просто подождите там, – сказала она, и интерком отключился.

Моя хитрость сработала. Парадная дверь открылась, и на пороге появилась маленькая приземистая темноволосая женщина в кухонном фартуке. Я предположил, что она личный повар жильцов.

– Знаете, я думаю, что, возможно, починил его, – сказал я, когда она подошла к нам с озадаченным выражением лица. – Это застряло в кнопке, – соврал я, показывая ей маленькую металлическую шайбу, которую случайно нашел на тротуаре. – Ох уж эти детишки, верно? Во всяком случае, как я уже говорил…

Затем, прежде чем она успела уйти, я рассказал о бедном Фениксе и его встревоженной хозяйке и объяснил, как Молли (которая теперь уже скулила от отчаяния) обнаружила след. Мне удалось разговорить ее, судя по тому, что она начала сочувствующе кивать, возможно, она тоже была любительницей

кошек и в конце концов отперла калитку.

– Но вам лучше поторопиться, – сказала она. – Владельцы возвращаются из круиза сегодня вечером. У меня будут проблемы, если они узнают.

– Благодарю, – ответил я.

Я отцепил Молли от поводка, и она полетела через лужайку, как пушечное ядро. Затем она подпрыгнула, в воздухе выгнув спину, и, вдыхая воздух, пыталась отследить источник запаха. Мое сердце бешено заколотилось, когда она свернула к западной стороне сада и помчалась к кирпичному гаражу. Я редко видел ее такой сосредоточенной. Молли была на задании.

«Пожалуйста, пусть Феникс будет там, – думал я, следуя за ней. – И, пожалуйста, пусть он будет живой».

Когда я открыл гигантские двойные двери гаража – к счастью, они были не заперты, – в лицо мне ударил поток воздуха, принеся с собой отвратительную вонь кошачьей мочи. Неудивительно, что дрожащая Молли тут же приняла позу «лежать», но от Феникса было ни слуху, ни духу. Гараж был забит разным хламом от пола до потолка. Пока Молли оставалась на месте, как ее учили, я осторожно начал передвигать предметы мебели. Я делал это очень аккуратно, словно играл в дженгу, так как боялся, что все это с шумом рухнет вниз. Постепенно расчищая пространство, я, должно быть, выпустил остатки кошачьего запаха, потому что Молли внезапно проскользнула в заднюю часть гаража и еще раз приняла позу «лежать». На этот раз она скребла землю лапами, что обычно означало успех.

«Я абсолютно уверена, что кошка здесь, – пыталась сказать моя собака. – На 100 %».

Кэт стояла рядом, а Сэм и повариха наблюдали за мной снаружи. Я медленно подкрался поближе, отодвинул старую пыльную сумку для клюшек в сторону, и – о чудо! – за ней сидел Феникс. В попытке защитить себя он резко вскочил, выгнул спину и гневно зашипел, отчего я не испугался, а наоборот выдохнул с облегчением: он был жив и здоров. Думаю, весь город слышал радостные крики его хозяйки.

Потом мы вчетвером стояли среди всего этого гаражного хлама, болтали и смеялись, а Феникс свернулся в кокон в объятиях Кэт, наконец-то вернувшись к маме. Молли тем временем вертелась по кругу, тяжело дыша и радостно лая. Для полноты картины не хватало только фейерверков и духового оркестра.

Именно к этому я и стремился, обучая Молли: прежде всего спасать жизни кошек, помогать их горюющим владельцам, которые едва могли держать себя в руках, и в конечном итоге

воссоединять хозяев со своими потерянными питомцами. Это было моей главной целью с самого первого дня, и видеть, как все это происходит по-настоящему, было просто чудесно.

* * *

Новости о блестящих подвигах моей собаки начали распространяться со скоростью света, некоторые местные СМИ написали о Молли в национальных газетах, и довольно скоро мы оба получили приглашение посетить «Crufts» – всемирно известную собачью выставку. Нас попросили представлять «Medical Detection Dogs». Конечно же, это было большой честью, учитывая все, что Клэр, Роб и Марк сделали для нас, и мы также будем VIP-гостями «Natural Instinct» – известного производителя собачьего корма.

– Мы так рады, что вы оба приедете, – обрадовалась пресс-атташе, которая позвонила, чтобы подтвердить наше трехдневное пребывание в Национальном выставочном центре Бирмингема.

Она, казалось, была очарована нашей историей («…Собака из приюта, которая стала лучшим другом кошек… как чудесно!») и также сообщила мне, что они уже получили десятки запросов на интервью от печатных и вещательных СМИ, как национальных, так и международных, многих из которых тронуло наше выступление на «Добром утре».

– Кстати, сегодня утром звонили с «Четвертого канала», они хотят заснять Молли на ферме Брамбл-Хилл, а также интересовались, не хотели бы вы принять участие в ток-шоу с Клэр Болдинг.

Пока она задавала вопрос, передо мной мелькнул образ Молли, облизывающей лодыжку Холли Уиллоуби. Однако я решил, что сейчас все будет по-другому. Я многое понял из выступления на «ITV», и на этот раз я должен был убедиться, что и Молли, и я гораздо лучше подготовлены к вниманию прессы.

– Можете на нас рассчитывать, – сказал я пресс-атташе. – Это будет честью для нас.

В день интервью мы с Молли отправились на север, в Бирмингем, чтобы встретиться с моей хорошей подругой Анной. Она работала в области пиара и съемок, связанных с собаками, и предложила мне подготовить пресс-релиз с подробным описанием пути становления Молли: от приюта до агентства, включая ее блестящие поиски Расти и Феникса, которые она пустит в СМИ перед шоу. Мы не сможем побывать на всех интервью, мне не хотелось переутомлять и перегружать Молли работой, так что пресс-релиз – хороший способ держать всех в курсе событий.

В результате ажиотаж вокруг Молли был невероятный, ее

принимали как знаменитость. Репортеры стремились познакомиться с моим харизматичным маленьким спаниелем так же страстно, как и с некоторыми выставочными собаками, и куда бы мы ни пошли, в выставочном зале нас останавливали люди, просившие сделать селфи или обняться (с Молли, конечно, не со мной; я обычно был на заднем плане как ее владелец). Ей очень нравилось все это: внимание и обожание.

«Какая умная милая малышка, – похвалила Молли шотландка в твидовом костюме, нежно погладив ее по голове. – У меня в Данди три персидских кошки, и я с ума сойду от горя, если кто-нибудь из них пропадет. Так что продолжай в том же духе, Молли».

Мы встретимся с Клэр Болдинг в прайм-тайм «Четвертого канала» в 8 вечера в первый день «Crufts». Она возьмет интервью у меня и генерального директора и соучредителя «Medical Detection Dogs» Клэр Гест. На этот раз я твердо решил, что Молли будет вести себя прилично, учитывая, что прямую трансляцию будут смотреть миллионы любителей собак в Великобритании и по всему миру.

Я был большим поклонником Клэр, она талантливый писатель и превосходный телеведущий, во время интервью она была очень теплой и дружелюбной. Она подняла большой шум из-за Молли перед трансляцией и была очень удивлена, когда Молли попыталась украсть часть еды, которую команда спрятала для нее за диваном.

– Я почти весь день на ногах и умираю с голоду, – усмехнулась она, откусив сэндвич, пока Молли печально смотрела на нее.

– Вот, возьми, прожорливая ты собачка, – добавил я, дав Молли пригоршню ее любимых вяленых кусочков говядины. – И держи лапы подальше от обеда Клэр.

Однако за 20 минут до передачи моя собака начала резвиться, а я покрылся холодным потом. К счастью, у меня под рукой была квалифицированная помощь. Остальная часть команды «Medical Detection Dogs» покинула свой выставочный стенд, чтобы посмотреть на съемки, включая Роба и Марка, который посоветовал мне, как успокоить Молли.

– Просто погуляй с ней, Колин, подальше от толпы и тихо поболтай с ней. Это должно помочь снять тревогу. Она, вероятно, чувствует, что ты напряжен, не забывай об этом, тебе тоже нужно успокоиться.

Интервью вышло идеальным. Клэр была профессионалом, как и всегда, она явно многое прочитала о собаках-ищейках, и Молли вела себя безупречно, уютно устроившись рядом со мной на

диване и с любопытством разглядывая толпу посетителей «Crufts», собравшихся вокруг импровизированной студии. Шоу транслировалось на всемирную аудиторию, во время которого я успел рассказать о происхождении Молли, о том, как я дал этому обездоленному животному еще один шанс на счастье и как она ответила мне взаимностью, предложив любовь, преданность и дружбу. Я вложил терпение, время и силы, и Молли не только превратилась в вундеркинда-ищейку, но и стала любимым питомцем. Клэр все время помогала мне раскрепоститься; на самом деле это больше походило на дружеский разговор, чем на интервью.

– Пора посмотреть на эту удивительную собаку в действии, – сказала она, включая короткометражный фильм, снятый на ферме Брамбл-Хилл несколько недель назад.

На рядом стоящем мониторе я наблюдал за тем, как Молли вдыхает образец кошачьего запаха и отправляется в заброшенный сарай, чтобы найти кошку моего соседа в переноске, как ее и учили.

– Ух ты, – прошептала Клэр. – Я никогда не видела ничего подобного.

Я посмотрел на Роба и Марка. Они сияли от гордости. Я точно знал, что они чувствуют. Наша Молли стала суперзвездой.

Операция «Вернем Баффи»

Как детектив, чья специальность – розыск домашних животных, я имел дело с сотнями случаев похищения собак. За последнее десятилетие, увы, эта проблема в Великобритании стала еще острее, конечно, еще и из-за роста популярности дорогих модных пород, желание наживиться на которых приводит безжалостных воров к все более изощренным методам похищения.

Воруя собак, можно получать огромные деньги, вымогая их у опечаленного пропажей владельца или пуская щенка ценной породы в разведение. А часто дорогая собака становится разменной монетой в ходе имущественного спора или личной неприязни между людьми. Так или иначе, это гнусное, бессердечное преступление.

В декабре 2016 года мы с Молли впервые объединили наши усилия по расследованию и поискам в делах о пропавших собаках, за которые я брался время от времени. Я вел лишь немногие дела и предлагал свои услуги, только если был уверен, что моей безопасности или жизни и здоровью моей собаки ничто не угрожает. Одно такое дело навсегда останется в моей памяти.

В апреле 2017 года ко мне обратилась женщина родом из Шри-Ланки по имени Рену, которая сообщила мне, что ее пес, 17-недельный щенок, был украден, его похитили прямо из ее дома в северном пригороде Лондона, в Уилсден-Грин. Щенок по имени Баффи породы котон-де-тулеар [7], красивый, белый с висячими ушками, редкий образец скрещивания пород. Он был украден в пятницу вечером, в то время, как Рену с мужем Сачином и двумя сыновьями Гарри и Фредди ужинали в местном ресторанчике.

Когда они вернулись домой, было около 10 часов, и, оглядевшись, Сачин заметил, что его синий BMW, припаркованный на подъездной дорожке, пропал.

– Рену, машина исчезла! – сказал он. – Должно быть, они влезли в дом, чтобы найти ключи.

– Господи! Баффи! – воскликнула Рену.

Она бегом обогнула дом и увидела лишь распахнутую калитку патио, через которую, вероятно, грабители ворвались в гостиную. Там Рену обнаружила зловеще опустевшую собачью лежанку.

Когда они видели ее в последний раз, Баффи с довольным видом подремывала и пролежала бы так весь вечер, ожидая их возвращения после ужина. Лихорадочный обыск дома показал, что Баффи нигде нет, но, вероятно, она была здесь, когда

ворвались воры. Все говорило о том, что она убегала от непрошеных гостей. Бедный щенок испачкался, оставив грязный след на лестнице. В комнате наверху обнаружилась

перевернутая узкая кровать, возможно, под ней и пряталась испуганная Баффи. Мало того, что жестокие грабители хладнокровно унесли все найденные деньги и драгоценности, да еще и угнали машину, весьма вероятно, что их жертвой стал и невинный щенок.

Семья была безутешна. Милая радостная Баффи стала огромной частью их жизни. К ней относились почти как к третьему ребенку в семье, и мысль о том, что она одна, что ей грозит опасность или что ее нет в живых, была невыносима. Дело осложнилось тем, что прибывших на место преступления полицейских офицеров совершенно не волновала мысль о том, что был похищен член семьи, любимая собака.

– Она, наверное, просто сбежала, – пожали они плечами.

Исчезновение Баффи их волновало намного меньше, чем пропажа сумки Рену.

– Через несколько дней, скорее всего, она обнаружится в соседском палисаднике, – сказали они.

Для них Баффи не была материальной ценностью, поэтому они не собирались прикладывать усилия, чтобы найти ее.

– Но она такая маленькая и так зависит от меня! – Рену заплакала, но сочувствия это не вызвало.

К счастью, поддержку оказали соседи и друзья, запустившие флешмоб «Вернем Баффи домой» в социальных сетях, разместив информацию о собаке на сайте DogLost[8] и помогая семье расклеивать объявления и раздавать листовки. Беда Рену даже привлекла внимание газеты «Evening Standard»: «БЕЗУТЕШНАЯ МАТЬ ПРЕДЛАГАЕТ ВОЗНАГРАЖДЕНИЕ ТОМУ, КТО НАЙДЕТ ЕЕ ЩЕНКА». Все это привлекло внимание общественности и привело к многочисленным сообщениям о виденных в окрестностях Уилсдена «белых пушистых собаках». Но как бы это ни было мучительно для Рену, ни одна из этих дворняжек не была Баффи. Надежда таяла с каждым днем, когда оказывалось, что еще одна найденная собака лишь очередной двойник Баффи. Недели превращались в месяцы, на дворе уже стоял май, и семья почти потеряла всякую надежду снова увидеть любимого щенка.

И однажды Рену обнаружила, что есть еще один вариант поиска Баффи. Идея возникла после разговора с заводчиком, который рассказал, что собаку одного его друга нашел детектив, специализирующийся на поиске домашних животных.

– Этот парень живет неподалеку от Гилфорда. Почему бы вам не обратиться к нему? Ведь вам нечего терять.

– Вы имеете в виду Эйса Вентуру? – скептически ответила Рену. – Это реальная жизнь, а не голливудское кино…

Тем не менее, по видимости, этот разговор не выходил у нее из головы, потому что спустя несколько часов она зашла на мой сайт и набрала указанный номер.

* * *

На следующий день после обеда Молли и я стояли перед дверью Рену. На наш стук дверь открыла сама хозяйка. Это была изящная брюнетка лет 30, и она приветливо обняла и поцеловала меня, прежде чем проводить в светлый просторный холл. Там на диване бок о бок сидели мальчишки в школьной форме, ее сыновья Гарри и Фредди. Их глаза горели надеждой.

Когда моя собака рысью вбежала в дом, как всегда размахивая пушистым хвостом и показывая розовый язык, будто улыбаясь, Гарри, старший из сыновей, сказал: «О, какая она милая!» – и протянул руку Молли, чтобы она ее понюхала, а его младший брат улыбался, стоя рядом.

– Вот что я вам скажу, ребята: почему бы вам не взять ее и не пробежаться вместе вокруг дома? – Я улыбнулся и заговорщически подмигнул Рену. – Ей и правда нужно размяться, она долго сидела в машине.

– Правда? Можно? – спросил Гарри слегка неуверенно.

– Конечно, – ответил я, бросая Молли ее любимый теннисный мячик.

Мальчики не должны были догадаться, что я привез ее с собой не просто так. Во время нашего телефонного разговора Рену рассказала, как сильно они привязаны к Баффи и как мучительно для них ее исчезновение. Особенно тяжело принял это ее младший сын Фредди. Он переживал настолько сильно, что вынудил мать пообещать, что она не заменит Баффи другой собакой. Это бы только напомнило ему, как она была схвачена теми отвратительными людьми, и заставило бы опять почувствовать себя «грустным и одиноким». Его отчаяние разбивало сердце матери, и я надеялся, что немного собачьей терапии, где роль врача отводилась привезенному мной кокер-спаниелю, может помочь процессу восстановления мальчиков.

Я смотрел, как Гарри и Фредди бегут по саду за Молли, и вспомнил, как мы с братом Дэвидом примерно в этом же возрасте пытались разыскать по горячим следам нашу пропавшую собаку. Мой брат и я были совершенно раздавлены тем, как жестоко отняли у нас нашу любимую дворняжку, и мне стало ужасно жаль этих милых мальчиков, столкнувшихся с такой же мучительной несправедливостью.

Теперь, когда ее сыновья не могли нас слышать, мы с Рену

могли обсудить все всерьез. С трудом сдерживая слезы, она кратко изложила последовательность событий, с которыми было связано исчезновение Баффи. Рыдания начали душить ее, когда она вернулась к событиям того рокового дня.

– Это худшее, что когда-либо случалось со мной, Колин, – сказала она, качая головой. – Мне наплевать, что воры украли машину и мои драгоценности. Если честно, их всегда можно заменить, но я не могу смириться, что они забрали мою Баффи. Моего самого красивого на свете щенка. Мою драгоценную малышку. Кто мог сделать такое?

– Вот, возьмите платок, – предложил я тихонько, пытаясь утешить Рену, когда ее лицо искривилось и слезы потекли по щекам.

За все эти годы я видел сотни горюющих хозяев, но каждый раз видеть их страдания все равно было тяжело. Эта бедная женщина была совершенно разбита.

– Я знаю, есть люди, которые думают, что я это уже пережила, ведь «это всего лишь собака», – продолжила она. – Но так скажут только те, у кого никогда не было домашних животных. Такие думают, что безусловную любовь можно испытывать лишь по отношению к человеку… они просто не понимают…

Рену рассказала, как исчезновение Баффи привело к расстройству ее нервной системы, изнурительным приступам тревоги и депрессии. Ее теперешнее состояние – лишь тень ее прежней беззаботности.

– Неизвестность убивает меня, Колин, – сказала она, закусив губу. – Я не могу выбросить Баффи из головы. Может быть, она совсем одна, или ей плохо, или она уже умерла? О ней моя первая мысль утром, когда я открываю глаза, и о ней я думаю, когда засыпаю. Даже по ночам я не могу как следует отдохнуть, все думаю, что же с ней могло случиться.

Тут я услышал лай с заднего двора и вытянул шею, чтобы выглянуть в окно и убедиться, что с Молли все хорошо. Гарри смеялся и держал мячик высоко над головой, дразня своего четвероного товарища, а Фредди стоял, прислонившись к стене и опустив голову. Его руки в карманах брюк были сжаты. Мое сердце замерло от жалости к пареньку, ведь я хорошо знал, о чем он думал в эту минуту. И тогда я решил, что мы возьмемся за это дело.

С тех пор как появилась Молли, мы занимались в основном поиском пропавших кошек, но случай с Баффи тронул меня. Кража щенка причиняла боль каждому члену этой милой семьи. И я знал, что стал их последней надеждой вновь увидеть Баффи.

Я был очень осторожен, чтобы не поселить в душе Рену

напрасных надежд. Ведь Баффи пропала больше трех месяцев назад, и каждый день сокращал наши шансы найти ее. Я не сомневался, что это будет чрезвычайно сложное расследование и что поможет нам в этом лишь счастливое стечение обстоятельств.

Если смотреть оптимистично, то я мог сказать, что успешно расследовал сотни краж со взломом в качестве детектива британской полиции (и я смогу применить все свои навыки в этом деле, чтобы напасть на след взломщиков), а еще мне действительно удавалось найти большинство украденных собак. Кроме того, рядом со мной мой бесстрашный четвероногий компаньон. До сих пор Молли никто не дрессировал специально идти по следу других собак, но она помогала мне поисках на местности, выступая иногда как приманка.

– Для меня Молли кто-то вроде Ватсона для Шерлока или Льюиса для Морса[9], – сказал я, и это заставило Рену улыбнуться. – И одно я знаю наверняка: мы сделаем все возможное, чтобы вернуть Баффи домой.

* * *

На следующий день я распечатал несколько фотографий пропавших собак, а также взял стопку своих визиток с номером телефона.

Для каждого расследования я использовал разные номера с привязкой системы pay-as-you-go с тех пор, как стал частным детективом по поиску домашних животных. К сожалению, не каждый звонок, который я получал, был полезен или приятен, иногда звонивший угрожал мне или тому питомцу, которого я разыскивал. Особенно если я расследовал дело об украденном животном. Поэтому я использовал временную сим-карту и, когда очередное дело было закончено, избавлялся от нее.

Моя первая задача состояла в том, чтобы проверить, не сбежала ли Баффи сама во время ограбления. Я отправился бродить по улицам Уилсдена и опросил многих местных жителей, выясняя, не встречалась ли им беглянка. Когда у тебя такая дружелюбная собака, как Молли, завязывать непринужденную беседу проще простого. Она могла растопить сердце самого равнодушного свидетеля. Мы поговорили со многими, но ни один из прохожих не видел собаку такой заметной породы в вечер ограбления, да и вообще не видел. Один из ближайших к дому Рену соседей, джентльмен в куртке марки «Barbour», владелец пожилого эрдельтерьера, был особенно услужлив.

– Я гуляю со своим Джерри каждый вечер между 9 и 11 часами, и мы проходим прямо мимо дома этой леди, – сказал он. – Я регулярно прохожу по этому маршруту в одно и тоже время и, конечно же, увидел бы, как эта миленькая собачка бегает

вокруг.

– Спасибо, – поблагодарил я, когда Молли и Джерри обменялись приветствиями и дружественно обнюхали друг друга. – Вы мне очень помогли.

Показания соседского джентльмена, а также полное отсутствие свидетелей, кто мог бы заметить щенка столь необычной внешности, убедили меня, что воры покинули дом вместе с Баффи. И я начал составлять в уме картину преступления и рисовать возможные портреты грабителей. Поразмыслив, я стал подозревать, что ограбление было тщательно спланировано и налет был совершен профессионалами. Это не было спонтанным преступлением. Возможно, заприметив этот дом заранее и установив, что семья часто проводит вечер пятницы не дома, преступники задумали угнать автомобиль Сачина в тот вечер. Когда они наткнулись на Баффи и поняли, что это щенок дорогой породы, похитили и ее. Я задумался, может ли быть так, что симпатичная маленькая собачка была украдена случайно, чтобы затем быть отданной жене или подруге одного из налетчиков вместе с сумочкой и драгоценностями. Но тогда было довольно странным, что грабителей не заинтересовали лежавшие на виду iPad-ы и ноутбуки.

Из-за отсутствия улик на месте преступления и неудачных поисков угнанного BMW в течение двух недель местная полиция постепенно завершала попытки раскрыть дело. Однако я не был готов так легко сдаться, несмотря на то, что время шло, а я планировал подойти к этому делу со всей строгостью и усердием, которых оно заслуживало. Чтобы узнать как можно больше подробностей, однажды утром я поехал в северный Лондон встретиться с мужем Рену. За пятичасовым чаем в dog-friendly [10] кафе он изложил мне свою версию событий. Тем временем Молли послушно сидела рядом со мной, вздрагивая от возбуждения всякий раз, когда на двери звенел колокольчик и в кафе входил новый посетитель.

– Мне нужно сказать вам одну вещь, Колин. Когда машину угнали, топливный бак был практически пуст, – сказал Сачин. – Я почти уверен, что грабители вынуждены были пополнить бак где-то поблизости.

– Допивайте свой чай, – ответил я, воодушевленный этой бесценной информацией, – а мы отправляемся на обход ближайших заправок.

С Сачином на переднем пассажирском сиденье и Молли, которая занимала свое обычное место в машине, я объехал несколько местных заправочных станций в радиусе пяти миль от

дома пострадавших.

Жулики и разбойники редко платили за топливо, поэтому я опросил каждого менеджера, чтобы проверить, не уезжал ли не расплатившись водитель синего BMW в день ограбления.

– Да, именно так все и было, – вспомнил сотрудник заправки, пролистывая журнал записей в поисках нужной даты. – Отлично помню этот случай. Они залили полный бак, а затем умчались. В машине было трое темноволосых парней. Один заказывал бензин, а двое других сидели в машине. Да, кроме того, у меня тут есть камера видеонаблюдения, хотите взглянуть?

Кадры с камеры видеонаблюдения очертили две важные линии расследования. Во-первых, стало ясно, что регистрационные номера были быстро сняты и план был в том, чтобы заменить их поддельными. Этот факт в дополнение к тому, они залили полный бак, позволил предположить, что угонщики планировали и дальше пользоваться автомобилем. Во-вторых, на пленке были видны лица троих молодых людей не старше 20 лет, а их глаза и внешность выдавали средиземноморское или восточноевропейское происхождение. Казалось, мы уже многое знали о преступниках и круг сузился, но на самом деле это было не так. Мне оставалось только молиться, что синий BMW скоро вновь будет замечен. Только тогда я смогу приблизиться к раскрытию дела и выяснить судьбу Баффи.

* * *

Все это время я продолжал распространять фото пропавшей собаки и держал ухо востро. Так прошло еще две недели, а новых зацепок не появилось.

За это время произошел неприятный случай ошибочного опознания. Собака, отвечавшая описанию Баффи (и с тем же именем, по-видимому) была замечена прохожим в одном из парков северного Лондона. Мы с Молли и Сэм прибыли на место, но очень скоро стало очевидно, что, простите за каламбур, мы «лаяли не на то дерево»[11]. И дело было не только в том, что собака оказалась намного старше и крупнее (на самом деле она выглядела похожей скорее на мальтийскую болонку), мы к тому же услышали, как ее звал хозяин: «Ко мне, Поппи!», когда она проносилась мимо нас. Наверное, эта Поппи действительно немного похожа на Баффи. Сэм пожала плечами: «Просто один в один, только если не услышишь ее имени». Я вздохнул. Настало время сообщить Рену плохие новости. Понятно, что наша клиентка была озабочена всем происходящим, но когда я позвонил ей, оказалось, что в голосе Рену звучит оптимизм и она тоже хочет что-то мне сообщить.

– Вы не поверите, Колин, но BMW был найден, – сказала она,

объяснив, что машина была брошена в Сток Ньюингтоне после аварии и ее уже отбуксировали в полицейский участок.

Офицеры и судмедэксперты проверили машину, но не нашли ничего существенного.

– Теперь по всем правилам, так как машина застрахована, она принадлежит компании, но они согласились, что мы тоже можем ее осмотреть, если захотим, прежде чем ее выставят на аукцион, – добавила Рену.

– Это потрясающая новость! – ответил я. – Уже еду.

Сэм отвезла Молли домой в Сассекс, а я встретился с Сачином. Автомобильная стоянка, где мы присоединились к разношерстной шайке жуликов и парней сомнительной внешности, которые выстраиваются в очередь, чтобы вернуть свои транспортные средства, была не самым приятным местом. Там, казалось, доброй традицией были ссоры, потасовки и грубость сотрудников. Глаза Сачина вдруг округлились, когда в начале очереди он увидел парня, который был слишком одурманен наркотиками, чтобы забрать свой мотоцикл Suzuki, это был француз, брыкающийся и орущий на двух полицейских офицеров.

В конце концов, нас пропустили через турникет, и мы пошли дальше. Это было похоже на огромный город в городе – машины, супермаркет, ряды конфискованных транспортных средств, начиная от кричащих спортивных автомобилей и заканчивая полными развалинами. Стоящий тут же BMW Сачина явно принадлежал к последней категории. Это была груда искореженного металла. Очевидно, авария, в которой участвовала машина, была очень сильной, и, как я предполагал, BMW будет продан только на запчасти.

Пока Сачин болтал с клерком, я принялся осматривать салон автомобиля. На протяжении всех 14 лет моей работы в полиции я обыскал множество угнанных машин, и каждый обыск без исключения приводил к обнаружению по крайней мере одной важной улики, которая помогала расследованию.

При подобном осмотре всегда нужно быть очень внимательным. Поиск делится на четыре этапа: багажник, капот, внешний осмотр и обыск салона. Когда я открыл багажник, с удивлением обнаружил в нем два новых колеса (вероятно, краденых) и одну автомобильную канистру. Я мог только предположить, что угонщики не хотели вновь рисковать и заправляться, а планировали использовать топливо из других машин. Наличие двух запасных колес свидетельствовало о том, что грабители хотели оставить машину и использовать ее в обозримом будущем. Обыск капота, наружной части и салона автомобиля ничего не дал. Мне казалось, что я имею дело с

шайкой профессиональных мошенников, которые побывали во многих местах. Они привыкли не оставлять никаких улик, которые могли бы привести к установлению их личности. Наконец я забрался на заднее пассажирское сиденье и сказал:

– Я осмотрел все. По-прежнему ничего.

«Ну же, Колин, ищи внимательнее, – ругал я себя. – Должно же что-то быть…»

Я мысленно возвращался к своим прежним расследованиям и вспомнил один случай периода моей работы в полиции Суррея, когда дилер спрятал дозу под передним пассажирским сиденьем.

В своем стремлении не оставить ни одного непроверенного дюйма в машине Сачина я решил еще раз сунуть руку под сиденье, и мое сердце забилось быстрее, когда я нащупал что-то пластиковое и липкое. Я легонько потянул и не поверил своим глазам. У меня в руке было уведомление о фиксированном штрафе с регистрацией – число, дата, время и т. д., – а также расположение «северо-восток, Лондонский пригород Сток Ньюингтон».

«Победа!» – прошептал я себе под нос, зажимая находку в кулаке. Это значило, что в расследовании наметился прогресс. Я так долго ждал, когда же мне улыбнется удача, и вот, наконец, дело начало набирать обороты.

Тем временем клерк продолжал увлеченно беседовать с моим клиентом, так что, пока никто на меня не смотрел, я украдкой проскользнул мимо них. Бланк со штрафом я опустил в карман. Конечно, по правилам я должен был предоставить его полиции, но так как последняя не проявила особого интереса к расследованию, я позволил себе эту вольность.

Сачин был вне себя от радости, когда узнал новости. Расставшись с Сачином, я занялся проверкой первой ниточки расследования. Изучение номерных знаков показало, что воры копировали номер с реального BMW, проданного в Бирмингемском автосалоне, что подтвердило мое предположение, что преступление было спланировано. Я связался с менеджером выставочного зала этого салона, и тот сообщил мне, несколько озадаченный, что штраф за парковку и судебные повестки он получил из Хакни Боро. Он выразил сожаление, что из-за закона о защите персональных данных он не может переслать мне копии этих повесток.

Я попросил Сачина проинформировать местные власти о том, что парковочные талоны были выписаны на его машину, и спросить, может ли он оплатить их через Интернет. Ему присвоили уникальный номер, что позволило нам получить доступ в общей сложности к пяти парковочным билетам, все они

были созданы в районе Ньюингтон.

«Я думаю, что могу предположить, где находятся воры», – сказал я.

Затем, используя свою сеть контактов, связался и поговорил с дорожными инспекторами, которые выдавали уведомления о парковках. По закону они обязаны делать фото всех транспортных средств нарушителей с целью предоставления свидетельства о времени и месте нахождения. Так как в нашем распоряжении уже имелась видеосъемка, в расследовании наметился ощутимый прорыв. Самая жирная улика пришла к нам в виде двух фотографий, на которых на заднем плане видны лица механиков, обслуживающих машины, всего в нескольких ярдах от того места, где был незаконно припаркован BMW. «Эти ребята могли бы стать нашими лучшими свидетелями», – подумал я про себя.

Пришло время действовать под прикрытием на улицах восточного Лондона. И наконец пришло время призвать в помощники детектива-констебля Молли Бутчер.

* * *

Район Ньюингтон – это центр огромной турецкой общины, самой большой в Западной Европе. И именно здесь нам могли встретиться мужчины с внешностью средиземноморского типа. Я решил, что неплохо бы заручиться поддержкой местных жителей, и для этого сбросил свой флисовый костюм, переоделся в джинсы и футболку, порепетировал мой акцент жителя северного Лондона и постарался изобразить эдакого джентльмена, который вышел, как обычно, погулять со своим спаниелем. Молли рядом со мной было гораздо легче слиться с толпой. Вооружившись пачкой листовок с надписью «Вернем Баффи», я вышел на улицу.

Я побывал в магазинах, кафе и букмекерских конторах, знакомясь с жителями под именем Терри, друга Рену, который потрясен исчезновением собаки подруги.

– Семья не хочет, чтобы у кого-то были неприятности, и они не собираются привлекать полицию. Они просто хотят, чтобы Баффи вернулась, – сказал я владельцу турецкой парикмахерской.

Было особенно важно ненароком подчеркнуть, что если Баффи будет возвращена домой живой, то никаких мер не будет принято. Я постарался растопить его сердце подробным рассказом о разрушительных последствиях вторжения в дом.

– Вся семья убита горем, вы и сами можете представить, – сказал я, и парикмахер сочувственно кивнул. Я продолжил, – Моя подруга ужасно волнуется, а ее дети почти не спят ночью. Не знаю, как ты, дружище, а я бы не смог справиться, если бы такое случилось с *моей* собакой.

Мужчина посмотрел на Молли сверху вниз, и та ответила на

взгляд – будто бы по команде, она склонила голову набок и умоляюще посмотрела на него. Сама Мерил Стрип могла бы поаплодировать.

– Что вы, я тоже. Я бы очень-очень расстроился, – сказал он с акцентом, который был чем-то средним между акцентом жителей Ист-Энда и Анкары. – Мой французский бульдог для меня – все. *Абсолютно все.*

– Вот именно, – ответил я, протягивая ему свою листовку и визитку. – Пожалуйста, если вы знаете *хоть что-то* о местоположении Баффи, пожалуйста, позвоните мне.

Сопровождаемый верной Молли, я продолжил свой путь по округе, от магазина к магазину, от двери к двери, и всюду задавал одни и те же вопросы. Многие жители и торговцы, с которыми мы познакомились, были неравнодушны и пообещали держать ушки на макушке, но то, что такую собаку никто не видел поблизости, наводило на мысль, что щенка или держали взаперти, или увезли отсюда, или, в конце концов, это могло означать, что щенка уже нет в живых. Последнее предположение было слишком пессимистичным, но этот вариант нельзя было сбрасывать со счетов. Такая собака, как Баффи, могла оказаться уликой, которая связывала их с преступлением, и грабители вполне могли принять меры по ее уничтожению. Несмотря на это, я решил не терять надежды.

– Ладно, Молли, – улыбнулся я, бросая ей ее любимый теннисный мячик, – ты заслужила отдых.

На следующий день наше расследование вышло на новый уровень. Мы с Молли посетили еще несколько районов Ньюингтона и наклеили плакаты с фотографией Баффи на самые видные места. А еще я попросил Сэм сфотографировать BMW Сачина с поддельным номером и размахивал фото при каждом удобном случае в надежде, что это освежит чью-нибудь память. И постарался распространить эту информацию как можно более широко среди местных владельцев кафе и магазинов, доведя сведения таким образом и до преступников.

Моя стратегия состояла в том, чтобы дотянуться до воров, используя общественное мнение, и тем самым надавить на них. Моей целью было описать Баффи и ее историю и уйти в тень. Вести о том, что я прощупывал почву в этом районе, должны были в скором времени дойти до преступников. Мне нужно было, чтобы они занервничали.

В одном из здешних районов я заговорил с пожилой ямайской женщиной, хозяйкой шустрого джек-рассел-терьера. На ней было пестрое платье-халат и национальный головной убор. Она внимательно выслушала историю Баффи, включая детали о

пропавшем и найденном после аварии BMW. Еще я показал ей фото механиков-афроамериканцев на обочине дороги, которых мне очень хотелось опознать как потенциальных свидетелей.

– Кажется, это мистер Уилсон с сыном, – сказала она, резко дернув за поводок, – они чинят много машин по соседству, в том числе автомобиль моего мужа. Он милый джентльмен, и я уверена, будет счастлив помочь. Сейчас расскажу, как его найти.

Дом мистера Уилсона был зажат между двумя жилыми массивами. По пути к нему мы с Молли проходили мимо заколоченных лавок и магазинчиков, мимо стен, расписанных граффити и обклеенных грязными плакатами. Тут я невольно почувствовал себя не в своей тарелке и крепче сжал поводок Молли.

Пока мы пробирались к нужному нам дому, я заметил играющих в кости за перевернутым вверх дном барабаном четырех афроамериканцев средних лет: компания радостно улюлюкала и с треском шлепала кости домино. Один из игроков был в спецодежде, забрызганной маслом, и он заметил, как мы с Молли слоняемся вокруг с намерением завязать разговор. Я поднял ладонь, как бы говоря: «Нет, продолжайте, я подожду».

Через пять минут игра подошла к концу. Трое из четырех мужчин разошлись в разные стороны, оставив человека в комбинезоне.

– Мистер Уилсон? – спросил я, протягивая ему свою визитную карточку. – Меня зовут Колин Бутчер…

– Тот самый парень, который ищет собаку, да? – перебил он меня. – Мне позвонила подруга Рози и сказала, что вы, возможно, зайдете.

Следующие несколько минут я потратил на то, чтобы показать ему все свои улики. Он подтвердил, что на фото с дороги действительно он и его сын. Они часто ремонтировали машины в том районе. Я спросил его, замечал ли он синий BMW или, что еще лучше, не ремонтировал ли. Вероятно, машина побывала в нескольких передрягах незадолго до того. Я объяснил, что в машине были найдены два новых колеса, готовых к установке. Мой свидетель потер щетину большим и указательным пальцами:

– Я сам не знаю, что это за машина, – сказал он, – вы, возможно, захотите поговорить об этом с моим сыном.

Я немного помолчал, ожидая, что он скажет дальше.

– Дело в том, что он берется за кое-какие дела, к которым я бы и пальцем не притронулся, – вздохнул он, – некоторые клиенты могут быть очень опасны и, скажем так, немного настойчивы…

Его голос затих, и он, казалось, не хотел продолжать. Я сам был отцом и понимал, что это естественный защитный отцовский инстинкт.

– Я могу обещать вам, мистер Уилсон, что никто не причинит вашему сыну вреда. Владельцы Баффи предпочли не привлекать полицию. А моя работа – искать домашних животных, а не привлекать похитителей к ответственности.

Мои слова, кажется, немного успокоили его.

– Эндрю работает на заднем дворе, – сказал он, – идите и задайте ему ваши вопросы.

Я услышал приглушенные резкие голоса, и довольно скоро появился Уилсон-младший. Он был выше и стройнее своего отца, одет в щеголеватый джинсовый комбинезон с поясом для инструментов. Он прислонился к стене дома и тупо уставился на меня.

– Я ничего не знаю, – сказал он.

– Эндрю, – взывал к нему отец.

– А я не знаю и все, – повторил он, – можно мне вернуться к работе, пожалуйста?

– Послушай, – сказал я, – как я только что сказал твоему отцу, никто не пострадает. У тебя не будет неприятностей. Я просто хочу знать, виделся ли ты людьми, которых я ищу.

Он уставился на свои сапоги и покачал головой.

– Я не из полиции, понятно? Я занимаюсь поиском домашних животных. Я работаю с семьей, у них дети, и их прекрасный маленький щенок украден, а сами они чертовски расстроены.

Паренек на мгновение поймал мой пристальный взгляд.

– Все, что тебе нужно сделать, это позвонить этим парням. Сказать, что я занимаюсь их делом и что так или иначе мы узнаем, что случилось с Баффи.

Тишина.

– …И если она *все еще* жива, им нужно или связаться со мной, или передать ее в спасательный центр.

– *Эндрю*, – повторил отец уже более сурово.

– Ну ладно, ладно, – сказал он, раздраженно махнув рукой. – Короче, они позвонили мне, чтобы я поменял им колеса. Меня их дела не интересуют. Но они сказали, что собираются заплатить чертову уйму денег. В конце концов я ведь не мог отказаться, понимаете?

– Значит, ты знаешь, как с ними связаться, – спросил я, – и можешь спросить их о пропавшей собаке?

Эндрю вытащил пачку табака, сутулился, закурил сигарету, глубоко затянулся и выпустил струйку дыма. Я видел, что он тянет время, и ждал ответа.

– У меня сломался телефон, – неубедительно сказал он, – разбился вдребезги. Я не могу узнать их номер. Простите.

– Это не проблема, – улыбнулся я, – у меня есть специальная программа, и мы с ее помощью можем извлечь данные из поломанного телефона.

Он тяжело сглотнул. Эндрю нервничал, как подросток. Он взглянул на отца, прежде чем ответить мне.

– Позвони мне, Эндрю, и сделай это сегодня, – сказал я, легонько похлопывая вставшую Молли. – Просто сделай все правильно. Пожалуйста.

* * *

Спустя два дня после обеда мы с Молли пытались найти редкую кошку-сфинкс по кличке Андромеда. Тогда же я получил голосовую почту от Рену. Ее счастливый крик был таким громким, что мне пришлось уменьшить громкость динамика.

– БАФФИ НАШЛИ! – кричала она, и этот крик словно молния пронзил меня, – двое молодых парней передали ее в центр помощи животным в Эссексе, – сказала она, пытаясь отдышаться, она едва могла говорить, – они проверили микрочип Баффи и позвонили мне. Сачин и я едем туда. Я и подумать не могла, что этот день действительно настанет. Никогда не думала, что увижу ее снова. Огромное спасибо, Колин.

Затем несколько секунд в трубке раздавались радостные рыдания. Я тоже не смог сдержать слез еще до того, как положил трубку, и мне не стыдно в этом признаться. В зеркало заднего вида было видно, как Молли ерзает на своем месте.

– Так-так-так, детектив-констебль Молли Бутчер, – сказал я улыбаясь. – Похоже, мы наконец раскрыли это дело.

Я глубоко вздохнул. Это было тяжелое расследование, но мы с Молли с ним справились. Вернувшись в Крэнли, я сразу же позвонил в Службу спасения животных, чтобы получить дополнительную информацию о том, как вернули Баффи. Мне сказали, что два мальчика-подростка из района принесли этого щенка, не сказав ни слова. Вероятно, посредники, их наняли, чтобы вернуть собаку. Преступники решили сбыть ее с рук, поскольку о собаке слишком много говорили. На первый взгляд, уничтожение «улики» могло стать самым легким для них вариантом, но они не стали избавляться от собаки более жестоким образом.

Баффи доставили в спасательный центр в ужасном состоянии: у нее был воспален один глаз и ободран нос, что неудивительно, ведь она провела все это время в металлической клетке. Ее белая когда-то шерсть была спутана и кишела блохами, она была исхудавшей и несчастной, но, слава богу, она была жива и

наконец-то вне опасности.

Я оставил Рену и их семью на несколько дней, чтобы дать им время пережить возвращение Баффи и побыть с ней. Но мы все время были на связи по смс и электронной почте. Щенок побывал у ветеринара и получил справку, что совершенно здоров, и, конечно, все это время Баффи баловали и любили еще больше обычного.

На следующей неделе я совершил визит в Уилсден-Грин. То, как Гарри и Фредди бегают по саду с их счастливой здоровой и пушистой маленькой собачкой, было зрелищем, на которое отрадно было смотреть, и это снова напомнило мне о моем брате. Я повернулся к Рену, которая улыбнулась мне счастливой улыбкой.

– Я никогда не забуду, что вы сделали для нас, Колин, – сказала она, – наша семья снова стала полноценной.

– Я бы не справился без Молли, – сказал я с чувством. Я и сам был немного взволнован. Я обнялся с Рену, прежде чем помахать на прощание мальчикам.

Когда я пустил Молли в машину, она легонько подтолкнула меня носом под локоть и посмотрела на меня с беспокойством, как бы говоря: «Ты в порядке, папа? У тебя грустные глаза…»

Признаюсь, я был морально истощен. Расследование дела Баффи продлилось несколько месяцев, и у меня, как и у Рену, были сомнения по поводу того, что конец будет благополучным. Слава богу, я сдержал свое обещание, и Баффи вернулась туда, где ей самое место.

Я посмотрел на Молли, которая все еще казалась немного смущенной.

– У меня все хорошо, Молли, честное слово, – сказал я, ласково потрепав ее по холке.

Колокольчики

Хотя способности Молли реагировать на запах и брать след были уже на высоте, было крайне важно продолжать наши тренировки. Нам еще было чему учиться, например, обнаруживать тайники, потайные отверстия. Через три-четыре недели я собирался отвезти ее на ферму Брамбл-Хилл, чтобы еще потенировать. Молли часто заранее чувствовала, что мы едем туда, и, едва я успевал собрать вещи, она занимала выжидательную позицию у входной двери. Пока я обувался в прогулочные ботинки, она ставила свою лапу мне на ногу.

Иногда в Брамбл-Хилле я ставил перед Молли конкретные задачи, которые были взяты из нашей предыдущей практики. Я, например, прятал кошачью шерсть на платан, чтобы Молли могла и высоко на платане обнаружить ее. Или, например, я брал ее в места, где было многих уличных мелких животных, на прогулку вдоль озера или канала, где много живности, чтобы, несмотря на запахи и звуки вокруг, она умела сосредоточиться на главной задаче, например на кошачьем запахе, несмотря на запахи белок, кроликов или уток. В то время прогресс Молли в течение последних месяцев был очевиден, и было важно, чтобы ее успехи были закреплены и доработаны.

Именно этот факт подчеркнул Марк, эксперт-кинолог, работавший с Молли до того, как она стала моей.

– Ты не должен прекращать совершенствовать ее умения, Колин, – сказал он тогда, когда я получил от него Молли. – При каждом обыске, даже когда вам осточертеют все эти упражнения, вы оба должны учиться на своих ошибках.

В самом деле мы с Молли перенесли немало неприятностей. Взять хотя бы безуспешные поиски кота той весной. Молли пришлось работать под дождем, а это сделало невозможной должную работу ее обоняния. Словом, поиски не принесли результата, и мы с Молли, оба промокнув до нитки, уехали совершенно подавленные.

В другой раз нам дали задание найти кота по кличке Паук, любимца одного из фермеров, но приехав на место, мы обнаружили, что в конюшнях полно крупного скота и что работать в таких условиях небезопасно для Молли. Так мы и ушли, не начав поиски. По правде сказать, я не был удивлен, но все же я все равно чувствовал себя подавленным всякий раз, когда мы не получали результата, даже если это зависело не от нас. Эти неудачи я мог компенсировать дополнительными часами тренировок с Молли.

«В следующий раз мы все сделаем правильно, Молли», – говорил я, когда она ожидала поездки в Шепердс-Рест, где мы уже бывали, – там ей удалось найти спрятанную мной кошачью шерсть в дупле старого дуба.

В один из таких дней, посвященных тренировкам, весенним ветреным утром я ехал на ферму Брамбл-Хилл. Нетерпеливая Молли ерзала на своем сидении.

«Пойдем же, папа, мы ведь почти приехали? – казалось, торопила она меня. – Мы уже почти приехали?»

Тут у меня зазвонил мобильный, и я свернул на стоянку, чтобы ответить.

– Алло, говорит Колин Бутчер.

Последовала пауза, а затем приглушенный звук голосов, как будто кто-то передавал кому-то телефонную трубку.

– Доброе утро, – в трубке звучал слабый старческий голос. – Это вы помогаете в поиске домашних животных?

– Да, это я.

– Тот самый джентльмен с собакой, которая находит кошек?

– Он самый, – я улыбнулся, а Молли позади меня раздраженно заскулила.

– Мне нужна ваша помощь. Я о вас слышала, мне дали ваш телефон в одной благотворительной организации. Все дело в Честере, он исчез. Это мой кот.

Даму звали Маргарет, она жила неподалеку от Кента в деревне Хокенбери, и вот уже три дня она не видела своего кота. Честеру шел 18-й год, он был старый, полосатый, а к тому же неисправимый домосед. Долгие прогулки на природе были не в его характере.

– Я ужасно волнуюсь, – сказала она, – я просто холодею при мысли, что с ним могло что-то случиться.

Она объяснила, что она и ее сестра, живущая здесь же, уже слишком слабы, чтобы обыскивать сад. А многочисленные попытки соседей дозваться Честера ни к чему не привели.

– Я просто не могу этого вынести, – сказала она дрогнувшим голосом. – Все, чего я хочу, чтобы мой кот был найден. Я должна знать, что с ним случилось. Мистер Бутчер, вы с Молли сможете мне помочь?

– Прошу вас, зовите меня Колин, – я постарался, чтобы мой голос звучал успокаивающе. – Я уверен, что мы сможем вам помочь. Попросите кого-нибудь из ваших друзей написать мне ваш адрес, и мы скоро к вам приедем.

– О, это было бы чудесно! – она с облегчением вздохнула. – Именно это мне и нужно было услышать.

Я отключил связь и повернулся лицом к своему беспокойному

компаньону, который уже с разочарованием рычал.

– Планы меняются, Молли. Тренировка откладывается. Мы отправляемся на поиски Честера.

* * *

Я заскочил за моей верной помощницей Сэм, благо она уже привыкла в моим срочным вызовам, и по живописным дорогам Суррея мы направились в Суррей-Хиллз. В деревне, где жила Маргарет, мы были в полдень. Нам пришлось изрядно попетлять, прежде чем мы нашли ее дом. Мы оказались в лабиринте узких улочек, где у многих домов не было номеров, и помогло нам только то, что мы увидели маленькую старушку. Она стояла, прислонившись к ветхим деревянным воротам, и щурилась, вглядываясь в нашу машину. Мы поняли, что достигли цели. И когда мы подъехали ближе, она приветливо помахала нам, отперла калитку и указала на длинную извилистую подъездную дорожку.

Я медленно опустил стекло, заметив во дворе гнилое дерево и табличку с номером, валявшуюся на земле. Неудивительно, что нам было сложно найти дом.

– Маргарет?

– Это я. И я очень рада видеть всех вас, – сказала она, когда Молли взволнованно затявкала и застучала хвостом по сиденью. Моя собака была достаточно умна, чтобы понять, что незнакомый голос обычно сулил ей новые поиски.

Вглядываясь сквозь ветровое стекло, я заметил очертания крыши дома.

– Как насчет того, чтобы сесть на заднее сиденье, Маргарет? Похоже, до дома путь неблизкий.

– Ничего-ничего, – ответила она, – короткая прогулка мне не повредит, в моем возрасте полезны физические нагрузки.

Через 15 минут мы с Сэм уже стояли, ожидая появления Маргарет. Сидящая между нами Молли все больше оживлялась. В такие моменты она часто дрожала будто бы от холода, а на самом деле в предвкушении работы, и из ее пасти вырывались звуки нетерпения.

«Ну же, вы, двое, – казалось, хотела сказать она. – Пора начинать!»

Перед нами был Гринли-Холл – все еще внушительный, но уже обветшалый эдвардианский особняк. Его высокие окна, фронтоны и портик были несколько необычны. Стены, увитые глицинией, были из порядком раскрошившегося красного кирпича. Прямо перед домом стоял огромный каменный фонтан, покрытый трещинами.

– Даже не верится, что здесь живут только две почтенные

старушки[12], – сказала Сэм, окидывая взглядом внушительные угодья.

Наконец показалась прихрамывающая Маргарет. Она была в темно-синих хлопковых брюках и мешковатом свитере небесно-голубого цвета. Ее длинные серебристые волосы были собраны в свободный конский хвост.

– Так, дайте же мне на нее взглянуть, – усмехнулась она, наклоняясь к Молли. – О, какая прелесть! Ты славная девочка! И очень-очень умная, судя по тому, что нам рассказывали.

В ответ раздалось довольное ворчание Молли и глухие удары хвоста.

– Кажется, вы ей нравитесь, – рассмеялся я, – эта красотка любит комплименты.

Маргарет усмехнулась и медленно выпрямилась.

– Что ж, могу я пригласить вас в дом выпить чаю с пирожными?

Я объяснил Маргарет, что мы были бы рады, а Молли пока придется остаться в машине, чтобы посторонний запах не перебил ее обоняния, прежде чем она займется поисками кота.

– Но я оставлю багажник открытым, чтобы она могла подышать свежим воздухом, и оставлю ей парочку ее игрушек, чтобы она могла их погрызть.

– Все что угодно, чтобы вам было удобно.

Маргарет улыбнулась и проводила нас к дверям этого не потерявшего величия обиталища.

Чуть позже мы пили чай на старинной кухне, где, вероятно, ничего не меняли десятилетиями. Я рассказал моей клиентке о Молли и нашей работе. Здесь же у печки сидели еще два кота: гладкий абиссинец и пушистый мейн-кун. Оба выглядели безразличными, но по подергиванию кончика хвоста я мог сказать, что они внимательно прислушивались к нашей беседе.

– Это Симба и Сэнди, – сказала Маргарет с нежностью. – Они оба скучают по старому Честеру так же, как и я.

Все три кошки были когда-то бездомными, и Маргарет приютила их. Такие хозяева, как Маргарет, были моим любимым типом клиентов: добрые, сострадающие и всей душой преданные своим питомцам.

Внезапно кухонная дверь из красного дерева распахнулась, что заставило Сэнди и Симбу в испуге броситься прочь.

– Я слышала, как она рассказывает, что подбирает *бездомных* котов, – хохотнула старая леди с черными с проседью волосами. На ней были бежевые синтетические брюки и оливковое платье-туника. – Моя сестра подбирает всех сбежавших котов наших соседей в округе. Она ничего не может с собой поделать и любит

этих несчастных кошек больше, чем меня.

– О Кэтрин, ради всего святого, – сказала Маргарет, – не надо так волноваться! Колин, вы, наверное, уже догадались, что это моя сестра. Пожалуйста, не верьте ни единому ее слову.

– Ах, так это ты тот самый детектив? – ухмыльнулась та, шаркая ногами по полу и протягивая свою костлявую руку, – Эркюль Пуаро для домашних животных, да?

Она была не первой, кого позабавило то, чем я зарабатываю на жизнь.

– Ну, надеюсь, ты не рассчитываешь, что тебе заплатят, приятель, – продолжала она, – потому что у нас не будет ни единого пенни до тех пор, пока я все это не продам. Ни пенни.

– *Кэтрин!* – воскликнула в ужасе ее сестра.

– Так уж получилось, что я рассматриваю наш визит к вам, как упражнение для Молли, и не жду денег, – ответил я, стараясь сохранять спокойствие. – Честно говоря, я буду счастлив помочь вашей сестре.

– В любом случае ты, наверное, зря потратишь время, – хмыкнула она. – Этот кот настолько дряхлый, что, должно быть, уже сдох, а если нет, на него мог свалиться камень или раздавить грузовик.

Маргарет ахнула и прижала руки к раскрасневшимся щекам. «Хорошие дела, ничего не скажешь», – подумал я.

Сэм, словно почувствовав, что я вот-вот взорвусь, вмешалась:

– Колин, не пора ли вам с Маргарет выйти и осмотреться?

Сэм знала, что я всегда сначала предпочитал осмотреть место, чтобы убедиться, что Молли здесь ничто не угрожает.

– Старый дом, хозяйственные постройки, ржавые машины или плохо закрытые емкости с химикатами – все это может быть опасно. И пока ты все проверишь, я могу остаться внутри с Кэтрин, – добавила она.

Как она верно подметила, мне совсем не хотелось, чтобы эта властная сестра совала свой нос во все наши дела.

– Отличная мысль, – ответил я.

* * *

Гринли-Холл, как выяснилось, был одним из самых старых домов в деревне. Как во всех поместьях в Восточном Кенте, графстве, которое представляло собой огромное лоскутное одеяло из лужаек, полей и лесов, на земле Гринли-Холла стояло несколько ветхих хозяйственных построек и заброшенных транспортных средств. Будь Честер молодым котом, нам с Молли, несомненно, пришлось бы попотеть. Но в данных обстоятельствах я не думал, что искать придется долго. Мои знания и опыт работы с кошками подсказали, что, принимая во внимание его возраст,

его хрупкость и инстинкт самосохранения, скорее всего, Честера нетрудно будет найти неподалеку от дома.

– Учитывая все обстоятельства, Маргарет, я почти уверен, что Честер не мог уйти далеко, – сказал я ей.

– О, я очень надеюсь, что вы правы, – ответила она. – Может, мне показать вам сад?

Охватывающая заднюю часть Гринли-Холла стеклянная оранжерея была впечатляющей. Она имела общую стену с огромной поросшей мхом каменной террасой, заставленной ведрами, горшками и лейками. Снаружи была лужайка не больше четверти футбольного поля, за которой открывался потрясающий вид на все поселение. Справа был пустой загон (Маргарет рассказала, что в прошлом была отличной наездницей), а по левую руку был разбит традиционный, обнесенный стеной сад. Он, как и все здесь, знавал и лучшие времена, судя по старым фруктовым деревьям. Земля была неухоженной, и вместо газона здесь в беспорядке росли маргаритки и одуванчики. Деревья стояли по периметру, с одной стороны – дубы, а с другой – раскидистые ели. Такой сад – рай для любопытного ребенка или животного.

– Честер любил проводить здесь время, наблюдая за всем вокруг, – сказала Маргарет, и глаза ее заблестели от слез. – Он любил следить за порхающими птичками, хотя, конечно, был слишком неповоротливым, чтобы поймать хоть одну.

Я спросил, могу ли я осмотреть старый гараж, где стоял полуразвалившийся MINI Cooper и валялся садовый инвентарь. Я отодвинул доисторические ножницы для живой изгороди и заметил гору ржавых велосипедов разных размеров: от детского трехколесного до подросткового гоночного.

– Все они принадлежали моей дочери, – сказала Маргарет задумчиво, – я не люблю ничего выбрасывать. Я подумала, что однажды они могут понадобиться.

Она объяснила, что Гринли-Холл принадлежал ее родителям и перешел к ней и сестре по наследству около 30 лет назад.

– Моя сестра может быть очень грубой, – сказала она.

Оказывается, отношения между Кэтрин и Маргарет испортились из-за того, что Маргарет «связалась с неподходящим человеком».

– Моя дочь Элизабет сейчас живет в Корнуолле. И приезжает, только когда Кэтрин нет дома, а она со своим артритом теперь почти всегда дома. Конечно, мы переписываемся, но это не одно и то же. Моя дочь чувствует себя чужой в семье, и это очень грустно.

Пока она смотрела вдаль, что-то в ней и ее выражении

показалось мне странно знакомым. Я увидел в ее глазах ту же самую боль и чувство утраты, что были в глазах моей матери после смерти моего брата Дэвида. Ему было всего 20, когда он перенес сильную пневмонию, это подорвало его иммунную систему, и он заболел лейкемией. Борьба оказалась напрасной, и это разбило сердца наших родителей. Его внезапный уход потряс меня, ведь я боготворил своего рассудительного, спокойного старшего брата. Нас связывали многочисленные истории приключений, когда мы были детьми, и, конечно, нас объединяла огромная любовь к собакам. И то, что Дэвид не дожил до сегодняшнего дня, не увидел мою Молли, было огромной несправедливостью. Он полюбил бы ее всем сердцем.

Я стоял в этом старом саду и, закрыв ладонью глаза от солнца, смотрел на уже сильно обветшавший, но когда-то величественный дом. Когда-то в него было вложено много труда и любви, должно быть, он должен был стать домом мечты, но, как и былая дружба между сестрами, пришел в упадок. Я почувствовал, что мне очень жаль эту женщину, которая на склоне лет получает больше тепла и любви от своих четвероногих питомцев, чем от сестры.

Что ж, решил я, настало время начать поиски. И предложил Маргарет руку на пути обратно в дом.

* * *

Самое время было выпустить Молли. Пока Маргарет собирала вещи Честера, чтобы по их запаху Молли смогла взять след, я оставался на террасе.

К сожалению, я часто сталкиваюсь с тем, что владельцы, желая побудить кота вернуться, выставляют его лежанку или игрушки в сад, что лишь портит дело. Эти вещи часто привлекают чужих кошек, а почуяв их запах на своих вещах, беглец предпочтет держаться от них подальше.

Мое сердце радостно забилось, когда моя клиентка появился на террасе с большой подушкой в руках. Сначала мне показалось, что это мохеровая подушка, но при ближайшем рассмотрении оказалось, что подушка просто густо покрыта рыжеватой шерстью Честера. Я чуть не вскрикнул от радости. Вероятно, я один из немногих людей в Великобритании, кого приводит в восторг вещь, покрытая кошачьей шерстью.

Я улыбнулся, потому что теперь у Молли были все шансы найти Честера по запаху. Я надел резиновые перчатки, какими пользуются дантисты, чтобы не смешать свой собственный запах с запахом кота, и осторожно снял несколько комков шерсти, чтобы переложить их в стерильную баночку. Проделав все это, я сказал Сэм по рации, что нужно привести Молли. Как обычно, моя

собака была вне себя от радости, что снова видит меня. Но я постарался придать своему лицу строгое выражение, чтобы настроить ее на работу.

– Пора искать, Молли, – сказал я, глядя ей в глаза, и погладил гладкую черную голову.

С горстью собачьих лакомств в кармане и рацией в руке я повел Молли к загону для лошадей в парке. Здесь я дал ей познакомиться с запахом Честера. Она уже успокоилась и сосредоточилась. Как владелец и дрессировщик, я должен был уметь вовремя переключать ее настроение и состояние в двух разных ролях – домашнего любимца и служебной собаки. И ей предстояло перевоплотиться из милого кокер-спаниеля Молли в Молли-ищейку. Она хорошо знала, что как только я отстегну ее поводок, начнется работа.

По моей команде он уткнулась носом в стеклянную банку и глубоко вдохнула. После команды «искать», взвизгнув от возбуждения, она бросилась вперед на газон и как будто напала на след. Она стремительно бежала, но ее морда, опущенная в траву, казалось, была неподвижна, в то время как корпус рвался вперед. Эта картина напоминала сценки из Скуби-Ду [13]. Молли проскочила через ворота сада, и, с трудом догнав ее, мы заметили, что она закружилась на месте, втягивая воздух.

Она шла вдоль елей в восточной стороне сада и делала это странно – каждый раз делая два шажка вперед, она отступала на один назад, то и дело оглядываясь на нас. Наша работа должна быть командной, и мы должны все время поддерживать зрительный контакт. Нам с Молли удалось достичь идеального взаимопонимания, и я хорошо знал ее повадки. Я сразу догадался, что она столкнулась с таким запахом, какой прежде ей не попадался.

Когда она кружила вокруг хвойного дерева, я мог прочесть ее мысли: «Что здесь происходит, папа? Почему я никогда не чувствовала этого раньше?» Это продолжалось несколько минут, и я начал беспокоиться. Я отозвал Молли с помощью собачьего свистка и ласково потрепал ее по шее.

– Не волнуйся, Молли, – сказал я, чтобы успокоить ее.

Только когда я почувствовал, что ее волнение прошло, я решил возобновить поиски.

К этому времени ветер утих, и я снова дал ей понюхать шерсть Честера. Как и в первый раз, Молли метнулась в обнесенный стеной сад, но двигалась уже увереннее. Затаив дыхание, мы все наблюдали за ней, когда она залезала под дерево, продираясь сквозь траву и жесткие ветки.

Через несколько секунд Молли деловито появилась вновь и

вдруг легла ровно, неподвижно и вытянула вперед передние лапы, смотря прямо на меня. Это означало, что она нашла то, что искала.

Это должно было, без сомнения, означать, что она нашла Честера. Но ее подавленный вид и грустный взгляд сказал нам, что мы опоздали и кота Маргарет уже не было в живых.

Я медленно опустился на колени на траву и приподнял нижнюю ветку дерева. К сожалению, мои опасения подтвердились.

Он лежал на боку с закрытыми глазами и выглядел так, будто провалился в глубокий спокойный сон. Пульса уже не было, а шерсть был холодной и мокрой, но ни то, ни другое не наводило на мысль о ране или травме. Я мог только предположить, что бедняга Честер умер от старости. Я знал, что кошки часто, предчувствуя смерть, уходят, как бы «убегают» от боли, как если бы они убегали от опасности.

– Спи спокойно, Честер, – прошептал я, погладив его по голове, прежде чем осторожно опустить ветку.

И тут Маргарет, прижимая руки к груди, подошла ближе.

– О Колин… неужели Молли нашла его? Это мой Честер? С ним все в порядке?

В ответ я взял ее холодные хрупкие руки в свои.

– Боюсь, это не то, на что вы надеялись, Маргарет. Мне очень жаль.

Она тут же обмякла в моих руках, дрожа всем телом, и заплакала

– Милый Честер! – воскликнула она, – мой милый, милый мальчик…

Через минуту или около того я уловил взгляд Сэм, и она мягко отвела Маргарет в сторону.

Я понимал ее боль и сочувствовал ей, но я не мог не подумать и о Молли. Я видел, что она все больше беспокоится, она поняла, что Маргарет расстроена, и никогда до этого она не находила покойное животное. Она сделала свою работу, как ее и просили, причем быстрее, чем когда бы то ни было, и все же никто не обрадовался. Молли всегда была чувствительной к человеческим эмоциям, чуткой, и она чувствовала боль, которую Маргарет ощущала в эти минуты. Усложняло дело и то, что обычно я давал Молли угощение за проделанную работу, но в данном случае делать это, особенно на глазах у Маргарет, было бы неуместно. Мне пришлось сказать ей: «Хорошая девочка, Молли!» Но нужно было как можно скорее дать Молли понять, что этот опыт не негативный, иначе в следующий раз, почувствовав такой же запах, она не сможет выполнить свою

работу. Я повел Молли к загону в другом конце сада, подальше от горюющей Маргарет, и там угостил собаку, погладил и поблагодарил за работу. Мы начали играть, и я понял, что Молли довольна: она с радостью помчалась за теннисным мячиком, который я ей бросил. Без сомнения, она думала в тот момент: «Вот это называется веселиться!»

Мне же было очень трудно выглядеть жизнерадостным. Как человек, который любит животных, я был сильно огорчен смертью Честера. Мне было ужасно жалко Маргарет. Я оставался в загоне с Молли до тех пор, пока мне не стало совсем уж тоскливо. Удовлетворенная тем, что была щедро вознаграждена, Молли резвилась до тех пор, пока я не позвал ее. И что важно, я поощрил ее за находку. И это оправдало себя, потому что спустя несколько недель Молли тоже пришлось разыскивать кота, который, как оказалось, к тому моменту был уже мертв. В то время как исход для хозяина был трагическим, он все равно был невероятно благодарен Молли за то, что мы помогли прояснить это дело.

* * *

Пока Сэм вела Молли к машине, чтобы немного отдохнуть, я вернулся в обнесенный стеной сад, чтобы проверить, как там Маргарет. Я понял, что со смертью Честера она почувствовала себя еще более одинокой, и у меня появилось отчетливое ощущение, что ее огорчение связано еще и с отсутствием дочери. Я смотрел на нее, как она сидела на корточках, прислонившись к стволу дерева, поглаживая Честера и тихонько всхлипывая, и вдруг заметил вдалеке Кэтрин. У меня упало сердце. Я догадался, что она была последним человеком, который должен был видеть эту сцену.

– Только не говорите мне, что она рыдает над дохлой кошкой, – усмехнулась она. – Держу пари, что она так не заплачет, когда умру я.

«Вот тут ты не ошибаешься, – подумал я. – Она наверняка откупорит бутылку “Dom Pérignon”».

– Вы должны понимать, что ваша сестра очень расстроена, Кэтрин, – сказал я, – она не на это надеялась.

– Спектакль, вот что это такое, – ответила она, – ей бы на сцене играть. В любом случае я пошла за лопатой, эту кошку надо закопать, прежде чем мы почувствуем запах.

Она что-то пробормотала себе под нос, прежде чем топнуть ногой и направиться к ближайшему сараю. Щеки Маргарет запылали, и она умоляюще сказала:

– Мы не можем этого допустить, Колин, – всхлипывая, она объяснила, что у сестры просто не было сил копать глубокую яму для Честера, и она или бросит его в реку, или положит неглубоко,

где над ним потом поиздеваются лисы и барсуки.

Она замолчала и пристально умоляюще посмотрела на меня.

– А вы не могли бы сделать это вместо меня? – попросила она. – Найти последнее пристанище для Честера? Где-нибудь в безопасном месте, где я смогу навестить его?

Я на мгновение задумался, потом кивнул. Это не входило в мои обязанности, но это было самое малое, что я мог сделать для этой милой пожилой леди.

Я связался по рации с Сэм и попросил отвлечь Кэтрин (это было несложно, поскольку, узнав новость, она просияла), а сам сходил в сарай и принес лопату. Ее деревянная рукоятка сгнила, а полотно проржавело, но для нашей цели она годилась. Я осторожно завернул Честера в одеяло, а Маргарет тем временем ушла в дом за лежанкой кота. Потом мы пошли в лес, чтобы найти хорошее место. Мы прошли мимо площадки с заржавевшими детскими горками и качелями, приспособлениями для скалолазания. С дуба грустно свисала искореженная автомобильная шина, а к стволу было прибито баскетбольное кольцо. Я догадался, что это была детская площадка Элизабет, пустующая много лет.

Через несколько минут мы наткнулись на уединенную полянку, сплошь покрытую колокольчиками, – это был сплошной фиолетовый ковер, над которым нависали серебрящиеся ветки берез. Идеальное место. Я нашел участок, где земля была мягче, и начал копать яму, достаточно большую, чтобы туда поместилась лежанка Честера. Учитывая, какая у меня была лопата, дело продвигалось медленно. А потом совершенно неожиданно лопата напоролась на большой корень, рукоятка инструмента треснула, а одна из частей глубоко врезалась мне в руку. Боль была такой сильной, что я едва сдержался, чтобы не выругаться или не разрыдаться. Не обращая внимания на кровь, капающую на колокольчики, я продолжил.

Маргарет заметила мое страдальческое выражение лица:

– Я знаю, это так ужасно, Колин, но, пожалуйста, не плачьте, – прошептала она, сердечно обнимая меня, – мой Честер обрел покой. И ваша Молли прекрасно справилась.

Она обняла меня, и, пользуясь случаем, я вытащил из ладони проклятую занозу. Потом я вытер кровь о брюки и продолжил копать. Когда ямка достигла нужной глубины, я осторожно опустил туда Честера. И мы положили дерн обратно. В качестве опознавательного знака я выбрал камень необычной формы. И мы с Маргарет немного постояли у могилы Честера.

– Я буду скучать по тебе, милый Честер, – прошептала Маргарет, послав воздушный поцелуй. Колокольчики под нашими

ногами весело заплясали на ветру, – ты наполнил мою жизнь такой радостью.

* * *

На обратном пути из Гринли-Холла мы с Сэм зашли в крошечное деревенское кафе, чтобы выпить по чашечке кофе. Пока Молли довольно фыркала, лежа у наших ног, мы решили обсудить случившееся.

– Я думаю, Сэм, что понимаю, почему Молли была так расстроена. В самом начале поисков я был сбит с толку, – сказал я, потягивая молочную пенку моего капучино, – это был запах разложения, который носился в воздухе в саду. Молли это отвлекало, она никогда не чувствовала его прежде. Только когда ветер утих, Молли смогла распознать точное место, где лежал бедный Честер.

Потом мы немного поговорили о Маргарет, она явно нуждалась в нас, в нашем сочувствии.

– Ей был нужен душевный покой, ведь так? – сказала Сэм.

– Да, конечно, – ответил я. – И благодаря Молли она все поняла правильно.

Услышав свое имя, моя любимая собака медленно поднялась и пристально посмотрела мне в глаза.

– Ты проделала чудесную работу, дорогая, – нежно сказал я, прижимая ее голову к себе.

Собака и гадюка

День летнего солнцестояния наступил и прошел, а мы с Молли тем временем могли отпраздновать важную дату – прошло уже шесть месяцев с тех пор, как мы начали работать вместе. Полгода назад мы еще тренировались на специальных курсах, где Молли обучали поведению с людьми, нуждающимися в помощи собаки-сопровождающего. Мы с Молли стали неразлучны, и между нами установилась тесная связь, я полюбил свою милую девочку всем сердцем как коллегу и верного компаньона. Словом, я больше не представлял свою жизнь без нее.

– В честь нашей полугодовщины, милая Молли, – сказал я и преподнес ей целую коробку разноцветных теннисных мячиков, которые она так любила.

Сара, которая наблюдала эту сцену, весьма удивленно заметила, что на *нашу* полугодовщину я ей ничего не подарил.

– Тебе повезло, что я не ревнива, – сказала она и ласково улыбнулась Молли.

Никогда раньше я не замечал в ней такой нежности к моей собаке. Это была своего рода точка невозврата – наконец моя девушка так же полюбила мою собаку, как и я сам.

В тот день мы поехали обедать в симпатичный dog-friendly паб в южной части Национального парка Даунс. Я сидел рядом с любимой, в ногах лежала моя собака, и мне было так уютно, что хотелось ущипнуть себя – казалось, это слишком хорошо, чтобы быть правдой. В тот момент я даже не подозревал, что опасность уже подстерегает нас и совсем близко.

* * *

В следующую среду я разбудил Молли в пять утра, чтобы продолжить наши поиски пропавших кошек в Уилтершире и Эмсбери. Причина такого раннего подъема была довольно смешной для нашей страны – в южной Англии жара достигла рекордных высот, термометры показывали выше 30 градусов по Цельсию, и нам хотелось закончить работу до полудня, чтобы не изнывать от жары.

Дело, которым мы занимались, было связано с поиском пропавшей маленькой абиссинской кошки по кличке Клео. Изабель, ее хозяйка, была старшим офицером, а муж был внештатным агентом в Южной Африке и недавно вернулся к работе после годового отпуска. Изабель рассказала, что в Эмсбери они живут недавно, в начале года ее туда перевели по службе, дом она выбирала долго и переезд еще не закончился. И в разгар хлопот по переезду и большой загруженности по работе пропала

Клео, поэтому Изабель и обратилась ко мне. Она объяснила, что из-за переезда в новый дом у нее не был подключен Интернет и она не могла разместить объявление о пропаже Клео в соцсетях или СМИ, а обо мне и моих успешных делах она прочитала в местной газете, там же был номер, по которому она и позвонила.

– Я подумала, может быть, вы могли бы приехать с Молли завтра же? – спросила она с певучим гэмпширским акцентом. – Я могла бы попытаться взять отгул на весь день. Я знаю, что этого очень мало, но я почему-то чувствую, что Молли – единственный шанс найти Клео. Я буду вам очень благодарна.

Несмотря на то, что я попытался возразить, ссылаясь на погоду, она меня все же убедила взяться за это дело. Молодой женщине явно нужна была помощь, на ней был переезд, и работа отнимала все время, а вдобавок ко всему пропала ее любимая кошка. Мне стало жаль ее. Учитывая стоявшую жару, поиски следовало начинать как можно раньше. Я предупредил Изабель, что у Молли есть свой график, что она не работает больше четырех часов в день летом или шести часов, если погода прохладнее, и что при такой жаре во второй половине дня она не сможет работать, а если температура будет расти, то поиски нужно будет приостановить.

– Я все прекрасно понимаю, – сказала Изабель, – надеюсь увидеть вас обоих завтра.

* * *

Я с наслаждением вел машину по пустым дорогам и уже в семь утра был в Эймсбери. Я хотел быстро проехать по округе, чтобы изучить местность, на которой нам предстояло вести поиски. Все постройки здесь были из темно-красного кирпича, и лишь четверть из них была обитаемой. Казалось, что это декорации для съемок фильма – кругом было ощущение необжитого пространства, много где не хватало живых изгородей и деревьев, а неподалеку протянулась узкая полоска леса примерно в сотню ярдов шириной и в пятьсот длиной, которая и отделяла эти земли от шумного города. По дороге неподалеку на полной скорости мчались мотоциклы и тракторы.

«Надеюсь, Клео не пыталась перебежать эту дорогу, иначе ей несдобровать», – подумалось мне.

Вскоре мы с Молли добрались до дома Изабель. В дверях нас встретила высокая стройная женщина. Мы отказались от предложения выпить кофе с круассаном и немедленно принялись за работу. Как только Молли познакомилась с запахом Клео, мы принялись обыскивать все поместье. Конечно же, мы осмотрели окрестности, большинство соседей Изабель в этот час завтракали или собирались на работу, но большинство любезно разрешили

нам осмотреть их сады и гаражи. Однако и тут поиски пока ни к чему не привели. Поэтому мы сосредоточили наше внимание на необитаемых домах вблизи дома Изабель. Пока Молли проверяла палисадники и задние дворы, мы с Изабель заглянули в гостиные и патио. К сожалению, и эти поиски ничего не дали.

К полудню жара усилилась, а мест, где можно было найти тень, становилось все меньше, я часто останавливал Молли, чтобы дать ей передышку, потому что она совсем запыхалась и жадно выпила уже пинту воды. Я начал думать, что, возможно, предчувствие не обмануло меня, и нам не стоило вообще браться за это дело.

«Тебе не стоило заставлять Молли работать в таких условиях, это несправедливо по отношению к ней», – укорял я сам себя.

Однако я уже взялся за дело и не мог все бросить на полпути – у меня был клиент и обязательства. Сейчас, оглядываясь назад, я понимаю, что этому было и другое объяснение: многие годы работы в полиции приучили меня разделять семью и работу, и я привык доводить дело до конца при любых обстоятельствах. В дополнение к этому я занимался поиском домашних животных и знал, как страдают их хозяева в таких ситуациях. Поэтому сострадание и жалость часто заменяли мне здравый смысл, как произошло и в этот раз. Позже я сильно пожалел, что решился продолжать искать Клео.

* * *

В три часа дня я объявил, что мы продолжим поиски в ближайшем лесу. К тому же я думал, что для Молли будет неплохо переждать жару в тени крон деревьев.

– Я думаю, очень вероятно, что Клео забежала в лес из любопытства. Посмотрим, сможет ли Молли напасть на ее след, – объяснил я Изабель.

Я дал Молли полную свободу, никаких специальных указаний, а сам внимательно наблюдал за ней, пока она шмыгала вокруг высоких кустов ежевики, среди листьев папоротника и обнюхивала деревья. Внезапно она, как нам показалось, обнаружила что-то важное, потому что, почуяв какой-то сильный запах, бросилась вперед и внезапно замерла. Мы с Изабель поспешили к этому месту и, к огромному удивлению, обнаружили крошечного олененка нескольких дней отроду, он задрожал от страха при виде двух изумленных людей и озадаченной собаки.

– Ой-ой, бедняжка, – прошептала Изабель.

– Его мать, наверное, бросилась прочь, когда услышала наши шаги, – ответил я. – Она скоро вернется, я уверен.

Мы оставили напуганного олененка дожидаться маму, а сами пошли дальше. Запахи леса и необычные звуки обострили чутье

Молли, и спустя минуту она, увлеченная другим запахом, уже мчалась вперед. Однако на это раз ее поведение отчасти напомнило мне о том дне, когда она нашла мертвого Честера под разлапистой елью. «Только бы не еще одна погибшая кошка», – подумал я. Но для такого поведения Молли была иная причина – она привела нас к телу большого барсука, вероятно, сбитого машиной и сумевшего добраться до своего последнего лесного пристанища.

– О, это ужасно, – сказала Изабель, по-детски отводя взгляд.

А над тушкой уже неприятно кружила пара голодных грачей. Мне стало грустно не только из-за этого несчастного барсука, но и при мысли о его собратьях по дикой природе. Недавно выстроенные здесь городские джунгли и большая дорога сделали их жизнь небезопасной и уменьшили ареал их обитания. Много лет они бродили по бескрайним лесам, а теперь были ограничены лишь узкой полоской земли. Тут в моем кармане затрещал телефон – это был будильник, напоминавший, что поиски пора заканчивать, если я не хочу переутомить Молли, ей и так было уже слишком жарко. Да, нам хотелось бы всегда находить всех пропавших кошек, но в этот раз этому не суждено было случиться.

– Может, проверим еще одно место, Колин? – умоляла Изабель со слезами в голосе. – Это займет максимум полчаса, обещаю…

Вопреки здравому смыслу и поддавшись на уговоры умоляющей Изабель, я согласился, и она привела нас на заросшую травой полянку. Казалось, Молли почувствовала отчаяние нашей клиентки, потому что, когда я отпустил ее с поводка, Молли с бешеной энергией побежала вперед. Она мелькала среди цветов, и наступил момент, когда она отдалилась настолько, что я мог видеть лишь кончик ее хвоста, но не ее саму. Допускать этого было нельзя, так меня учили ее дрессировщики Роб и Марк, от огорчения я негромко выругался и побежал, едва уворачиваясь от свисавших веток и спотыкаясь о спутавшиеся корни, пытаясь догнать ее. И вот, в ярде от себя, на небольшом холмике я наконец увидел Молли, она фыркала, а ее хвост дрожал, будто она учуяла что-то важное.

С моего места было видно, что Молли стоит на холмике, похожем на лисью берлогу, каких много в этой местности.

– Кажется, она чем-то взволнована, – сказала Изабель, в сердце которой зародилась надежда.

– К сожалению, я не думаю, что это Клео, – ответил я, – кошки редко укрываются в таких норах.

А Молли в это время сбежала с холма – это означало, что следов Клео там нет. Я как раз собирался окликнуть ее, как

Молли вдруг издала душераздирающий крик, встала на задние лапы и рухнула всем телом на землю.

– Молли! О боже, *Молли!* – крикнул я, бросаясь к ней со всех ног.

Когда я подбежал, моя собака лежала, тяжело дыша, а ее взгляд был совершенно безжизненным. При виде этой картины кровь застучала у меня в висках, но я знал, что нужно постараться успокоиться и найти помощь. Я снова опустился на колени рядом с Молли, чтобы найти признаки травмы или раны, но ни крови, ни переломов не было, лишь на шее было немного липкой, бесцветной, ничем не пахнущей жидкости. Сначала я подумал, что это сок какого-то дерева, и поискал глазами прут или ветку, на которую она могла бы напороться.

– Колин, что произошло?! – воскликнула добежавшая до нас Изабель,

– Я не знаю, но это серьезно, – сказал я дрожащим голосом и медленно, осторожно поднял горячую дрожащую голову моей собаки, а затем взял Молли на руки. – Мне нужно немедленно отвезти ее к ветеринару.

Когда мы поспешили обратно к моей машине, Молли вдруг издала хриплый стон, а ее зрачки расширились. Тело стало напрягаться, мышцы будто парализовало.

Я опустил Молли на землю и стал поливать водой, которую держал на тот случай, если ей станет жарко.

Потом уже в машине Изабель связалась с местным ветврачом, хирургом, и сказала, что сейчас к нему поступит кокер-спаниель в тяжелом состоянии. И как раз тогда я заметил небольшую припухлость на морде Молли и на груди, недалеко от того места, где сочилась клейкая жидкость.

И меня пронзила догадка: «Укус змеи… укус ядовитой змеи», – подумал я, и холодок пробежал у меня по спине. Гадюки часто встречаются на юге страны, хотя, насколько мне было известно по опыту, они чаще обитают на отрытых пространствах, в полях или прибрежных районах, а не в лесах. Когда я приподнял Молли, чтобы положить в машину, она заскулила от боли и впилась зубами в мою правую руку. Это была защитная реакция. Мгновение спустя она разжала челюсти, и я очень осторожно уложил ее в машину на ее обычное место. Я помчался в ближайшую ветклинику, несмотря на интенсивное движение и пробки, используя все навыки быстрого вождения, полученные за годы службы в полиции. Это была по-настоящему экстренная ситуация.

* * *

Добравшись до места, я оставил Молли с Изабель, чтобы без

врача и без необходимости не причинять Молли боль и не переносить ее, а сам побежал в клинику. Здание, где она располагалась, было маленьким, и принимал там всего один врач.

– Мой собаке плохо, – задыхаясь, с порога проговорил я. – Я точно не знаю, что произошло, но, возможно, ее укусила ядовитая змея, и, кажется, собака парализована. Пожалуйста, осмотрите ее!

Администратор за стойкой оторвала взгляд от компьютера.

– У вас есть карточка в нашей клинике?

– Нет, я не местный, так что…

Она подошла ко мне и вручила два бланка и ручку.

– Заполните вот это.

Я почувствовал, что все внутри закипает от гнева.

– Неужели это не может подождать, ради всего святого?! Моя собака больна, возможно, умирает!

Я нечасто срывался на администраторов, но в этой ситуации было просто смехотворно требовать исполнения формальностей.

– Боюсь, это обычная процедура, – небрежно ответила она.

Ее ответ разозлил меня еще больше.

– Чертова процедура! – закричал я. – Я хочу, чтобы мою собаку осмотрели сейчас, пока еще не поздно!

Ветеринар, который громко диктовал названия лекарств по телефону в своем кабинете, вышел посмотреть, из-за чего такой шум. Сквозь стиснутые зубы я повторил свои опасения, он понимающе кивнул своей секретарше и согласился осмотреть Молли.

– Вообще-то давайте я сначала принесу намордник, – сказал он, заметив следы укусов на моей руке.

Выйдя на улицу, я поблагодарил Изабель за то, что она ждала меня вместе с Молли, и дал ей 10 фунтов на такси домой. Моя клиентка была подавлена тем, что поиски Клео закончились так трагически.

– Мне так жаль, что это случилось, Колин, – сказала она. – Держите меня в куре.

– И вы тоже, – ответил я (позже я узнал, что Клео так и не нашли. Я думаю, что ее постигла та же участь, что и беднягу барсука).

Пока я вместе с ветеринаром нес ослабевшую, словно одурманенную и хрипящую Молли от машины до операционной, я с ужасом заметил, что отек на ее груди увеличился почти втрое и стал размером со средний грейпфрут, так что теперь сама она казалась совсем маленькой.

Мне хотелось кричать и ругаться последними словами. Жизнь моей любимой собаки висела на волоске.

– Это вполне может быть укус змеи, но я не уверен, – сказал

врач, слушая Молли стетоскопом, пока она неподвижно лежала на операционном столе. – Мы всего лишь филиал, – продолжил он, – я думаю, ей нужна помощь в нашем основном здании, мои коллеги осмотрят собаку. А пока я дам ей немного обезболивающего.

Это было совсем не то, что я хотел услышать. Я так надеялся на немедленный диагноз и лечение, и я был зол на то, что в этой клинике Молли не могут помочь. Администратор вызвала скорую ветеринарную помощь, и через несколько минут белый Range Rover с сиренами уже увез мою бедную Молли. Я хотел ехать следом в своей машине, но смог бы это сделать, только когда заполню их драгоценные бумажки. Я вышел из кабинета и буквально рухнул на стул в приемной. Так я просидел около пяти минут, сжимая голову руками и отчаянно пытаясь успокоиться, прежде чем я поеду за Молли. Я погрузился в пучину чувства вины и отчаяния, ведь мне не следовало браться за это дело, не следовало заставлять Молли работать в такую жару, не следовало углубляться в лес и соглашаться продолжать поиски. И самое главное – я не должен был ценить нужды клиента больше, чем свою собаку, собаку, которой я предложил новую жизнь, интересную и увлекательную, а теперь подверг ее опасности.

Мне было очень плохо, и я был уверен, что простить себе этого не смогу. «Моя бедная Молли, – прошептал я, представив ее одинокой и растерянной в машине скорой помощи с чужими людьми. – Это все моя вина, дорогая, мне так тебя жаль».

Пока я сидел, погруженный в эти мысли, ко мне подошла седоватая пожилая женщина с добрыми голубыми глазами и тихо присела рядом.

– Простите за вторжение, – сказала она, – я не буду вмешиваться и спрашивать, что у вас случилось, просто хочу сказать, что все обязательно будет хорошо, верьте в это.

– Благодарю вас. Честное слово, спасибо.

Она по-матерински похлопала меня по руке и ушла, толкая впереди свою тележку.

* * *

По пути в клинику я успел позвонить Саре, Сэм и моему сыну. Сэм в Манчестере проконсультировалась у Грэма, нашего ветеринара, и когда я передал во всех подробностях, что случилось, тот сказал, что думает, это похоже на классическую реакцию на укус гадюки. Он много знал об этом виде змей и рассказал, что появление гадюки в лесу совсем не редкость, там они охотятся на мелких грызунов и ящериц. После удачной охоты змеи часто устраиваются отдохнуть в какой-нибудь лисьей норе или под деревьями.

– Молли, вероятно, учуяла запах гадюки и потревожила ее. Змее пришлось защищаться, отсюда и укус.

– Грэм, хотел бы я, чтобы ты первым осмотрел Молли, – сказал я и рассказал о своем визите к здешнему ветеринару и о том, что ее увезли в их основную клинику в Уистелшир, куда я сейчас и еду.

– Вот что я могу вам предложить, Колин, – сказал он своим обычным деловитым тоном, – сегодня я не работаю, но я предлагаю вам забрать Молли и отвезти ее в отделение по *экстренному спасению животных*[14], здесь, в Гилфорде. Антидот вводить поздно, это следовало сделать сразу же, но там, по крайней мере, о ней как следует позаботятся, а завтра вы привезете ее ко мне, и мы решим, что делать и какие будут прогнозы.

Это звучало логично. Я верил Грэму и сейчас же забрал Молли. В больнице Стоунхенджа сказали, что ее состояние не ухудшилось, она в сознании, но отек был все еще сильным, несмотря на антибиотики. Медсестра в клинике одобрила мой план и пожелала нам удачи.

Мы осторожно доехали до Гилфорда, там я оставил Молли на попечение специалистов отделения экстренной помощи, чтобы они наблюдали за ней круглосуточно и давали все необходимые препараты. Пока медсестра готовила собаку к переводу в стационар, я сказал Молли добрые слова, поцеловал ее блестящую головку, потрепал висячие уши и долго смотрел в ее остекленевшие глаза.

– Все будет хорошо, Молли, – сказал я, пытаясь успокоиться и звучать как можно более жизнерадостно, чтобы передать ей положительный настрой и силы. – Я ухожу, а здесь для тебя сделают все, что нужно, и тебе скоро станет лучше.

В ответ Молли издала слабое поскуливание, когда медсестра осторожно положила ее на каталку. А я заковылял прочь по коридору, не хотел, чтобы Молли видела своего хозяина таким разбитым.

* * *

Возвращение домой было мучительным. В обычный день Молли встретила бы меня радостными прыжками по подъездной дорожке, и я начал бы играть с ней, как всегда, когда возвращался. Но этот день отличался от наших прежних счастливых дней, он был ужасным.

Сара как могла пыталась меня успокоить: принесла горячий шоколад, словно ребенку, которого это могло утешить, выслушала меня и попыталась убедить, что за Молли там хорошо ухаживают. У нас дома не оказалось ни таблетки снотворного, и

всю ночь я не мог перестать думать о событиях этого дня, о своей ответственности за произошедшее. Ко всему прочему, укушенная рука предательски ныла (к счастью, у меня была прививка от столбняка). Глупо, я знаю, но я чувствовал, что это было справедливое наказание за то, что я так рисковал жизнью Молли.

В два часа ночи, оставив всякие попытки заснуть, я отправился в свой кабинет. Когда я проходил мимо опустевшей лежанки Молли, мое сердце сжалось. Оставшееся до утра время я просидел в Интернете, читая всю информацию о гадюках и о том, как они охотятся. По мере чтения я убеждался, что Молли стала жертвой именно этой змеи. Еще я вычитал, что в большинстве случаев собакам после укусов гадюк все же удавалось выкарабкаться. Оставалось немного, скоро я узнаю, что же ждет Молли.

В 6:30 я был уже в медицинском центре, где лежала Молли. Новости были обнадеживающими: несмотря на то, что отек еще не прошел, Молли хорошо спала всю ночь, и ее реакция на все препараты была положительной. Дежурный врач привел ее ко мне, и я опустился на колени, чтобы ей было проще узнать меня. Молли была растеряна и сонно уткнулась в меня носом и, собрав все силы, нежно лизнула меня в щеку.

«Привет, папа, – будто бы хотела сказать она. – Что же со мной происходит? Кто все эти люди? Почему тебя не было всю ночь?»

Ветеринар помог мне положить Молли в переноску, и мы поехали в клинику Грэма. Пока мы были в пути, я старался не думать о том, что прежде я уже бывал там: там мне помогли захоронить прах моего ротвейлера Джей и там же закончили жизнь его предшественники, мои Тесс и Макс. Я все еще не справился с болью от их потери. Я молился, чтобы и в этот раз все не закончилось трагедией. Жизнь не может быть так несправедлива.

Грэм внимательно посмотрел на Молли, которая тихонько лежала на полу. Она все еще выглядела больной, и он предложил сделать полное обследование под наркозом, с тем чтобы проанализировать последствия от укуса и ее падения на землю.

– Отек на груди – это определенно реакция на яд, но я хочу сделать ей рентген. Я больше обеспокоен тем, что она упала на землю и могла получить травму в области, где соединяется плечевая кость и лопатка.

– Перелом?

– Может быть. И я должен предупредить, Колин, что если этот перелом слишком серьезен, то оперировать его будет невозможно.

Увидев мое испуганное выражение лица, Грэм успокаивающе положил руку мне на плечо и сказал:

– Мой тебе совет, друг мой, ступай позавтракай и возвращайся часа через два. Нет смысла сидеть тут и волноваться в приемной.

– Ладно, может, вы и правы, но пообещайте мне все время держать меня в курсе.

– Конечно, Колин, – он улыбнулся, когда Молли подняла голову и печально посмотрела на меня, – она в хороших руках.

* * *

В кафе «Пятнистая курица» за углом от клиники я взял полный английский завтрак, выпил, наверное, галлон кофе и ответил на смски обеспокоенных родных. Весь персонал кафе обожал Молли, и они были потрясены, когда узнали о случившемся. Все это только усилило грызущее меня чувство вины.

Грэм позвонил только в 10 утра.

– Молли просыпается после наркоза, и, похоже, все будет хорошо. А ты возвращайся, и я все тебе расскажу.

И Грэму было что мне рассказать. Слава богу, у Молли не было переломов и никакая операция не потребовалась. Он рассказал, что для исследования ему пришлось побрить Молли голову и грудь, и он выяснил, что гадюка укусила ее дважды, но Молли очень повезло. Один из укусов лишь чудом не попал в сонную артерию. Если бы это произошло, все могло кончиться очень плохо. Если бы яд попал прямо ей в сердце, объяснил он, она могла умереть почти мгновенно. Но попав в мышечную ткань, токсин проникал в кровь медленнее, и молодая здоровая собака вполне могла выжить.

Я вздохнул с облегчением.

– Но мы все равно должны быть внимательны, – продолжил он, – хотя можно сказать, что по прошествии этого времени уже ясно, что Молли наверняка поправится. Наверняка, но не точно. Я не могу не сказать вам о той опасности, которая все же существует… Змеиные зубы могут являться переносчиком опасных бактерий, и они могут вызвать инфекцию. Иногда такая инфекция может оказаться смертельной. Но ваша собака – крепкий орешек, и я надеюсь, что она выкарабкается.

– Боже мой, Грэм, надеюсь, вы правы…

– Словом, план такой: я отпущу вас обоих домой, Молли я пропишу курс сильных антибиотиков, которые, надеюсь, помогут победить возможную инфекцию. Еще следите за тем, чтобы она побольше пила и отдыхала.

После того как Молли полностью проснулась от наркоза, я

забрал ее из клиники и отвез домой в Крэнли. Дома я покормил ее с ложки, она поела совсем немного, потом я искупал ее, и она устроилась в своей лежанке. А я сел рядом и попросил ее немного поспать, будто говорил со своим сыном, когда он был совсем маленьким. Я рассказал ей длинную историю о том, как одна умная собака нашла в лесу пропавшую кошку и как я гордился ею. Должно быть, я сам задремал, потому что Сара тихонько тронула меня за плечо и прошептала:

– Иди спать, Колин. Молли тоже задремала, а тебе не меньше, чем ей, нужен хороший сон.

* * *

Ухаживать за Молли в течение первых нескольких дней было непросто, я не отходил от нее и следил за каждым движением и переменами настроения, с тем чтобы не упустить малейшие признаки ухудшения, если они появятся. Я забыл о работе, в это время меня заменили Сэм и Стефан. Должен сказать, что справлялись они блестяще, и наши текущие дела шли прекрасно. А я, чтобы сэкономить время, распределил входящие письма по категориям и сделал рассылку для каждой, чтобы не писать всякий раз новое сообщение. Нужно это было потому, что я получил сотни одинаковых писем, в которых спрашивалось о здоровье Молли: от родственников, коллег, друзей, знакомых ветеринаров. Было так трогательно видеть их заботу о нас.

В первые сутки дома Молли набиралась сил, она лишь осторожно передвигалась по комнате, но даже от такого напряжения ее дыхание сбивалось. На второй день ей стало хуже. Температура поднялась, дыхание стало частым и трудным, а сил стало меньше. Я запаниковал и почувствовал, что опасения Грэма насчет инфекции начинают оправдываться. Конечно, я сразу же связался с ним.

– Она явно борется с этой инфекцией, Колин. Мы повысим дозу антибиотика, и давайте ей побольше жидкости.

Я сделал все, как он велел. И следующие двое суток не отходил от Молли. Постепенно ей становилось лучше, а на утро четвертого дня она влетела в мою спальню, запрыгнула на кровать, лизала мне лицо и звала играть, как будто и не было никакой болезни. Кризис был преодолен. В тот же день после обеда я отвез Молли к Грэму. Он подтвердил, что инфекцию она победила и опасности нет. Я спросил его, чем объясняется то, что у нее появилась заметная хромота справа.

– Вы правы, у нее явная хромота на переднюю правую лапу, – сказал Грэм, осматривая ее. – Это компенсаторное, просто боль от укуса была более сильной слева, и, соответственно, большая нагрузка пришлась на правую сторону. Чтобы исправить эту

проблему, я предлагаю курс аквареабилитации[15], все упражнения выполняются в воде, это снижает боль и нагрузку, постепенно она отвыкнет от боли и перестанет хромать. В конце концов она почти забудет, что хромает. Очень рекомендую эту терапию, – закончил он.

Я послушался его совета и записался на несколько таких занятий в специальном центре по соседству. Со стороны было очень трогательно видеть, как Молли гребет, подталкиваемая тренером. Тренер по плаванию оказался прекрасным: сначала он подтолкнул Молли к бассейну, потом, прежде чем она доплывала до противоположной стороны, подталкивал ее обратно. Молли выглядела озадаченной, было видно, что она не понимает, чего от нее хотят.

К моему большому удовольствию, эта терапия начала давать результаты – когда мы возобновили наши пешие прогулки, Молли почти не хромала. Почти, но все же хромота не прошла окончательно, и часто она прекращалась, стоило нам вернуться домой. И вдруг Сара сделала предположение, что, возможно, Молли просто немного хитрит, когда ей что-то нужно, например, когда она хочет спать, а мы все еще смотрим телевизор, она хромает, но стоит тебе выйти из комнаты – хромота исчезает.

– Не думаю, что это возможно, – ответил я сухо, немного рассердившись на Сару за ее версию.

Я действительно был уверен, что Сара ошибается. Молли и так получала все мое внимание и ласку, особенно во время и после болезни. И, конечно же, она не была способна на такое коварство. Но Сара все же посеяла зерно сомнения. И чтобы эксперимент был чистым, я поставил в гостиной камеру. Позже мы с Сарой не могли насмеяться, глядя на Молли.

– Молли, маленькая хитрюга, – ухмыльнулся я, наблюдая, как она притворяется. Сначала она хромает, потом я обнимаю ее и ласкаю, а потом, стоит мне выйти из гостиной, собака ходит совершенно нормально. Это означало только то, что моя Молли снова стала самой собой – озорной, как и в прежние времена.

* * *

Сначала я и не думал о нашей совместной работе, ее здоровье было важнее всего другого. Но постепенно, по мере ее выздоровления, я стал задаваться вопросом, а сможет ли она и дальше работать со мной, повлиял ли запах и укус змеи на ее навыки, найдет ли она еще хоть одну пропавшую кошку и привел ли этот печальный опыт к тому, что она будет бояться леса. Будет ли она еще моим компаньоном не только в жизни, но и в делах?

– Самый простой способ выяснить это, Колин, – снова потренироваться в Брамбл-Хилл, – сказал Марк, – просто

предложи ей снова выполнить ее работу.

Так, в один прохладный и ветреный августовский день я взял Молли на тренировку. Я предложил ей проделать наше обычное упражнение – дал понюхать комок кошачьей шерсти (шерсть я позаимствовал у полосатого котенка), а потом спрятал образец в поле среди высокой травы.

Вдобавок я настроил свою камеру GoPro, чтобы Марк мог потом увидеть наш эксперимент.

– Нюхай, – сказал я, предлагая Молли образец запаха.

Она втянула воздух из банки, а потом, как обычно, гавкнула один раз. Это означало: «Все в порядке папа, я работаю».

– Молли, искать! – скомандовал я, посылая ее вперед.

Настал момент истины. Сначала она казалась немного нерешительной, и я отчетливо видел проявившуюся хромоту, но уже полминуты спустя она бегала по полю, энергично виляя хвостом. Я с тревогой наблюдал за тем, как она выполнила серию резких S-образных фигур, следуя по направлению летнего бриза, который переносил частички запаха.

«Боже, как же я соскучилась по всему этому!» – казалось, говорила Молли. Она вновь вспомнила о свободе и радости поиска.

Улыбка расплылась по моему лицу – в двухстах ярдах от меня моя собака вдруг сосредоточилась на скрытом месте, припала к земле, а затем сделала стойку: «Я нашла, папа, нашла!». Из меня вырвался вздох облечения.

Несмотря на боль и травму, которые ей пришлось пережить, Молли явно не потеряла ни одного из своих великолепных навыков. Я легонько прикоснулся к ее морде и дал знак ждать положенной награды, в ответ она завертелась, радостно показывая зубы и высунув розовый язык.

– Хорошая девочка, Молли, – сказал я, крепко обнимая ее одной рукой, а другой давая угощение, – нет, юная леди, определенно, вы не перестаете меня удивлять.

Кот на лодке

Хотя мы с Молли вернулись к работе, мне пришлось пересмотреть кое-какие правила после той истории с укусом змеи. Отныне – ни одного дела, где здоровье и жизнь Молли могли бы подвергнуться малейшей опасности. Какими бы настойчивыми ни были просьбы клиента, какой бы ни была ситуация. Моя привычка рисковать будет искоренена, а ценовая политика станет жестче, и, конечно, вне зависимости от условий я не возьмусь помогать кому-либо, если не смогу гарантировать безопасность Молли. Ужасный опыт поездки в Уилтшир стал постоянным и суровым напоминанием о моей ответственности перед этим хрупким маленьким существом, и я был решительно настроен не забывать об этом уроке.

Одно из первых наших дел после болезни Молли было весьма незаурядным. Мне позвонила пара лет 30. Эдвард, он торговал предметами искусства, и Лили, земельный агент. Они сдали свою квартиру в Лондоне на первом этаже, а сами купили плавучий дом. Они объяснили это тем, что проводили дома не слишком много времени из-за напряженной работы, а Лили к тому же хотела закончить магистратуру в Бристоле, и потому жить хотелось поближе к университету. Они планировали пришвартовать свою лодку-дом в одном из каналов на Темзе, чтобы Лили могла спокойно ходить на лекции, а Эдвард ездить на работу в Лондон. Вначале их лодка была на ремонте, а потом они планировали добраться до Рединга и дальше вниз по реке, а потом поднять лодку и переправить ее на большом грузовике в другое место – к каналу Кеннет и Эйвон.

Однако в команде их было трое – на палубе с ними был Сапфир, любимый кот, голубой британец, который уже много лет жил с ними. Они были уверены, что их питомец будет хорошо чувствовать себя в плавучем доме вдали от шума и суеты Лондона.

Но они знали, что путешествие может затянуться, и для Сапфира это будет нелегко. Они даже подумывали попросить отца Эдварда отвезти Сапфира в Бристоль на машине, но Сапфира не только укачивало в машинах, но и ко всему прочему он ненавидел расставаться со своими хозяевами.

А потому, когда пришло время, вся троица начала свое путешествие по реке ранним летним утром. Они проплывали мимо Баттерси-парка [16], Кью Гарденс [17] и замка Хэмптон-корт [18] по пути на запад в Беркшир. Эдвард и Лили сменяли друг друга за штурвалом, а Сапфир мирно спал, свернувшись

калачиком, или проводил время, посматривая в иллюминатор на проплывающий за стеклом большой мир.

Когда на реку сползли сумерки, они пришвартовались на ночлег в лесу в деревне Хёрли, несколькими милями ниже Хэнли. Всю ночь кот провел, уютно устроившись у ног хозяев. На следующий день рано утром после завтрака – миска хлопьев с молоком для Эдварда и Лили и порция сухого корма для Сапфира – они отдали швартовые и продолжили путь к Хэнли. Но уже в течение первых 10 минут они с ужасом поняли, что Сапфира с ними нет. Пара готова была поклясться, что он еще был рядом, когда они отплывали из Хёрли: Лили вспомнила, что видела, как он играл одним из обвайзеров шлюпки. Они тщательно обыскали верхнюю и нижнюю палубы, но никаких следов Сапфира не нашли. Затем они вернулись к причалу, где и провели следующие несколько часов, то и дело выкрикивая: «Сапфир! кис-кис-кис… Сапфир! кис-кис-кис…»

Они боялись даже подумать, что он упал за борт. Когда отчаяние стало подступать, они нашли мой телефон и позвонили.

– Наш кот пропал, – сказал Эдвард, и голос его звучал совершенно удрученно, – мы думаем, он либо сбежал с лодки, либо утонул. Пожалуйста, не могли бы вы помочь нам найти его? Уже темнеет и… честно говоря, мы начинаем паниковать.

– Во-первых, вам нужно сохранять спокойствие, – ответил я, – во-вторых, вы не должны переставать верить, что Сапфир жив и, возможно, добрался до берега.

– Этого не может быть, ведь кошки не плавают, – возразил Эдвард.

– Это просто распространенное заблуждение, – объяснил я, радуясь, что могу хоть чем-то его утешить, – вообще-то, – продолжил я, – большинство кошек умеют плавать, именно поэтому их лапы отчасти перепончатые – это результат эволюции. Это правда, что кошки не любят купаться, хотя есть породы, например бенгальцы, которые совсем не против купания и даже иногда норовят принять душ или ванну вместе с хозяевами.

– Это обнадеживает, – ответил Эдвард, – но если это так… значит, наихудший исход дела – если его выбросило на берег и нам нужно его найти. Он член нашей семьи, и, если он погиб, мы хотим похоронить его как положено. Одна мысль о том, что его тельце понесет по реке, – его голос дрогнул, – это просто разобьет наши сердца.

Он спросил, могу ли я взять Молли и приехать в Беркшир, и чем скорее, тем лучше. Я согласился приехать и подчеркнул, что ему повезло, что ближайшие пару дней я свободен. А также я сказал о том, что зона поисков сложна сама по себе и дело будет

непростым. Также я попросил Эдварда предоставить какой-нибудь образец шерсти Сапфира, чтобы дать его Молли в качестве ориентира.

– Это несложно, – ответил он, – сейчас мы разбираем вещи в нашей лондонской квартире, и там много вещей Сапфира, я уверен, что смогу что-то привезти. С нетерпением жду встречи с вами обоими.

– До встречи, Эдвард. И постарайтесь хоть немного поспать.

* * *

Это был мой первый визит в деревню Хёрли. Мы с Молли наслаждались прогулкой (во время которой я оценил местность на предмет потенциального риска для моей напарницы). Я был под впечатлением от увиденного: красные домики выстроились вдоль узкой дороги, деревушка была очаровательной и являла взору живописную картину со старинной церковью, с двумя уютными с виду пабами и магазинчиком на углу. Здесь же было типичное для Англии крикетное поле и парк с видом на Темзу. На буксирной дорожке меня встретил высокий седой джентльмен, сжимающий в одной руке пачку сигарет и объявления о пропаже Сапфира, а в другой – тетрадку, какой пользуются репортеры. Этим почтенным джентльменом был бывший директор школы и отец Эдварда. Его звали Годфри. Он объяснил, что его сын в последнюю минуту решил ехать дальше в Бристоль вместе с Лили; ей по понятным причинам не хотелось плыть одной, и Эдвард, проводив ее, сегодня же присоединится к нам.

Годфри потратил бóльшую часть утра, прочесывая улицы городка и спрашивая местных о Сапфире, – все важные детали были записаны тонким, напоминающим паутину почерком в его тетрадке. Кроме того, где мог, он оставил наспех распечатанные листовки.

– Я очень рад вашему приезду, дорогой Мистер Бутчер, и вашей Молли тоже, – проговорил он глубоким скрипучим голосом, от звука которого утки, щипавшие травку на берегу, вразвалочку удалились.

«Мы с Молли вмиг решим это дело», – подумал я про себя, улыбнувшись. Я сказал Годфри, что верю в то, что кот все еще жив и просто убежал с лодки или упал с палубы во время движения. Я постарался внушить ему надежду, что Сапфиру все же удалось добраться до берега.

– Кошки очень привязаны к определенной территории, которую считают своей, Годфри, – сказал я, – поэтому можно предположить, что переезд на лодку сбил его с толку, возможно, это стало для него стрессом, и он при первой возможности инстинктивно отправился искать дом.

– Да, я тоже думал об этом, – пробормотал он, постукивая карандашом по кривым зубам.

До сих пор я все еще не мог понять, будет ли нам толк от Годфри или нет, поможет он нам или помешает, а Молли, судя по всему, тоже не была в нем уверена.

– Прежде всего, Годфри, вы принесли образцы кошачьей шерсти? – спросил я.

– Ну конечно, – как можно более приветливо сказал он, – прошу вас пройти за мной.

И он подвел нас к своей темно-зеленой Volvo, где на заднем сиденье была куча вещей Эдварда, а лежащий рядом холщовый мешок был битком набит игрушками Сапфира, его подушками и лежанками, бóльшая часть которых покрылась толстым слоем угольно-серой шерсти. На заднем сиденье лежала самая большая когтеточка, какую мне приходилось видеть.

– У меня ушла уйма времени, прежде чем я запихнул в машину эту штуку, – сказал Годфри, и в это легко можно было поверить.

Я был разочарован – вся эта гора вещей означала, что я не получу образца чистого запаха. В другом случае я в условиях стерильности положил бы шерсть в емкость, чтобы дать понюхать Молли, но в данной ситуации я только надеялся, что Молли учует запах Сапфира и этого хватит для поисков. У меня не было причин думать, что она не сумеет отделить этот запах от остальных. Как обычно, с помощью своего пинцета я аккуратно переместил клок шерсти в стеклянную банку и плотно закрыл.

Едва я направился к реке, Годфри вдруг прогремел своим зычным голосом:

– Не туда! – он сообщил мне, что во время своего утреннего расследования он разговорился с местным фермером, которому показалось, что ночью в один из его амбаров вошла кошка. – Хозяин амбара позволил мне осмотреть помещение, и мне кажется, что это может стать неплохой зацепкой. Вот с этого я и хотел бы начать наши поиски, если вы не возражаете.

По правде говоря, его самоуверенная манера начинала меня раздражать, мне пришлось напомнить ему, что детектив как доктор, а с доктором лучше не спорить и не менять лечение по своему желанию.

Сарай, о котором шла речь, оказался просто складом, который давно не использовался для сельскохозяйственных целей, а сдавался в аренду местным жителям в качестве ангара для хранения лодок и яхт. Здесь обнаружились и крошечные лодки, и моторные катера, развивающие значительную скорость.

– Помещение немаленькое, и осмотр может занять некоторое

время, – сказал я Годфри, осматривая сарай в поисках потайных мест, где кот мог бы найти укрытие.

Здесь же я протянул Молли банку с шерстью пропавшего кота. Она шумно втянула воздух, а через мгновение выполнила стойку, за которой в другое время последовало бы угощение. Но сейчас ни малейших признаков кота не обнаружилось, к моему крайнему изумлению. Мы с Годфри обыскали все углы и щели этой постройки – без всякого результата. Там не было ни одного из обычных признаков кошачьего присутствия – запаха мочи, следов пойманных грызунов, подобия кошачьей постели. Ничего. Я даже заставил Молли вновь проверить, не ошиблась ли она, но она только вновь сделала еще более уверенно свою победную стойку и снова ожидала угощения.

– Это загадка, – в изумлении сказал я, пока Молли с благодарностью поглощала собачий пудинг.

Я никак не мог понять, почему Молли, почуяв запах, выполнила команду, которая означала, что она нашла то, о чем ее просили, команду, которой я научил ее на наших тренировках. Вдруг Молли подтолкнула носом маленький клочок синей ткани – он был прикреплен к ручке сарая – и снова сделала свою стойку. Такими темпами она получит всю дневную норму угощения. Я осторожно ослабил поводок и стал разглядывать найденный Молли кусочек ткани.

– Какого черта *это* беспокоит Молли? – я был озадачен.

– А, – сказал Годфри, слегка покраснев, – может быть, нужно было сказать об этом раньше.

– О чем вы мне не рассказали, Годфри? – я резко повернулся к нему.

– Ну, хм, я положил туда *это*.

– Это *вы* положили? О чем вы говорите?

– Ну, после того как я поговорил с фермером сегодня утром, я пришел к вам. До этого я долго думал и решил, что, может, будет хорошей идеей разрезать одну из футболок Эдварда и положить кусочки ткани вокруг фермерских амбаров и конюшен. Сапфир может тогда узнать запах хозяина и выйти из укрытия.

Мое ошеломленное выражение лица говорило само за себя.

– А сколько штук вы так положили, Годфри?

– Ну, около 30. Неужели я все испортил?

– Ну, по правде говоря, да.

Годфри и в голову не приходило, что его идея не дала Молли найти Сапфира, зато привела к этим тряпочкам с его запахом, и это говорило, конечно, в пользу Молли и ее способности обнаружить конкретный запах среди многих других, но не помогло делу. Это можно сравнить со способностью человека,

идущего на ароматный запах с кухни, уловить, стоит на плите запеканка или яичница с беконом, красным луком и чесноком. Собака могла учуять оттенки каждого запаха в отдельности. Самые чувствительные собачьи носы (как у Молли) могли бы на такой кухне уловить даже запах металла, из которого сделана кастрюля. Неправдоподобно, но правда.

У Годфри были хорошие намерения, но он ужасно заблуждался, в результате мы потеряли драгоценное время. Тем не менее я и собака должны были сохранять оптимистичный настрой во время поисков, поэтому я просто вежливо попросил Годфри собрать и выбросить все части этой футболки, чтобы мы могли начать все заново с чистого листа. К этому времени я уже был почти уверен, что здесь Молли не удастся найти что-либо важное. Однако мне нужно было наверняка убедиться, что это так. И Молли целый час обыскивала постройки, подтверждая, что Сапфира в этом районе нет.

Эдвард присоединился к нам после обеда и сказал немало резких слов отцу, когда узнал о его инициативе. Но он был не такой властный, как Годфри, и вскоре мы все продолжили работу. Остаток дня мы провели, прочесывая причалы. Несмотря на все ее усилия, Молли, к сожалению, ничего не обнаружила, и большая часть ее угощений осталась у меня в кармане.

Мы завершили этот довольно неприятный день визитом в соседний универсальный магазин и пекарню, где нашли множество сладостей: эклеров и пирожных. Магазин принадлежал приятной пожилой чете. По опыту я знал, что неплохо наладить добрые отношения с местными – это самый простой способ распространить и получить информацию. И на этот раз я не изменил своей тактике.

– О, я помню, как видел эту собаку по телевизору с этим милым парнем! – ворковала жена, когда я знакомил ее с Молли, в то время как муж радостно вытащил старенький Kodak и начал снимать нас.

– Да, не так уж часто у нас в городе и магазине бывают знаменитости, – ухмыльнулся он. – Скажите «сыыыр».

Они внимательно выслушали историю Сапфира и его побега с плавучего дома. Владельцы магазина любезно пообещали предупредить всех своих клиентов и взяли пачку листовок. И когда мы помахали им на прощание, они сказали нам, чтобы мы еще заглянули к ним на стакан лимонада и свежие лепешки.

– До скорой встречи, Молли, и удачи в поисках Сапфира, – сказал мужчина, махнув рукой из-за прилавка.

– Неужели люди *всегда* вот так сразу влюбляются в вашу собаку? – спросил Эдвард смеясь.

– Как правило, да, – я улыбнулся и объяснил, что Молли повсюду завоевывала сердца новых знакомых, поражая их своим талантом и кротким нравом. Часто именно она объединяла во время наших поисков совершенно чужих людей, которые с удовольствием начинали помогать нам. – Люди любят, когда все заканчивается хорошо, Эдвард, – сказал я, – и я тоже. Надеюсь, так будет и с Сапфиром.

Когда мы вышли из магазина, я заметил, что солнце уже зашло и воздух становился прохладнее. Молли была в этому рада – она уже устала, ее клонило в сон. День у нее был нелегкий, хотя и неудачный, и пора было ехать домой. Я планировал вернуться в Беркшир на следующее утро, однако что-то не давало мне покоя, я все время возвращался к картине, которая так и стояла у меня перед глазами: грязный маленький кот карабкается вверх по берегу реки, измученный утомительной переправой. Чутье подсказывало мне, что Сапфир где-то неподалеку и все еще жив, и я был полон решимости помочь ему вернуться домой.

– Как я уже говорил, Молли, кошки умеют плавать, – пробормотал я в ответ на ее тихое посапывание с заднего сиденья машины.

* * *

Второй день для нас с Молли начался с визитов в дома жителей Хёрли и поиски по проселочным дорогам. Мы с Молли были одни, Годфри и Эдвард остались на берегу. Я предложил им остаться, потому что продолжать поиски в их компании было слишком утомительно: вчера Годфри то и дело пытался давать Молли команды, на что она отвечала взглядом: «Я пытаюсь работать, прекратите мешать».

– Позвоните мне, если появятся новые зацепки, и я тут же приеду, – сказал я.

– Разумеется, – ответил Эдвард, – мы будем держать вас в курсе.

Я снова дал Молли вдохнуть запах Сапфира, вновь начались звонки в чужие дома, и так мы пообщались еще с полудюжиной человек. Но Молли не учуяла никаких следов Сапфира. Так мы дошли до углового дома в конце переулка. Там нам открыла дама лет 50 в платье в цветочек в стиле Лоры Эшли[19] и мягкой соломенной шляпке с шелковой лентой от солнца. Она решила, что мы шутим («Детектив, разыскивающий домашних животных?»), но в конце концов позволила осмотреть большой сад позади дома, полный цветов, ярких, как рисунок на ее платье.

Я отпустил Молли с поводка и дал ей побродить. Безукоризненно чистый газон был разделен гравийными дорожками на четыре квадрата, в центре были невысокие розовые

кусты и двухуровневый фонтан. Фонтан был украшен фигурками змей и ящериц, а вода извергалась из головы горгульи, завершавшей весь этот неуместный среди благоухающих роз аляповатый ансамбль.

Однако у Молли, должно быть, разыгралась жажда, потому что она начала кружить вокруг фонтана. Прежде чем я успел отозвать ее, поскольку не был уверен в качестве воды, Молли уже встала лапами на фонтан и сделала глоток из пасти горгульи. В этот момент чаша в основании фонтана пошатнулась, и, прежде чем я крикнул: «Молли, прочь!» – и бросился к ней, фонтан опрокинулся назад, ударился о парапет внизу и раскололся на две части. Окаменевшая на мгновение Молли резко развернулась и метнулась на другую сторону лужайки. Хозяйка, без сомнения, услышавшая всю эту возню, выскочила из дома, а ее платье развевалось на ветру.

«Лучше не придумаешь», – подумал я, и сердце мое упало.

– Боже мой, вы разбили мой фонтан! – воскликнула она, поглядев сначала на разбитую горгулью и орнамент, а потом на меня.

– Честно говоря, на самом деле это был не я, – ответил я и с сожалением пожал плечами, – это была моя собака. Поверьте, совершенно случайно. Она хотела просто попить, и… ну, в общем, все это опрокинулось.

Женщина уставилась на меня с недоверием, ясно читавшемся на ее лице, а потом перевела взгляд на Молли, которая теперь сидела прямо, вся чопорная и солидная, сама невинность. Моя собака, как говорится, изящно подставила меня под удар.

– Послушайте, мне очень жаль, что так вышло с вашим фонтаном, – сказал я, – пожалуйста, скажите мне, сколько это будет стоить, и я заплачу.

Дама еще раз взглянула на хорошенького кокер-спаниеля, помолчала, задумавшись, а затем улыбнулась.

– Нет, в этом нет никакой необходимости. Это был, как вы говорите, несчастный случай. Всякое бывает.

– Что ж… это очень благородно с вашей стороны. Спасибо.

– Честно говоря, – продолжала она, – я ненавижу этот проклятый фонтан. Это был свадебный подарок от моей свекрови, а она вылитая горгулья, если честно. Я мечтала избавиться от фонтана с тех пор, как развелась. Так что вы оказали мне услугу. Мой садовник придет позже и все здесь уберет.

– Но только если вы уверены…

– Абсолютно. А теперь подождите немного, я схожу и принесу вашей чудесной собаке немного нормальной воды.

Когда она медленно направилась к дому, Молли бочком

подошла ко мне и положила лапу на мой ботинок.

– Ладно, для одного утра приключений вполне достаточно, юная леди, – сказал я, когда ее большие карие глаза уставились на меня. Именно такие моменты напоминали мне, что, несмотря на весь этот профессиональный лоск, моя собака может быть такой же дерзкой и озорной, как и любая дворняжка.

* * *

Мы остановились в симпатичном старинном деревенском пабе пообедать и, воспользовавшись теплым солнечным днем, сели на веранде с видом на Темзу. Пока Молли поглощала свой собачий энергетический батончик, я обедал и смотрел, как медленно проплывают баржи, заставляя гладь реки волноваться теми небольшими волнами, какие так любят яхтсмены. Я заметил несколько барж, причаливающих к трейлерной стоянке в полумиле отсюда ниже по течению.

– Ешь, Молли, – сказал я, разглядывая ряды домов и то, как солнечный свет отражался от их металлических крыш. – Я думаю, эта стоянка будет нашей следующей целью.

К счастью для нас, так как это было в разгар лета, большинство трейлеров были заняты. Некоторые из них были для кого-то постоянным домом, но в большинстве из них жили туристы. Хотя до сих пор мы ничего не нашли, поведение Молли подсказывало мне, что Сапфира надо искать где-то поблизости.

Пока мы шли к трейлерной стоянке, я старался показать фото Сапфира как можно большему количеству отдыхающих. Конечно же, я спрашивал их, не видели ли они этого серого кота.

– О, какой красивый, но нет, я ничего не видела, – сказала дама в бикини, загорающая на солнце.

Возле нее лежала стопка глянцевых журналов, в одной руке она держала сигарету, в другой – стакан, и, судя по ее глазам и улыбке, в стакане была отнюдь не вода. У нее и ее мужа появилась возможность рано уйти на пенсию, и на все свои сбережения они купили дом на колесах, рассказала она.

– Мы все время на улице, либо пьем джин, либо загораем, так что я почти уверена, что увидела бы кошку.

– Если бы вы могли посматривать вокруг периодически, это было бы здорово, – сказал я, хотя сомневался, что она сможет сосредоточиться на чем-нибудь, после того как уже опустошила свою бутылку «Hendrick’s».

– Почему бы вам не остаться ненадолго и не выпить с нами? – пробормотала она невнятно, похлопывая меня по плечу. – Здесь достаточно места для двоих…

– Спасибо, не надо, – я улыбнулся, – мне пора, но было очень приятно с вами познакомиться.

Я дал Молли знак уходить и был очень рад, когда мы пошли к другим трейлерам, подальше от любительницы джина.

Моя следующая встреча была с семьей из четырех человек, которые собирались отправиться вниз по реке на байдарках. Девочка и мальчик тотчас бросились к Молли, а она всегда притягивала детей, словно магнит. Я поинтересовался насчет Сапфира.

– Нет, извините, боюсь, что я не видел здесь ни одного кота, – сказал отец семейства и покачал головой.

Я протянул ему листовку и свою визитку и попросил его связаться со мной или с Эдвардом, если они случайно заметят похожего кота.

– И знаете что, – сказал я детям, которые играли с Молли, – если кто-то из вас найдет Сапфира, Молли принесет вам самый большой пакет сладостей, какой вы только можете себе представить. Договорились?

– Договорились! – завопил мальчик.

– Договорились! – хихикнула его младшая сестра. – Мы можем пойти и поискать его?

Пока семья шла своей веселой дорогой, мой мобильный зазвонил. Это был Эдвард.

– Колин, вам нужно срочно приехать на пристань, – сказал он задыхаясь, – мы нашли кое-кого, он, возможно, видел Сапфира.

* * *

Не прошло и 20 минут как мы с Молли уже сидели на скамейке для пикника с Эдвардом, Годфри и джентльменом по имени Джек. С последним был большой черный лабрадор Соломон. Лохматый, с густой черной шерстью, которая представляла собой нечто среднее между бородой Паваротти и гигантским стогом сена. Его хозяин нам рассказал, что уже более 20 лет работает в «Riverbank man» и знает каждый дюйм берега реки вплоть до границы с Хэнли. Он собирал арендную плату за лодки и баржи, а потому начинал свой день рано утром, пока нерадивые арендаторы не успели улизнуть, не заплатив.

– Вы не представляете, как часто это случается, – посетовал он, – и часто это делают те, кто может себе позволить заплатить, а ведь я прошу у них не миллион, а лишь пару фунтов.

– Ужасно, – сказал Годфри.

Эдвард слегка покраснел, услышав это, и я подумал, не пытались ли они с Лили улизнуть, когда в то роковое утро на берегу реки появился человек.

– Ладно, Джек, – сказал я, стремясь перейти к делу, – расскажите мне все, что вам известно.

– Короче говоря, это было сегодня утром, должно быть, около

6-ти, я шел по буксирной дорожке примерно с милю вверх по реке, как вдруг Соломон начал натягивать поводок, – при упоминании его имени лабрадор зарычал, отчего Молли слегка замешкалась. – Затем он потащил меня прочь от тропинки вглубь леса, где высокая трава, и, когда мы подошли к старому поваленному дубу, я увидел кота, – сказал Джек. – Он просто сидел и смотрел на нас. Он даже начал лизать свои лапы, не отводя глаза от Соломона.

Услышав свое имя снова, лабрадор начал тихонько рычать, а Молли посмотрела на него так, словно хотела сказать: «Ладно тебе, дружище, хватит уже…»

– А как бы вы описали этого кота, Джек?

– Темно-серая шерсть, ярко-зеленые глаза, худощавый.

– А других похожих котов поблизости нет?

– Нет. Я знаю всех домашних котов в этом районе. Я ведь здесь живу многие годы и гуляю по одному и тому же маршруту каждый день. Никогда раньше его не видел.

Я показал ему еще одну фотографию Сапфира (я всегда так делаю, лучше иметь несколько лишних фотографий пропавшего животного, чтобы показания свидетеля были более надежными). Он достал из кармана очки, вытащил их из чехла и внимательно изучил фотографию Сапфира.

– Да, я почти уверен, что это тот самый кот, которого я видел.

Эдвард резко втянул в себя воздух.

– Вы думаете, это Сапфир? – взволнованно спросил он. – Вы думаете, он еще жив?

– Конечно, это обнадеживающая новость, – ответил я, – но есть и другие варианты. Постараемся узнать наверняка.

Я отстегнул от своего пояса банку из-под варенья с запахом Сапфира и присел на корточки рядом с Молли.

– Нам очень нужна твоя помощь, дорогая, – прошептал я с любовью, – просто сделай все, что в твоих силах.

Я попросил Джека отвезти Соломона домой (я боялся, что присутствие другой собаки отвлекло бы Молли), но уже через несколько минут он вернулся, чтобы вести нас дальше по буксирной тропе. Когда мы подошли к упавшему дереву, я дал Молли образец запаха. К счастью, дождя не было уже несколько дней, так что я надеялся, что запах останется достаточно сильным, чтобы она могла его обнаружить.

В воздухе повисло томительное ожидание. Трое мужчин с волнением наблюдали за умным маленьким спаниелем, а Молли засунула нос поглубже в банку, часто-часто виляя хвостом.

Отвечая на мою обычную команду «искать», Молли помчалась в траву, высоко подпрыгивая и присаживаясь, чтобы уловить

движения речного бриза. Затем внезапно она остановилась возле лежащего дуба и сделала стойку. Она подняла на меня свои карие глаза, словно говоря: «Я нашла».

– Боже мой, *именно там я* и увидел кошку, – выдохнул Джек.

– Ну, вот и все, – я улыбнулся растерянному Эдварду, – Молли сигнализирует о том, что Сапфир определенно был здесь сегодня утром. Она пытается нам рассказать, что он все еще жив и здоров и явно добрался до берега реки. При этих словах Эдвард радостно вскрикнул и бросился обнимать отца, который с прохладцей принял эти проявления нежности.

– Это великолепная новость! – воскликнул он. – Я должен позвонить Лили.

Эдвард передал хорошие новости своей подруге и направился к реке, а я дал Молли вволю побегать на поляне. В это время Годфри подошел ближе и стал смотреть, как Молли подпрыгивает в воздухе, пытаясь поймать насекомых, которых спугнула своим появлением. Он казался притихшим и задумчивым.

– Все в порядке, Годфри? Вы совсем притихли.

– Честно говоря, я просто не знаю, что сказать, – ответил он с улыбкой, но его голос слегка дрожал, – я видел много удивительного в жизни, мистер Бутчер, но ничего похожего не встречал. Ваша собака действительно феноменальна.

Что ж, впервые стать свидетелем уникальных талантов Молли – это действительно могло впечатлить даже таких скептиков, как Годфри.

– Спасибо, – сказал я, а Молли отскочила назад, ее морда и лапы намокли за время поисков в высокой траве, – она правда особенная.

Мы снова собрались на скамейке для пикника у реки, а измученная Молли провалилась в глубокий сон и лишь изредка всхрапывала. Я объяснил Эдварду и Годфри, что она может работать лишь ограниченное время, а потому нам скоро придется вернуться домой в Сассекс. Их лица вытянулись от удивления и огорчения еще и потому, что именно сейчас они больше всего хотели продолжать поиски, так как поверили, что Сапфир жив. Но эпизод со змеей научил меня осторожности, и я больше не хотел рисковать самочувствием Молли.

Конечно, я не мог уйти просто так, хотя бы не озвучив своих предположений насчет пропажи Сапфира. Дело уже было похоже на запутанную историю в духе Агаты Кристи, но благодаря Молли мы понимали, что он жив. Но как он добрался до суши? Как нашел себе безопасное место? И главное, как теперь его искать?

– Я думаю, что он действительно упал за борт сразу после вашего отплытия со стоянки и, скорее всего, направился к берегу,

обратно к причалу, – сказал я Эдварду.

– И что же тогда?

– Я подозреваю, что он просто начал передвигаться хаотично, возможно, выбирая освещенные участки.

– Например, буксирную дорожку?

– Да, именно так. Я думаю, что Сапфира бы это привлекло. Ему скорее захочется пойти на огоньки лодок, чем в темноту леса. Потерявшиеся кошки всегда стараются попасться на глаза человеку. Они умеют находить тех, кто любит животных и сможет помочь.

Я развернул карту окрестностей, чтобы отметить возможные маршруты, в районе которых может быть замечен Сапфир, и подвинул ее через стол к Эдварду.

– Не сдавайтесь, – сказал я, – я уверен, что вы найдете его, и очень скоро. Дайте мне знать, если будет что-то важное, а завтра утром мы снова увидимся.

– Хорошо, – кивнул Эдвард и улыбнулся, – и спасибо.

* * *

Около полуночи, когда я читал «Сельскую жизнь», лежа в постели, а Сара уже крепко спала рядом, стоящий на тумбочке телефон вдруг зазвонил. Это был Эдвард.

– Я знаю, что уже поздно, и прошу прощения, если разбудил вас, но я хотел, чтобы вы это услышали.

– Что услышал? – озадаченно спросил я.

– Это Сапфир. Он мурлычет. Он сидит у меня на коленях и довольно мурлычет.

– Вы нашли его?! – закричал я так, что бедняжка Сара подскочила в постели.

– Что случилось?! – спросила она, потирая глаза.

– Сапфир нашелся, – прошептал я, как только успокоился.

Моя подруга только что-то пробормотала о том, как взрослый мужчина сходит с ума из-за пропавшей кошки, и перевернулась на другой бок.

– Да. Мы нашли его, – продолжал Эдвард, – разве это так невероятно?

Оказалось, что незадолго до этого вечером ему позвонил мужчина, чей трейлер стоял в зоне отдыха. Его юная дочь услышала чье-то мяуканье, когда ложилась спать. Тогда отдыхающий обыскал трейлер сверху донизу, включая все шкафы и выдвижные ящики, но так ничего и не нашел. И только когда он вышел на улицу, вооруженный фонарем, он заметил симпатичную темно-серую кошку, прячущуюся под фургоном. Конечно же, это был сбежавший кот с той листовки, что дал ему детектив с собакой, подумал он и сразу же набрал номер владельца.

– Через час я уже стоял возле фургона и разговаривал с ним. Сапфир у меня, – сказал Эдвард дрожащим от волнения голосом, – голодный и блохастый, но живой и бодрый.

– Это замечательная новость, – ответил я, – я так рад за вас.

– Мне просто необходимо было позвонить вам. Я не мог уехать, не поблагодарив вас за помощь и за вашу потрясающую собаку. Именно Молли дала нам надежду и силы продолжать верить, и мы никогда, никогда этого не забудем.

– Спасибо, Эдвард, – сказал я, – и вы правы, Молли замечательная собака. Мне не терпится сообщить ей радостную новость.

– И последнее, – добавил мой клиент, – девчушка, дочка хозяина трейлера, спросила меня, когда она получит свой самый большой мешок сладостей.

– Ха, я и забыл об этом, – я рассмеялся. – Я разберусь с этим, не волнуйтесь.

Закончив разговор, я погасил свет у кровати, откинул голову на подушку и радостно улыбнулся. Хотя я был немного разочарован тем, что Молли не сделала настоящей находки, счастливый голос Эдварда был достаточной компенсацией.

Мои мысли переключились на моего маленького спаниеля, свернувшегося калачиком в своей лежанке внизу, и я подумал, интересно, знала ли моя маленькая героиня о ее необыкновенной способности помогать воссоединению людей и их питомцев. «Мне так повезло, что она у меня есть», – подумал я, прежде чем провалиться в сон.

Кошмар в Ноттинг-Хилле

За годы моей работы нередко случалось так, что мои клиенты становились моими друзьями. Один из примеров тому – Рену, хозяйка Баффи. Я часто бывал у них и после удачного завершения дела, мы проводили вместе время и чудесно общались. Я приехал к ним в Уилсден снова примерно через месяц после возвращения собаки домой и помню, едва узнал Баффи, увидев летящий мне под ноги белый пушистый шарик, который радостно тявкал и хватал меня за брюки.

– Так вот какая ты, Баффи, – прошептал я, осторожно приподнимая ее, чтобы получше рассмотреть, а Рену стояла рядом и сияла от счастья.

Кроме того, что собачка была воплощением здоровья, ей пошли на пользу тренировки с кинологом Анной, моей подругой, которую я порекомендовал Рену. Баффи такие занятия были необходимы, потому что после пережитого стресса у нее возникли некоторые поведенческие проблемы. И когда Рену рассказала мне об этом, конечно, я с радостью связал ее с лучшим специалистом по дрессировке собак в городе.

– Колин, ты же понимаешь, что я у тебя в вечном долгу, – сказала Рену, когда помолодевшая и счастливая Баффи резвилась в гостиной, словно ягненок. – Если я когда-нибудь услышу, что кому-то нужен детектив, который помогает искать домашних животных, ты будешь первым, кого я порекомендую.

– Это очень мило с твоей стороны, – ответил я, – большое спасибо.

Рену сдержала обещание, потому что через несколько недель со мной связалась Трин, датчанка, чей 5-месячный щенок тоже породы котон-де-тулеар по имени Ньютон, белый с коричневыми пятнышками, пропал. Это случилось неподалеку от ее дома в западном Лондоне. Увидев отчаянный пост Трин на Facebook, Рену написала ей, чтобы поддержать и посоветовать, что еще можно сделать.

«Если вы решите нанять детектива, я очень рекомендую вам Колина Бутчера, – написала она, – без него мы ни за что не смогли бы вернуть нашу любимую Баффи».

Последовав ее совету, Трин позвонила мне и рассказала, конечно, очень эмоционально, обо всех событиях, связанных с исчезновением Ньютона. Она и ее муж Марк со своими двумя детьми были на свадьбе в Дании, когда им позвонили из Лондона и сообщили, что Ньютон пропал. За ним присматривала подруга Трин Энни. В тот день она взяла его с собой в Холланд-парк [20],

чтобы погреться на солнышке и побегать на природе. Он весело играл без поводка с другими маленькими собачками, когда вдруг откуда ни возьмись кто-то бросил резиновый мячик, вслед за которым примчалась довольно-таки агрессивная немецкая овчарка. В собачьей компании произошла потасовка, когда пес налетел на них, свирепо лая и успев куснуть мопса, который попался ему на пути. Все маленькие собачки, конечно, от испуга бросились врассыпную, и уже через несколько секунд перепуганный Ньютон пропал из виду. Среди всего этого хаоса внимание Энни инстинктивно привлекла раненая собака, и прошло около минуты, прежде чем она поняла, что Ньютон исчез. Охваченная паникой, она провела остаток дня, прочесывая Холланд-парк (почти невыполнимая задача, ведь его площадь составляет около 50 акров) и опрашивая прохожих, которые могли бы заметить Ньютона. К сожалению, ее поиски оказались бесплодными, и она вернулась в Ноттинг-Хилл вся в слезах, сжимая в руках поводок Ньютона и содрогаясь при мысли о том, что ей придется позвонить Трин и сообщить о произошедшем.

Изнемогая от беспокойства и горя, желая немедленно начать поиски Ньютона, Трин и ее семья вылетели домой из Дании на следующее же утро, на день раньше, чем планировалось. Facebook, Instagram и Twitter Трин пестрели объявлениями о пропаже Ньютона, а по возвращении в Лондон она и Марк расклеили по всему району плакаты и листовки. Если не считать нескольких выходок глупых прохожих, все соседи сообща рыскали по улицам, друзья делились постами в социальных сетях, а полицейские и парковые надзиратели оказывали, насколько могли, поддержку – но никаких конкретных сведений о Ньютоне не было, кроме нескольких отрывочных сообщений о маленькой белой собаке, которую видели бегущей со всех ног в неизвестном направлении.

После двух дней непрерывных поисков Трин поняла, что ей нужна помощь профессионала. Мало того, что поискам Ньютона уже была подчинена вся ее жизнь (что далеко не просто, когда у тебя молодая семья, о которой нужно заботиться), к тому же она была слишком взволнована и расстроена, чтобы возглавить кампанию. Ей нужен был кто-то, кто мог бы взять бразды правления в свои руки и руководить поисками, и желательно делать это в соответствии с конкретной стратегией.

– Одна женщина в своем комментарии в Facebook упомянула, что вы помогли найти ее щенка, – сказала Трин с отчаянием в голосе, – и я надеюсь, что вы сможете сделать то же самое для меня.

К сожалению, Трин вряд ли могла бы выбрать для звонка

более неудачное время. Наше агентство было завалено работой, включая странный случай с полосатой кошкой Лулу, принадлежащей милой пенсионерке по имени Барбара. Лулу упала с шестого этажа дома в Доклэндс [21] на набережной Темзы. Бедняга поскользнулась на мокрой крыше во время дождя и, казалось, растворилась в воздухе. Несмотря на то, что Молли нашла следы запаха кошки в подвале многоэтажки, никакой кошки там не было, и наши поиски продолжались. С моим плотным расписанием я сомневался, что смогу посвятить время такому сложному делу, как поиски Ньютона. У меня уже было заложено три дня в расписании этой недели для поисков кошек, кроме этого у меня было незаконченное дело о споре о собственности между бывшими супругами, каждый из которых хотел получить право опеки над их общей собакой (бывший муж был зарегистрированным владельцем, но бывшая жена владела имуществом и отказывалась сообщить местонахождение собаки). Вдобавок ко всему собачья благотворительная организация попросила меня проверить одного из их волонтеров, который якобы украл приютскую собаку. Все эти дела были непростыми и требовали всего моего времени и внимания.

Я объяснил свое затруднительное положение Трин и почувствовал ее громадное разочарование.

– О, это так неудачно, – сказала она почти шепотом, – честно говоря, я надеялась на вашу помощь, а наши дети мечтали познакомиться с Молли…

– Давайте так, – сказал я, чувствуя, что не могу отказать, – завтра я буду в Лондоне, мы снова ищем кошку Лулу, так что давайте я забегу к вам, и поговорим, во всяком случае, постараюсь дать вам какой-нибудь совет.

Встретившись на другой день с этой милейшей леди и ее семьей (а также ужасно огорченной Энни) и увидев, как они переживают, уже через час я перезвонил и сообщил, что возьмусь за это дело.

– Ты слишком податлив, Колин, – смеясь, сказала Сэм, когда я позвонил в офис и попросил ее записать новое дело под названием «Ньютон» в наш план.

* * *

Так как у нас почти не было свидетелей, которые видели бы Ньютона (а также из-за того, что воспоминания Энни были слишком отрывочными), у меня почти не было зацепок, но было слишком много вопросов. Может быть, сбежавший щенок стал жертвой похитителей, как Баффи? Или его поймали и где-то заперли? Может быть, его кто-то подобрал, чтобы вернуть владельцам? Или, что гораздо более опасно, он серьезно

пострадал на переполненных улицах западного Лондона? В таких вот условиях неизвестности мы с моей гениальной собакой начали наши поиски.

– Мы направляемся прямо в Холланд-парк. Самое время выяснить, что именно случилось с Ньютоном, – сказал я Сэм, устроившейся на пассажирском сиденье, и Молли, с нетерпением вертящейся в ее переноске, и решительно вырулил с подъездной дорожки фермы Брамбл-Хилл.

Я очень хорошо знал Кенсингтон и Челси – некоторое время я жил в западном Лондоне, когда работал частным детективом, так что мне были хорошо знакомы местные улицы, здания и парки. Пышный Холланд-парк, где я часто гулял по выходным, состоял из трех отдельных зон: тихой лесной на севере, пышных садов в центре и оперного театра и площадок для отдыха людей и собак на юге, откуда и сбежал Ньютон. Наша задача состояла в том, чтобы точно определить маршрут, по которому могла убежать собака, исходя из информации, которую мы получили от Энни. Мы сузили круг поисков до нескольких возможных вариантов, прежде чем опросить прохожих в надежде, что они могли быть свидетелями исчезновения Ньютона. Мы поговорили с пожилой парой, которая вспомнила, что в тот день действительно видела взволнованную женщину, рыдающую о потерянном щенке (это, конечно, была Энни), но они не видели щенка, к сожалению.

– Она была так расстроена, что мы сначала даже не поняли, о чем она говорит, – сказал муж, – но в конце концов выяснили, что она потеряла собаку своей подруги.

– Я попыталась ее успокоить, как могла, – вспоминала его жена.

Примерно через час, как раз когда Молли уже показывала свое желание порезвиться на лужайках парка, мы нашли ценного свидетеля. Это была профессиональная выгульщица собак – догситтер, – рыжеволосая ирландка лет 30. Она, прищурившись, посмотрела на фотографию Ньютона и энергично закивала головой.

– Да, я почти уверена, что видела, как этот пес мчался в сторону Филлимор-гарденс, – сказала она. Он бежал во весь опор и выглядел чертовски напуганным. У одного из моих клиентов есть котон-де-тулеар, и я помню, что подумала, как они похожи.

– Вы уверены, что это та же самая собака? – спросил я, снова показывая ей фотографию.

– На 99,9 %, – ответила она, – это точно он.

– Большое вам спасибо за помощь, – сказала Сэм, пока я отмечал на карте нашу первую возможную цель.

Я решил про себя, что нужно разместить на этой улице

объявления с фотографией Ньютона. После быстро выпитой и совершенно необходимой ввиду раннего подъема чашки эспрессо в кафе «Холланд-парк» мы пришли в зону отдыха, чтобы Молли чуть-чуть поиграла со своим мячиком. Однако, когда мы свернули на другую дорожку, Молли резко остановилась и осторожно зарычала. На тропинке, обмахиваясь великолепными перьями, стоял огромный павлин. Я совершенно забыл, что парк был полон экзотических птиц; с годами они стали чем-то вроде туристической достопримечательности. Сбитая с толку Молли не знала, как реагировать.

«Стоит ли мне отойти или броситься в погоню?» – по-видимому, спрашивала она себя. А потому и она, и павлин оба стояли друг напротив друга, как бы оценивая возможности противника. Так как кокер-спаниель – порода охотничья, погоня за дикими птицами была глубоко укоренившейся в характере и инстинктивной, хотя это красочное существо, прихорашивающееся, как актриса на сцене, не походило ни на что из того, что Молли видела раньше. Проходившие мимо студенты-художники, державшие в руках папки и альбомы для рисования, остановились, чтобы посмотреть на это забавное зрелище.

– Вот было бы здорово запечатлеть эту встречу, – заметил один из них.

– «Спаниель и павлин» было бы отличным названием, – ответил другой.

Возможно, Молли почувствовала присутствие зрителей, а потому сделала небольшой шаг вперед и снова тихо зарычала. Павлин убрал перья, презрительно отвернулся и с важным видом зашагал в сторону японских садов. Студенты пошли своей дорогой, оставив Молли нюхать голубовато-зеленое перо, которое оставил павлин.

– Еще один аромат в твою коллекцию, Молли, – рассмеялся я и потрепал ее по шее, – не думаю, что нам придется часто искать пропавших павлинов.

Лулу, пропавшая в Доклэндс кошка, все еще не была найдена, и после того, как мы закончили предварительное расследование в Холланд-парке, мы отправились в Доклэндс, чтобы встретиться с Барбарой, хозяйкой Лулу. Мы пришли к ней, вооружившись пачкой свежеотпечатанных листовок о пропавшей кошке, и посоветовали расклеить их во всех офисных зданиях и домах в этом районе. Барбара все больше беспокоилась, что ее кошка свалилась в реку и утонула, но я постарался заверить ее, что верю в то, что Лулу жива и здорова, основываясь на том факте, что Молли почуяла в подвале запах живой кошки.

– Лулу, без сомнения, упала, и, судя по поведению Молли,

она должна быть на одной из подземных парковок, – предположил я. – Почему бы вам не поговорить с охранниками и не выяснить, запомнилось ли им что-нибудь необычное в день ее исчезновения.

– Да, я так и сделаю, – ответила Барбара.

– Наберитесь мужества и доверьтесь чутью Молли, – улыбнулся я, а Сэм ободряюще обняла нашу клиентку.

* * *

Следующие два дня Молли и я провели в Кенсингтоне, наводя справки о Ньютоне у хозяев домов, работников и владельцев местных магазинов и кафе. Везде, где мы бывали – от пабов до цветочных магазинов, от кафе до музеев, – нас встречали доброжелательно. Люди были так любезны и так неравнодушны (что не всегда встретишь в шумном центре Лондона), что были готовы активно помогать нашему расследованию. Образовалась целая поисковая команда, и все надеялись на благополучное возвращение этого милого маленького котон-де-тулеара.

Мы потратили много времени, обыскивая многочисленные закоулки и немноголюдные переулки, где Молли обнюхивала все потенциальные укрытия. Подобно многим служебным кокер-спаниелям, особенно тем, которые обучались как собаки-ищейки, ловкость и атлетизм Молли позволяли ей исследовать самые труднодоступные места, и она всегда реагировала, если неожиданно сталкивалась с каким-нибудь животным.

В наших поисках наметился ощутимый прогресс, когда администрация боро Кенсингтон и Челси любезно согласилась проверить камеры видеонаблюдения, закрепленные на внешней стороне здания на Кенсингтон-хай-стрит, то же самое проделали и сотрудники службы безопасности в Музее дизайна, который стоял перед входом в парк.

К сожалению, большие надежды разбились о реальность, которая показала, что никаких кадров, где был бы виден убегающий Ньютон, нет на этих записях. Однако это разочарование было компенсировано множеством сведений, которые мы добыли за эти два дня. Два свидетеля сообщили, что видели белоснежную пушистую собаку, пробегающую мимо ресторанов дальше по Филлимор-гарденс, а другая пара утверждала, что заметила маленькую белую собачку на переходе возле Кенсингтон-хай-стрит. В последнем сообщении говорилось о том, что щенок, по описанию похожий на Ньютона, бежал по Пемброк-роуд, а затем петлял между машин на Эрлс-корт-роуд. Мы наметили маршрут, по которому бежал Ньютон, и были поражены, обнаружив, что он все еще мчался во весь опор даже в миле от парка.

Мы вернулись к Трин в Ноттинг-Хилл, чтобы рассказать ей обо всем, что нам удалось узнать, и она была одновременно воодушевлена и напугана нашими новостями. С одной стороны, она была счастлива, что Ньютона кто-то видел и что он жив, с другой, была в ужасе от скорости его передвижения.

– Он такой робкий и осторожный, и он всегда боялся машин, – плакала она, – будет чудом, если он останется жив в большом городе. Но как же мы его найдем?

– Он веселый и трогательный малыш, – сказала Сэм, изо всех сил стараясь успокоить нашу измученную клиентку, – но вы бы удивились, узнав, сколь удачливы бывают некоторые собаки.

– Поверьте мне, она права, – сказал я. – Посмотрите на эту малышку, – и я указал на Молли, – ее укусила гадюка, и она выжила.

Я попытался объяснить Трин, что, судя по сведениям, которые нам удалось собрать, Ньютона никто не похищал, скорее всего, он просто потерялся, потому что из тех свидетелей, которых нам удалось опросить, никто не видел, чтобы Ньютона кто-то схватил или увез на машине. И поэтому мне казалось маловероятным, что его украли.

– Нам просто нужно обратить внимание на то место, где его в последний раз видели, и поговорить с как можно бóльшим количеством людей.

Прежде чем мы двинулись дальше, Трин сообщила нам, что поиски Ньютона приобрели удивительную популярность благодаря участию местной знаменитости. Актриса, телеведущая и эксперт по поиску талантов Аманда Холден, известная собачница, ретвитнула объявление о Ньютоне в своем аккаунте и лично попросила жителей западного Лондона не оставаться равнодушными. Так историю Ньютона узнали и 1,9 миллионов ее подписчиков. После такой огромной волны поддержки было ужасно грустно сознавать, что уже две недели наше регулярное патрулирование Кенсингтона ничего не дает, и, хотя местные жители действительно хотели нам помочь, новых сведений мы так и не получили.

– Не останавливайся, Молли, – сказал я своей прилежной компаньонке, когда она выбежала из очередного глухого переулка, где не было и следа Ньютона. – Ты прекрасно справляешься, дорогая.

Проработав в сыске больше трех десятилетий, я хорошо привык к смене удачных и неудачных периодов в расследовании, будь то убийство в Кройдоне, пропажа кошки в Сент-Олбансе или исчезновение собаки в Кенсингтоне. Это было нормально, часто сначала вы оказываетесь воодушевлены большим количеством

улик и свидетельств, но после вас ждет период застоя, когда все, чего бы вам хотелось – это хоть какое-то движение вперед. Когда поиски Ньютона, казалось, совсем застопорились, я понял, что должен ободрить мою приунывшую клиентку.

– Трин, я знаю, что это мучительно для вас, – сказал я однажды, когда у нее навернулись слезы, – но вы не должны терять надежды. Ньютон крепкий и здоровый песик, и есть все шансы, что он еще жив.

Она перестала плакать и стала искать платок, чтобы промокнуть глаза.

– Может быть, кто-то нашел его и решил оставить себе, – сказала она, показывая мне объявление, которое нашла на сайте по продаже щенков с изображением белой собаки из Лутона, которая внешне была очень похожа на Ньютона. – Я все думаю, может ли это быть он, Колин.

– Может быть, он и похож на Ньютона, но посмотрите на дату в верхней части объявления, – сказал я, – объявление повесили за два дня до его исчезновения.

– Вы правы, – ответила она, опустив голову, – это не может быть он, правда?

Трин, как и многие владельцы в такой ситуации, хваталась за соломинку, и я знал, как ей сейчас больно.

– Честно говоря, я думаю, что он немного ближе к дому, – тихо сказал я, – я действительно в это верю.

Она подняла голову и посмотрела на меня.

– Что ж, если вы все еще верите, Колин, то и я тоже верю.

* * *

Не было ничего необычного в том, что владельцы пропавших животных впадали в отчаяние, и моя работа состояла в том, чтобы помогать им оставаться бдительными и одновременно сохранять положительный настрой. Поскольку Ньютон отсутствовал две недели, а Трин беспокоилась все сильнее, я решил, что пришло время применить новую стратегию. Я проанализировал все возможные и наиболее оживленные направления движения транспорта в Кенсингтоне, затем, сверившись с картой, определил места, где с наибольшей долей вероятности образовываются пробки, а в пробках пассажиры, как и водители, как правило, скучают и от нечего делать смотрят по сторонам. Потом я распечатал несколько больших ламинированных ярких плакатов, на которых не было ни слова о награде, но был номер телефона Трин и большая и совершенно очаровательная фотография Ньютона.

А чуть позже мы с Сэм провели целое утро, тщательно прикрепляя эти плакаты к фонарным столбам, перилам, заборам

и мостам в надежде, что они смогут привлечь внимание водителей, застрявших в пробке. Я бы солгал, если бы сказал, что это было законно, скорее, я даже ожидал, что наши объявления будут сорваны местными властями, но я чувствовал, что наше расследование должно быть ускорено. Кроме того, этот метод часто срабатывал, когда я служил в полиции и пытался найти пропавшего человека, так что у меня были все основания думать, что это нам поможет и в случае с Ньютоном.

Информация не заставила себя долго ждать. В течение суток Трин получала звонки от людей из разных концов Лондона, и все они утверждали, что видели собаку, которая соответствовала описанию Ньютона. Я проверил все отзывы до единого, но, к сожалению, ни один из них не попал в цель. Пришло даже одно письмо от очевидца, который прислал фото белой пушистой собачки породы котон-де-тулеар, которую видел в Гайд-парке, но это все-таки был не Ньютон.

На следующий день Молли, Сэм и я снова прибыли в прохладный и ветреный Лондон, но на этот раз мы держали путь в Доклэндс по вызову хозяйки Лулу.

– Вы просили меня держать вас в курсе, – сказала Барбара, едва сдерживая волнение, – так вот, мне только что позвонила женщина со второго этажа, которая сказала, что, возможно, нашла Лулу. Я сейчас отправляюсь к ней.

– Мы сейчас приедем, – ответил я.

К тому времени, как мы приехали, сияющая Барбара уже держала на руках живую и невредимую Лулу. Она рассказала нам, как женщина, живущая в том же доме, что и Барбара, спускалась в подвал в свою кладовку в вечер исчезновения Лулу и нашла кошечку, забившуюся под шкаф. Думая, что она бездомная, она взяла ее к себе домой и заботилась о ней. Только когда на ее коврик у двери положили наше объявление с фотографией Лулу, она поняла, что ее полосатую находку ждут в квартире по соседству.

– Честно говоря, я думаю, что ей не хотелось ее отдавать, – призналась Барбара.

– И кто может ее винить? – сказала Сэм, нежно поглаживая мурлыкающую кошку. – Она такая славная.

Молли почуяла в подвале запах кошки, и это навело нас на мысль, что Лулу была там, что, конечно, и стало стимулом продолжать поиски. И хотя это не было прямым результатом с нашей стороны, наше участие помогло воссоединить очень удачливую кошку с ее теперь очень счастливым владельцем.

– И все это – результат наших общих усилий! – сказал я улыбаясь, когда мы возвращались на парковку.

Когда мы уже подъезжали к Гринвичу, нежно попрощавшись с Барбарой и Лулу, мой телефон зазвонил. Это была Трин.

– Мне только что позвонил один парень, который заметил одно из наших объявлений, – рассказала она, – он работает управляющим в велопрокате на Пемброк-роуд. По его словам, несколько дней назад он видел у себя во дворе белую персидскую кошку, но теперь, когда он увидел фотографию Ньютона, он думает, что это могла быть собака.

Это звучало очень интригующе и многообещающе именно потому, что тот велопрокат находился ближе всего к месту, где последний свидетель заметил Ньютона. Но я был осторожен, чтобы не обнадежить Трин зря. Она и так уже много раз надеялась и разочаровывалась, и вполне возможно, что это снова была ложная тревога.

– Мой навигатор говорит, что я буду на Пемброк-роуд через полчаса, Трин. Дайте мне номер этого парня, и я договорюсь с ним о встрече.

– О, это замечательно, Колин. И, пожалуйста, держите меня в курсе.

Управляющий велопрокатом, приветливый парень по имени Адам, встретил нас у главного входа. Он с интересом выслушал мой рассказ о том, что это за профессия детектив по розыску домашних животных и о том, какую роль играет Молли.

– Я просто обожаю кокер-спаниелей, – улыбнулся он, нежно похлопывая Молли по холке. – Вообще-то у меня есть спаниель, но я не уверен, что моя Белла такая же умная, как эта малышка.

Адам указал нам место, где он видел «кошку», а конкретно где, как он заметил, она подбирала еду неподалеку, и пригласил осмотреть все вокруг. Однако, прежде чем вернуться в свой кабинет, он сообщил нам, что прокат закрывается в 5 часов и что мы должны будем закончить до этого времени.

– Значит, у нас чуть больше трех часов, – сказал я Сэм, нервно поглядывая на часы и осматривая расположившиеся перед нами закоулки. – Похоже, нам понадобится каждая секунда каждой минуты.

Перед нами был огромный двор со множеством мусорных баков, ящиков и бачков. Сюда же выходила стена склада, где стояли мусоровозы и машины для переработки отходов. Тут же было много узких бетонных переулочков, соединяющих соседние краснокирпичные здания.

– Давайте не терять ни минуты и будем с умом тратить наше и без того ограниченное время, а потому – приступим, – сказал я Сэм.

Возможно, здесь и не сохранился запах Ньютона, но я

доверился охотничьему инстинкту Молли, который помогал ей находить живых существ. Ведь дома в Брамбл-Хилл она довольно легко чуяла запах кроликов, оленей и фазанов и с удовольствием гонялась за ними, когда они, в свою очередь, удирали со всех ног.

Когда я наконец отпустил Молли с поводка, она добрых 20 минут бегала по двору, подчиняясь зову своего сверхчувствительного носа, обходя мусорные баки и исследуя закоулки. Затем она начала зигзагообразно пересекать сеть переулков, ее морда ткнулась в левую кирпичную стену, а затем в правую, она попала в узкий проход, а потом внезапно заскулила и остановилась. Я подошел, и она тут же подняла на меня немигающие глаза и яростно завиляла хвостом. Я много раз видел эту самоуверенность в поведении Молли во время учебных поисков в Брамбл-Хилл.

– Молли говорит, что почуяла что-то интересное, – сказал я, жестом приглашая Сэм следовать за мной, пока подкрадывался ближе. – Ба, да ведь это собачьи какашки, – прошептал я, продвигаясь ближе, и мои ноздри задергались, – много собачьих какашек.

– Вопрос в том, – сказала Сэм, морщась от запаха, – какашки ли это Ньютона?

Я сделал несколько шагов вперед и осветил фонариком темный сырой проход. В конце на расстоянии чуть меньше пяти ярдов от меня была кирпичная стена, оплетенная переплетающимися, похожими на виноградные лозы стеблями. Однако существенным препятствием для дальнейших исследований становились толстые стальные трубы, идущие от большого кондиционера на соседнем здании. Молли следовала за мной по пятам, и мне удалось протиснуться под металлическую решетку («А я и не знала, что ты умеешь протискиваться сквозь решетки, Колин», – ухмыльнулась Сэм) и, выпрямившись, я на цыпочках подошел к задней стене.

И лишь когда Молли начала нетерпеливо теребить спутанные вьющие стебли, отгрызая их и обнажая кусочек стены, я заметил тонкую щель между кирпичной кладкой. Щель, конечно, была достаточно велика, чтобы в нее мог попасть щенок шириной в две раскрытые ладони, но внутри не было заметно никакого движения. Я подобрал несколько веток и сунул их в эту щель, просто чтобы проверить, нет ли там признаков жизни. И вот тогда я услышал низкий мрачный рык. Сначала я решил, что это Молли.

– Вас что-то беспокоит, мисс? – спросил было я, но когда снова услышал шум и слабую возню, то понял, что звук идет из щели в кирпичной кладке.

Посветив фонариком из стороны в сторону и сверху вниз, я увидел пару крошечных сверкающих глаз, а под ними мерцающее белое пятно. Животное дрожало от страха и держалось на расстоянии, но было совершенно очевидно, что мы нашли того, кого искали. Это был маленький белый песик с темным пятнышком, потерянный и одинокий. Я медленно потянулся к телефону в кармане джинсов и сразу же позвонил Трин.

* * *

Пока моя взволнованная клиентка с любимыми игрушками и лакомствами Ньютона наперевес мчалась из Ноттинг-Хилла, я попросил Сэм отвести Молли обратно в машину. Я не думаю, что моя собака очень обрадовалась концу ее рабочего дня – вообще-то она любила работать, это давало ей острые ощущения и удовольствие от результата в конце, – но если я собирался успешно извлечь Ньютона, мне нужно было действовать в абсолютно спокойной обстановке. Ситуация оставалась крайне опасной – маленький щенок прятался глубоко в расщелине, и любой лай, скулеж или ворчание Молли могли просто заставить его отступить.

Я уже настроил Трин, чтобы она ожидала радостного воссоединения в стиле фильмов о Лесси[22]. Ньютон был не только напуган до смерти, но и, судя по всему, не в лучшей форме. Он отощал, шерсть была спутанной, а глаза сильно опухли, возможно, из-за конъюнктивита. Однако, несмотря мои слова, ничто не могло подготовить Трин к тому зрелищу, которое предстало перед ней, когда она приехала.

– Крошечка моя, мой малыш, – прошептала она, глотая слезы, когда голова Ньютона выглянула из темноты.

Я сказал Трин, что для того, чтобы выманить Ньютона из его укрытия и завоевать его доверие, нам нужно действовать очень аккуратно и мягко.

– Даже просто звук вашего голоса должен успокоить его, – сказал я, – поэтому я предлагаю постоять здесь и спокойно поболтать, пока он не почувствует, что готов выйти из убежища.

Я всегда любил свою работу и бывал в разных местах, но никогда не ожидал, что буду непринужденно болтать с клиентом в вонючем переулке у мусоропровода.

За следующие несколько минут мы с Трин обсудили все темы, какие только можно было придумать: повседневные дела, новости, телепрограммы, семейные дела – словом, все что только могли. Но, к несчастью, Ньютон так и не выразил желания выйти из укрытия.

– Наверное, мы ему до смерти надоели, бедняжке, – сказала Трин.

– Да, скорее всего, не стоило говорить о Брекзите, – ответил я, улыбнувшись.

После бесплодной попытки выманить Ньютона с помощью его игрушек – а мы так надеялись, что его привлечет привычный запах, – мы решили угостить его. Мы положили немного собачьих лакомств у прохода, где он прятался, и он стал медленно, но неотступно приближаться к выходу. Но в какой-то момент со стороны склада раздался резкий хлопок, и, к нашему большому ужасу, Ньютон опять отступил в темноту. Еще несколько тревожных минут мы стояли, боясь пошевелиться, но вот он снова стал приближаться к нам, движимый, конечно, чувством сильного голода. В конце концов, через 30 мучительных минут Ньютон, наконец, набрался храбрости, чтобы выползти из своей норы. Однако по мере того, как он ковылял к нам, его глаза все сильнее страдали от света. Они были так поражены инфекцией, что он почти ничего не видел, и было ясно, что им руководит исключительно его обоняние.

– Запомните, Трин, никаких резких движений, – прошептал я, когда он был уже в ярде от нее. – Не поддавайтесь искушению схватить его. Вы должны позволить ему самому подойти к вам.

К нашей великой радости, Ньютон узнал запах Трин, радостно завилял своим коротким хвостом и прыгнул в объятия плачущей хозяйки. Увидеть, как счастлива Трин, когда Ньютон наконец был у нее на руках, было одним из тех моментов, что оправдывали все сложности моей работы.

* * *

Я высадил Трин и Ньютона у ветеринарной клиники, и мы с Сэм отвезли Молли обратно в Холланд-парк, где она немного побегала и съела вяленую говядину в знак благодарности за ту громадную роль, которую она сыграла в этом деле.

– Если бы ты не нашла эту какашку, Молли, и не оборвала стебли, я не представляю, как бы мы нашли Ньютона, – сказал я, качая головой. – Еще одно успешное расследование, и все благодаря вам, юная леди.

Во время нашего обратного путешествия мы с Сэм размышляли об этом непростом и напряженном дне. Мы оба сошлись на том, что, если бы мы не обнаружили его в тот день на складе, Ньютон долго бы не протянул. В течение 18 дней находчивый маленький щенок умудрялся находить себе убежище, добывать еду из мусорных баков и пить воду из луж, но он неизбежно погиб бы от неизлечимой инфекции.

– Об этом страшно даже думать, – сказала Сэм, качая головой.

– Да, – вздохнул я. – Представь себе, что Трин пришлось бы

прожить всю оставшуюся жизнь, так и не узнав, что с ним случилось.

Мы также предположили, что Ньютон не столкнулся с другими собаками (его совершенно целый ошейник и табличка с именем подтверждали это) и что, по всей вероятности, он прибежал туда, где мы его нашли, в самый первый день, когда пропал, ища убежища от шумных лондонских улиц.

Мы вернулись в Брамбл-Хилл незадолго до наступления сумерек. Молли побежала в сад и нырнула в какие-то цветущие кусты, спугнув стайку светлячков, а я улегся на траву и стал смотреть на окна дома, в которых отражалось розовато-серое небо. Я так устал и морально, и физически, что мне чертовски хотелось спать. Через несколько минут, когда я уже почти задремал, Молли подбежала и стала обнюхивать мое лицо. Ее морда была в сухой траве и соломе, как будто она только что вылезла из стога сена. Я усмехнулся и потер глаза.

– Что бы я без тебя делал, Молли? – сказал я, когда вновь вспомнил душераздирающую картину встречи Ньютона и Трин. Мне было невыносимо даже на секунду подумать о разлуке с моей любимой собакой.

* * *

Через несколько дней я позвонил Трин. Она рассказала, что Ньютону прописали антибиотики – ветеринар сказал, что никогда не видел такой тяжелой глазной инфекции, – но теперь он выздоравливает, и вся семья неустанно заботится о нем. Аккаунты в социальных сетях с призывами «ВЕРНИТЕ НЬЮТОНА ДОМОЙ» снова «взорвались», когда новость о его выздоровлении попала в Интернет, – доброжелатели со всего мира опубликовали фотографии, на которых они прыгают от радости и поздравляют Ньютона с возвращением. Так эта маленькая собачка стала настоящей знаменитостью и в Англии, и за ее пределами.

– Вся эта история, конечно, ужасная, Колин, и я бы не пожелала пережить такое даже злейшему врагу, но это к тому же и урок мне, – сказала Трин.

– Урок?

– Это научило меня не сдаваться и никогда не терять надежды, – объяснила она.

Пропавшая кошка и ворчливый сосед

Жизнь ищейки может стать довольно утомительной, и потому мне было жизненно важно, чтобы у Молли было достаточно много свободного времени. После большинства поисков я давал ей день отдыха, позволял долго безмятежно лежать, лениво возиться с мягким игрушечным кроликом и неторопливо гулять в лесу перед обедом. В летний день Молли неизменно находила самое теплое место в доме, где можно было принимать солнечные ванны: как и многие кошки и собаки, она любила погреться и понежиться, лежа под ярким солнечным лучом. Обычно Молли проводила выходные со мной, но если у меня появлялись какие-то дела, связанные расследованиями, то с ней была Сара.

Так было и в конце сентября 2017 года, когда мой клиент из Белгравии попросил Стефана и меня провести слежку. В конце концов я вернулся в Крэнли в 9 часов вечера – работа была долгой и утомительной, – но все стрессы и напряжение улетучились, как только я открыл входную дверь. В гостиной передо мной открылась картина истинного домашнего блаженства. Сара свернулась калачиком на диване с последним романом Мэриан Кейз и бокалом вина, а у ее ног дремала, посапывая, Молли. Я не смог сдержать улыбку. Когда-то Сара, закоренелая кошатница, не могла даже приблизиться к линяющей, сопящей и своенравной собаке, но теперь они сидели рядышком, как закадычные друзья.

– Так, так, так… вы только посмотрите, что здесь за картина, – ухмыльнулся я. – Кто бы мог подумать, а?

– У нас был лучший девчачий день на свете, – просияла Сара, с нежностью глядя на спящую рядом Молли, – мы ходили по магазинам в Гилфорде, пообедали в Крэнли и потренировались на Коммон. И по тебе мы совсем не скучали, Колин.

– Ну что ж, это просто чудесно! – сказал я, закатывая глаза в притворном негодовании.

В глубине души я был счастлив видеть, что две мои любимые девочки так хорошо ладят и им так уютно вместе. Я влюбился в Сару в тот день, когда мы впервые встретились, но видеть, что теперь она прекрасно общается с Молли, заставило меня исполниться к ней еще большим уважением и нежностью. Дать моей собаке дом, где ее все любят и заботятся о ней, было важно для меня как с профессиональной, так и человеческой точки зрения, и в тот вечер мне показалось что наконец эта идеальная

картинка стала реальностью.

Я разделся, растопил камин, сварил нам кофе и сел на ковер рядом с Молли. Почти сразу она почувствовала, что я пришел, проснулась и, сонно лизнув меня, забралась ко мне на колени.

– О'кей, мисс, ты можешь посидеть и понежиться минут 10, но потом пора спать, – сказал я, целуя ее в морду, – завтра рано утром мы отправляемся на юг, и мне нужно, чтобы у тебя был светлый ум и хвост трубой.

Рыжий кот Симба пропал в Девоне, и хозяева очень нуждались в нашей помощи. Как и во многих похожих случаях, Молли и ее нос стали последней надеждой отчаявшихся хозяев.

* * *

Наша дорога из южного Суррея в южный Девон через Хэмпшир, Уилтшир и Дорсет была ожидаемо живописной. Осеннее солнце висело очень низко, его косые лучи освещали дубы, растущие вдоль дороги, с их с темно-рыжими листьями. С востока на запад тянулись до самого горизонта медовые пшеничные поля, окутанные утренним туманом.

– Разве это не великолепно? – Спросил я с улыбкой Сэм, дремавшую на пассажирском сиденье.

– Скажем так, мой путь на работу бывал и поскучнее.

Дороги были пустые, и мы прибыли в деревню Нижний Чиллингтон немного раньше, чем планировали, поэтому остановились выпить кофе с булочкой в местном кафе, и уже через несколько минут весь персонал был в восторге от Молли. Затем, как всегда, мы предприняли предварительную вылазку по изучению местности. Мы старались замечать расположение дорог и зданий, а также все, что потенциально могло быть опасно для Молли. Пока мы неторопливо шли по проселочным дорогам, все больше убеждались, что вокруг нас классический пасторальный пейзаж. Старые коттеджи с соломенными крышами выстроились вдоль лабиринта мощеных улиц, а в самом центре деревни, как полагается, нашлись церковь и тихий пруд с плавающими кувшинками. Нижний Чиллингтон был бы идеальным местом для одного из пяти знаменитых романов Энид Блайтон.

Когда мы уже повернули обратно к машине, вдруг услышали резкий стук копыт. Из-за угла словно из ниоткуда появилась всадница, одетая в обычный костюм для верховой езды, бриджи, сапоги и куртку. Она была верхом на темно-коричневом породистом скакуне. Эту поразительно красивую даму сопровождали два коренастых ирландских волкодава, которые быстро бежали, высунув розовые языки. Молли остановилась и внимательно наблюдала, как мимо проносится это необычное трио. «Что это было, папа?» – казалось, спрашивала она глазами.

– Доброе утро, – сказала женщина, улыбаясь, слегка замедляя шаг и снимая шляпку для верховой езды, под которой оказались светлые гладкие волосы, собранные в красивый пучок. – Денек сегодня отличный!

Затем она резко дернула поводья и, отдав каблуками сигнал лошади, поскакала вперед, а за ней – обе ее собаки. Пыхтя, в противоположном направлении мимо школы двигался старый трактор, тащивший прицеп, набитый ящиками из-под яблок. Фермер в плоской шляпе за рулем посигналил и махнул в знак приветствия, как будто знал нас всю жизнь.

– Напомни мне еще раз, Колин, какой сейчас год? – пошутила Сэм.

– Тысяча девятьсот пятьдесят восьмой, кажется, – подмигнул я, почти ожидая, что из-за угла выедет на велосипеде Диксон из Док Грин.

Полчаса спустя я уже стучался в дверь каменного коттеджа, где жила Линдси, хозяйка Симбы. Молли и Сэм остались в машине, как это часто бывало, пока я беседовал с семьей и брал образец кошачьей шерсти. Хрупкая молодая девушка, почти подросток, Линдси жила у друзей семьи, пока ее родители проводили отпуск на Майорке. Я понял по ее виду, что она недавно тяжело болела, и, конечно, не стал допытываться, понял только, что ее родители предпочли не оставлять ее одну во время своего отпуска на Балеарском море. В результате их дочь временно поселилась в Нижнем Чиллингтоне, приехав туда с чемоданом в одной руке и кошачьей переноской в другой.

Сказать, что Линдси обожала своего толстого, дерзкого рыжего кота, было бы преуменьшением. Они были неразлучны. Спасенный 10 лет назад из кошачьего приюта Симба был компаньоном Линдси и служил источником утешения и любви, когда она боролась с болезнью. Кроме давней любви к литературе, ее главным развлечением были игры с ее шумным и озорным меховым комочком, и она часами проверяла его ловкость с помощью шариков для пинг-понга или дразнила его связкой из пушистых кошачьих игрушек. В теплое время года Линдси сидела с Симбой в саду и читала один из своих любимых исторических романов, а он нежился на солнышке. Иногда кот порывался охотиться, когда неосторожная малиновка или певчий дрозд осмеливались запрыгнуть на его территорию, – несмотря на преклонные годы (и растущий вес), его охотничий инстинкт оставался в норме. Но достаточно было строгого окрика Линдси, чтобы схватка не состоялась. Она, конечно, знала и о том, что ее отец, страстный любитель птиц, не оценил бы военного трофея Симбы.

Вместе со своей молодой хозяйкой Симба, казалось, совсем освоился на новом месте. Поначалу Линдси держала его взаперти, но уже через неделю уступила его требованиям (он отчаянно царапал заднюю дверь) и позволила выйти на волю и исследовать окрестности. Однако через несколько дней любимый питомец исчез, и ее мир рухнул. Услышав эту новость и почувствовав, в каком она состоянии, ее родители, Крис и Венди, прилетели из отпуска, чтобы присоединиться к поискам. Прочесав вымощенные булыжником улочки и деревенские сады, они потерпели неудачу, и, прочитав о нас с Молли в газете, отец семейства решился позвонить.

– Моя дочь и в лучшие времена была достаточно хрупка, – объяснил он, – но побег Симбы просто подкосил ее здоровье. Она предана ему, Мистер Бутчер, и нам отчаянно нужна ваша помощь, чтобы найти его.

Эта глубинка была достаточно далеко от тех мест, куда я обычно выезжал. Конечно, я старался не уезжать далеко от родных графств, но в этот раз из-за деликатного характера дела я согласился помочь. На мое решение повлияли несколько факторов. Во-первых, я надеялся, что в маленькой деревушке кота будет проще найти: небольшое количество домов и садов должно было сыграть нам на руку. Во-вторых, поскольку Симба пропал из дома, где держали только одного питомца, мне, скорее всего, дадут хороший образец шерсти, и это поможет Молли в ее работе.

Неудивительно, что атмосфера за завтраком в то утро была напряженной. Заплаканная Линдси была безутешна: «Как я могу жить дальше без Симбы?» – повторяла она снова и снова, и родители, сидевшие по обе стороны от нее, безуспешно пытались найти слова утешения.

– Колин и Молли сделают все, что в их силах, – сказала мать, сжимая руку Линдси. – Все обязательно будет хорошо, дорогая, я обещаю. Но вопрос… сможет ли Молли найти кота, даже если он мертв? – спросила она не подумав, чем вызвала слезы Линдси.

– Есть все основания полагать, что Симба жив и здоров, так что давайте не терять оптимизма, – ответил я. – Я имел дело со многими подобными случаями, и чаще всего эти беглецы прячутся в укромных местах, ожидая, когда их найдут и вернут домой.

Но все же мне показалось важным рассказать немного о методах нашей работы, конечно, не углубляясь в научную терминологию. Я объяснил Линдси, что обычно существует две причины, по которым кошка может уйти из дома, так называемые «внутренняя» и «внешняя». Внешняя причина часто может быть совсем не связана с владельцем, например, это может быть

агрессивная собака, которая поселилась в соседнем доме, или шумные фейерверки в местном парке, или строительство новой дороги поблизости. С другой стороны, внутренняя причина, которая имела место в случае с Симбой, как мне казалось, обычно каким-то образом связана с хозяином или с самочувствием кошки. Это может быть появление нового питомца или ребенка в семье, возможно, изменение диеты или, как в данном случае, переезд в другой дом. Кошки очень привязываются к дому, поэтому, оказавшись в неизвестном месте, Симба мог уйти при первой же возможности, чтобы найти равновесие и избавиться от тревоги.

– В таких случаях, как правило, уровень стресса быстро снижается, и он может сам вернуться домой, – добавил я.

– О, пожалуйста, пусть так и случится, – сказала Линдси, слабо улыбнувшись и промокнув влажные щеки носовым платком.

Когда моя юная клиентка немного успокоилась, я поднялся, чтобы собрать нужную мне кошачью шерсть с одеяла Симбы.

Как правило, я старался продумать свои действия перед началом поиска на местности, из-за чего мне частенько удавалось успешно раскрыть дело, так было, например, когда я оказался в центре дела об убийстве в Мидсомере. Сейчас передо мной стояла задача понять, где же в этой аккуратной милой деревушке мог прятаться Симба. Может быть, он забрел куда-то и заблудился? Или застрял на чьем-то чердаке? Или, кто знает, может, его похитил местный житель? Может быть, он все еще жив? К счастью, рядом со мной была моя верная помощница, которая, без сомнения, поможет мне докопаться до сути дела.

«Будем молиться, чтобы и у этой истории был счастливый конец», – помню, подумал я про себя, бросая в банку из-под варенья комок кошачьей шерсти. Ради Линдси Крис спросил, может ли он присоединиться к нам в поисках Симбы – он очень хотел помочь, и я знал, что его знание местности будет нам полезным. В это время Венди останется дома с Линдси и будет подбадривать ее.

Однако, как только он открыл входную дверь и мы вышли на крыльцо, стало совершенно ясно, что у нас огромная проблема. С соседнего поля поднимались клубы дыма, и в воздухе стоял тяжелый едкий запах горящего дерева. Похоже, какой-то местный фермер развел ранним утром костер.

– Я не хочу огорчать вас, Крис, но Молли не сможет сегодня работать, если огонь будет продолжать бушевать, – сказал я. – Это плохо скажется на ее обонянии и не даст учуять кошачий запах.

– Предоставьте это мне, – успокоил меня Крис, – я знаю этого

фермера и сейчас скажу ему все, что я о нем думаю. В любом случае ему не следовало разжигать костры в это время дня.

Крис подошел к фермеру вплотную, и я увидел, как их разговор, при котором оба спорили на повышенных тонах и размахивали руками, грозит перерасти в кулачный бой. Фермер неохотно согласился потушить огонь, и Крис, качая головой, зашагал обратно.

– Ему повезло, что я не уложил его в центр этого костра, – сказал он, стряхивая пепел с плеч.

* * *

Нам пришлось ждать целый час, пока рассеется дым, прежде чем мы смогли начать поиски. Это было невероятно неприятно, но мы не теряли времени даром, гуляя по деревне и знакомясь с местными жителями. Когда дым, наконец, рассеялся, я дал Молли команду, она вдохнула запах Симбы, и мы начали поиски. Пока мы шли по главной улице, ряд задних дверей и широких окон, казалось, открывались сами собой – дружелюбные жители были рады предложить свою помощь и угостить чем-нибудь вкусненьким: «Не хотите ли стакан яблочного сока?», «Здравствуйте, я могу вам чем-нибудь помочь?», «Могу я угостить вашу прелестную собачку печеньем?». И все это было бы прекрасно, если бы у нас не было конкретной цели найти Симбу, поэтому мы любезно отклоняли приглашения. Однако у одного коттеджа нам пришлось задержаться, потому что в его палисаднике стояла тележка, до верху набитая фруктами, овощами, вареньем и чатни для продажи. Я обожал пробовать местные продукты, поэтому на пару минут отвлекся от поисков, чтобы закупить и загрузить в багажник эти угощения.

Мы втроем продолжили свой путь по проселочной дороге, смеясь над Молли, которая ловила падающие листья, кружащиеся на ветру. Вскоре мы подъехали к прекрасному каменному зданию, на территории которого пылали рыжевато-коричневые буки и алые клены. Хозяин встретил нас на подъездной дорожке. Одетый в сиреневую пеструю рубашку и шорты цвета хаки, он выглядел немного неуместно в этой традиционной типично английской деревне. То, как он держался подальше от Молли, наводило на мысль, что, в отличие от своих соседей, он не был большим любителем собак.

– Осматривайте все, что угодно, – сказал он, когда мы представились и объяснили причину своего прихода, – но, пожалуйста, не подпускайте вашу собаку к моему пруду. Видите ли, я выращиваю там карпа, а это очень чувствительная рыба, и я не хочу, чтобы она испугалась.

Он уже собирался вернуться в дом, как вдруг остановился,

словно что-то вспомнив.

– О, я совсем забыл… вам нужно присмотреть за нашим ежиком.

– Прошу прощения?

Создавалось впечатление, что этот парень то ли перепутал своих лесных животных, то ли утром подсыпал себе в чай немного ЛСД.

– Да-да, там есть трехфутовый ежик, который часто навещает нас в это время года, точнее, это ежиха, я зову ее миссис Бамбл. Она бродит вокруг бревен и пней в поисках слизней и улиток, а я оставляю ей миски с водой. Мне бы не хотелось, чтобы она испугалась вашей собаки, так что, пожалуйста, будьте осторожны.

– Мы постараемся, не волнуйтесь, – сказал я, а Сэм закатила глаза и подавила смешок.

– Остерегайтесь нежных рыб и гигантских ежей… Неужели я не сплю? – прошептала она.

Я отпустил Молли с поводка, и она, помня запах Симбы, побежала по саду, шмыгая под кустами, обнюхивая стволы деревьев и разбрасывая листья, как конфетти. В какой-то момент она подбежала к пруду с карпом, озорно сунув лапу в воду, и только мой окрик «Молли, нельзя!» отвлек ее от сияющей рыбы, скользящей под водой. Однако карп оказался совершенно равнодушен к этому вторжению и даже вынырнул на поверхность, чтобы посмотреть, не дают ли какой-нибудь еды.

Затем примерно через 10 минут после начала поисков язык тела и поведение моей собаки кардинально изменились. Она стала довольно активно подпрыгивать на передних лапах, бегая взад-вперед в состоянии легкого замешательства и издавая странные фыркающие звуки. Она, конечно, заметила какой-то след, но ее неуверенность и отсутствие стойки, говорящей о том, что она нашла источник запаха Симбы, говорили о другой причине такого поведения.

Затем она начала кружить вокруг большой кучи мокрых дубовых листьев. Крис, Сэм и я придвинулись ближе, подталкивая друг друга локтями, когда увидели, что под ней что-то бочком движется. Внезапно появилась большая перевернутая пластмассовая чаша, которая начала двигаться к стене дома, как будто ею управляли дистанционно. Молли совершенно обезумела, громко залаяла, закружилась и встала на дыбы, как капризный жеребенок. Для ее же собственной безопасности я немедленно позвал Молли, взял на поводок, передав его Сэм, и сам продолжил расследование. Я подкрался к миске, осторожно приподнял ее и – о чудо! – увидел там дрожащего маленького ежика. Он свернулся в клубок – их обычная защита, – но к тому

моменту я уже заметил его характерную особенность. Задней лапки у него не было. Миссис Бамбл, как оказалось, была трехногим ежом, а совсем не трехфутовым[23]. Я усмехнулся про себя – неужели я действительно ожидал увидеть ежа немногим меньше Молли? – и нежно подтолкнул колючий шарик, который тут же юркнул под ближайший куст остролиста. Я наполнил миску Миссис Бамбл водой и неторопливо вернулся назад.

– Ну вот ты и познакомилась с еще одним милым животным, – сказал я Молли, – будем надеяться, что следующим будет Симба.

* * *

Хотя нам удалось прочесать большую часть деревни при помощи и содействии некоторых очень услужливых соседей, к обеду Молли не учуяла даже намека на Симбу в буквальном смысле этого слова. Однако, когда мы возобновили поиски по аллее с причудливым названием «Жимолостная», она очень заинтересовалась старой-престарой викторианской дренажной системой, которая проходила под землей в некоторых местах, но кое-где была на поверхности (в том числе в саду, из которого сбежал Симба).

Было небезопасно отпускать Молли бегать по полуразвалившейся водопроводной трубе, но ее хвост вилял почти 20 раз в минуту всякий раз, когда она приближалась к этому месту. Я не мог не задаться вопросом, не использовали ли местные кошки – в частности Симба – трубу в качестве удобного маленького туннеля между садами.

К моему большому огорчению, эта труба выходила в сад, куда мы не могли попасть. Мои многочисленные звонки в парадную дверь коттеджа остались без ответа, но я заметил, что кто-то потихоньку движется за дверью: двигались кремовые сетчатые занавески и в глубине мерцал экран телевизора. Кто-то определенно был дома, но по какой-то причине решил не открывать. В обычных обстоятельствах я бы просто пожал плечами и перешел к следующему дому, но Молли уже вовсю изучала этот особняк.

– А, вы имеете в виду старого Мистера Ворчуна? – два подростка захихикали, когда я спросил о владельце этого коттеджа. – Он просто жалкое ничтожество. Он всегда выходит только для того, чтобы приказать нам заканчивать играть в футбол и отправить домой.

Местный почтальон нарисовал похожий портрет, хотя и с чуть бóльшим сочувствием.

– Когда умерла его жена, Альф стал почти отшельником и с тех пор держится особняком, – объяснил он. – Ему не нравится,

когда кто-то торчит у него на пороге. Слишком много молодых семей переезжает в деревню, пожаловался он мне на днях. Очевидно, это разрушает его покой…

Я не собирался останавливаться и отступать, несмотря на репутацию старого Мистера Ворчуна и две запертые на засов кованые железные калитки, преграждавшие вход в его сад. В Нижнем Чиллингтоне, должно быть, был один из самых низких уровней преступности в округе – если не в стране, – и эти серьезные меры безопасности казались одновременно нелепыми и ненужными. Молли бежала впереди, Крис и Сэм – рядом со мной, а я шел по узкому проходу, отделявшему задний двор от деревенского кладбища, и заглядывал через забор во двор к старому джентльмену. Я ожидал, что задний двор будет соответствовать суровому характеру хозяина дома, то жестоко ошибся. На его подъездной дорожке был припаркован оранжевый трейлер Volkswagen в стиле ретро, но явно давно не используемый, а в саду стояли 3 аккуратных навеса, пастельные тона которых придавали им вид пляжных навесов. Деревянные кормушки для птиц были расставлены вокруг прямоугольной лужайки, треть которой была отведена под аккуратную фруктово-овощную грядку.

– О, моя любимая фиолетовая брокколи, – хихикнула Сэм, которая в этот день была в игривом настроении. Она нашла инцидент с «трехфутовым ежиком» очень забавным и с тех пор постоянно дразнила меня по этому поводу.

Примыкающий внутренний дворик был идеально чист и ухожен, в нем стояло несколько впечатляющих импровизированных кашпо, сделанных из старых автомобильных шин и сапог с гвоздями. К задней стене были прикреплены бамбуковые шпалеры, увитые ярко красным бостонским плющом.

– Похоже, кто-то большой поклонник «Мира садовников» [24], – улыбнулся Крис.

Пока мы любовались садом Мистера Ворчуна, Молли становилась все более настороженной – она постоянно подбегала к задней ограде, – и я понял, что пришло время действовать.

– Нам нужно найти способ войти туда, – сказал я, – хозяин не открывает нам дверь, так что придется немного нарушить закон.

Мы с Сэмом подсадили Криса через забор – это было нетрудно, так как он был худым и жилистым парнем, – и я попросил его пойти и постучать в заднюю дверь Мистера Ворчуна (я полагал, что он более благосклонно отнесется к одному из соседей). После пяти минут непрерывного стука Крис, наконец, услышал за дверью ворчание:

– Ладно, ладно, черт возьми, я тебя слышу! – раздался

хриплый голос из-за двери, и мы услышали, как в замке повернулся ключ и несколько засовов отодвинулись.

На пороге с грозным лицом стоял крепкий старичок лет 80 с небольшим, с редеющими волосами, в брюках на широких подтяжках и клетчатой рубахе с закатанными рукавами.

– Что вы там удумали, лазить через мой забор?! – рявкнул он.

– Ну, э-э-э… – пробормотал Крис, слегка ошарашенный этой внушительной фигурой.

– Вы что, из полиции, что ли? – продолжил Мистер Ворчун, указывая на меня и Сэма. – Вы здесь, чтобы найти тех хулиганов, что забрасывают свои футбольные мячи в мой сад? Привели на помощь ищейку, да?

– Ну, не совсем так, – неуверенно ответил Крис, – но я хотел бы попросить вас открыть ворота, чтобы мои коллеги могли с вами поговорить.

– Только побыстрее, – нахмурился он, доставая из кармана огромную связку ключей и направляясь к воротам, – я очень занятой человек, у меня есть дела поважнее.

До сих пор все было хорошо, Крис справлялся с ситуацией, но теперь пришло время мне начать операцию по завоеванию сердца ворчунишки. В свое время я имел дело со многими персонажами, и, чтобы привлечь их на свою сторону, мне часто приходилось идти на хитрости. Я передал поводок Молли Сэм, широко улыбнулся старику и крепко пожал ему руку.

– Какой у вас *чудесный* сад, сэр! – воскликнул я. – Огород моего деда в Глостершире немного похож на этот, но, может быть, не так хорошо ухожен. На самом деле, вы даже похожи на моего дедушку, только вы помоложе. И я должен сказать, Альф, – можно мне называть вас Альфом? – ваша фиолетовая цветущая брокколи выглядит *великолепно*.

Не обращая внимания на приглушенное фырканье Сэм, я продолжал осыпать Мистера Ворчуна комплиментами, стараясь не дать ему вставить ни слова в разговор, пока не увижу, что он слегка оттаял.

– А что касается ваших импровизированных кашпо из шин, то великий Монти Дон был бы горд иметь их в своем собственном патио, я уверен в этом.

Вот только на этих словах он улыбнулся. Прямо в точку.

– Значит, ты смотришь «Мир садовников»? – спросил ворчун, одобрительно кивая.

– Никогда не пропускаю ни одного выпуска, – соврал я.

– Ну, ты же знаешь, как много нужно сделать, чтобы сад выглядел вот так, – сказал Альф, поднимая свои грубые, как наждачная бумага, руки. – Вот почему я так злюсь, когда эти

чертовы футбольные мячи превращают мои фрукты в пюре.

– Я хорошо понимаю, Альф, – сказал я. – Но послушайте, я хочу попросить вас об одолжении, если вы не против.

Затем я рассказал ему все о Молли, которую Сэм доблестно держала на поводке, и описал наши кропотливые поиски бедного Симбы:

– Мы ищем рыжего кота, – сказал я. – Он немного староват и немного полноват, но он все еще довольно активный парень. Мы думаем, что он использовал старую дренажную трубу для передвижения между садами и вполне мог оказаться в вашем.

– Моя дочь очень скучает по нему, – добавил Крис, показывая ему фотографию, – так что, если вы позволите нам осмотреться, мы будем вам очень признательны.

– Ну что вы! – воскликнул он, щурясь на фотографию. – Я определенно видел этого беглеца.

– Правда? – ахнул Крис.

– О да, я думал, что это бродячий кот. Он бывал здесь каждое утро в течение последних нескольких дней. Это немного опасно для моего сада, если честно. Он ловит воробьев и синиц. Вчера он пытался запрыгнуть на мою кормушку для птиц, но он так толст, что она опрокинулась.

– Это очень похоже на нашего Симбу, – взволнованно сказал Крис, – мы можем начать поиски прямо сейчас?

– Чувствуйте себя как дома, – Альф поколебался пару секунд, а потом сказал: Но сейчас вы его здесь не застанете. Обычно он забегает ко мне перед завтраком. Я никогда не вижу его днем.

Я спустил Молли с поводка, и она, как борзая, преследующая зайца, помчалась к стоящему в центре сараю. Она резко остановилась перед темно-зеленой дверью, несколько раз обернулась и – *бац!* – встала в стойку.

– Господи, что же она делает? – спросил Альф, когда Молли, дрожа от волнения, приняла позу сфинкса.

– Молли говорит мне, что нашла запах Симбы, – объяснил я, доставая из кармана пудинг для Молли. – А это значит, что кот сейчас либо в сарае, либо был там раньше.

– Но я там держу свои газонокосилки, – сказал Альф, снова роясь в карманах в поисках ключей, – не могу представить, чтобы кот решил там поселиться. И, уж конечно, я ничего не заметил, когда заглядывал туда утром.

Альф открыл дверь сарая, а я не спускал глаз с Молли, как только она переступила порог. Внутри стояла блестящая оранжевая газонокосилка, пара старых деревянных скамеек и различные мешки и контейнеры. Я был уверен, что нос моей собаки сможет различить запах Симбы сквозь влажный острый

запах скошенной травы, смешанный с запахом машинного масла, и она не разочаровала меня. В дальнем углу сарая под окном Молли подала нам еще один решительный положительный сигнал. От самого кота не было и следа, к сожалению, хотя, судя по движениям Молли, я понял, что он только что был здесь. Я бросил перед Молли еще одну пригоршню лакомств и тут заметил под одной из скамеек недоеденную банку тунца. Когда я взглянул на Альфа, тот быстро отвернулся. Не желая ставить его в неловкое положение перед Крисом, я сказал:

– Хорошо было бы, Сэм, если бы вы с Крисом поискали вокруг дома, а мы с Молли поищем за этими сараями.

* * *

После обыска заднего сада Альф любезно позволил Молли пробежаться по его патио – игра всегда была частью процесса вознаграждения, – но я, конечно, держал ее подальше от его овощной грядки. Я придумал игру, которая включала в себя отскакивание теннисного мяча от каждой из трех дверей сарая в случайном порядке, и Молли с удовольствием ее поддержала.

– Браво, Молли! – хлопал Альф каждый раз, когда она подпрыгивала почти горизонтально, как вратарь Премьер-Лиги, прежде чем схватить мяч. Старикан, казалось, очень заинтересовался моей собакой, и мне было приятно видеть, как он широко улыбается. Как только я утомил Молли и напоил ее свежей водой, я присоединился к Альфу, который сидел во внутреннем дворике. Мы поболтали о его жизни в деревне – он был уроженцем Нижнего Чиллингтона и рассказал о себе и о том, как сильно изменился этот район за последнее время («Не все к лучшему, заметьте, – подчеркнул он. – Слишком много машин, слишком много детей»). Затем, налив нам обоим по стакану домашнего ликера из бузины – должен признаться, лучшего я в жизни не пробовал, – он немного расслабился, и у меня создалось отчетливое впечатление, что он уже давно ни с кем не говорил по душам. Он откровенно признался, что после смерти жены уверенность и жизнерадостность покинули его, и он стал совершенно одиноким человеком. Эдит была его жизнью и душой, и у нее был такой жизнерадостный характер, рассказал он.

– Это была ее идея купить фургон, она любила приключения, и время от времени мы сбегали отсюда в йоркширские долины или в Озерный край[25]. Но когда она умерла, я почувствовал себя таким опустошенным, таким одиноким.

Тут Молли прервала наш разговор, оказавшись между мной и Альфом и явно желая, чтобы Альф ее погладил.

– Я закрылся от мира, – продолжал он, – и просто ушел в «Мир садовников» и кроссвордов «Telegraph».

– Но это вполне объяснимо, Альф, – сказал я, мысленно возвращаясь к безвременной кончине моего брата Дэвида и вспоминая, каким потерянным и опустошенным я тогда себя чувствовал. – Горе влияет на людей по-разному. Могут пройти месяцы или годы, прежде чем вы вернетесь к себе прежнему.

– Это верно, – сказал он, глядя вдаль, – но я не думаю, что кто-то из моих соседей понимает это. Я знаю, что они называют меня старый Мистер Ворчун – во всяком случае, дети, – но если уж на то пошло, то скорее меня надо назвать Мистер… – он сделал паузу, как будто не мог подобрать нужное слово.

– Одиночка?

– Да, – сказал он, кивая головой. – И этот кот был хорошей компанией в последние дни, поэтому я и кормил его.

Мы несколько минут молча потягивали напитки, пока моя рация не затрещала.

– Колин, ты здесь?! – завопила обезумевшая Сэм.

– Да, я здесь, – ответил я, поднимая трубку, – а в чем дело?

– О боже, ты не поверишь, но я вижу Симбу!

– Что он делает?

– Пока я говорю с тобой, он стоит у ворот дома Альфа. Что же нам теперь делать?

– Сэм, очень важно, чтобы вы оба сохраняли спокойствие и держались на расстоянии. Мы же не хотим, чтобы кот испугался и удрал. Стой там и предоставь это мне.

Я посадил Молли на короткий поводок и подал ей знак рукой вниз, что означало «сохраняй спокойствие». Затем я, крадучись, обошел дом сбоку, тихо, как только мог, и там Молли, крадучись вдоль стены переднего сада с высоко поднятой головой и хвостом, направленным на север, увидела Симбу. Он увидел, что я приближаюсь к стене, издал смешной звук и вразвалочку подошел, как старый ковбой. Это был совсем не перепуганный кот.

Пока Крис и Сэм нервно смотрели на меня, я медленно подошел к Симбе и занес руку, чтобы погладить его. Он пару раз потерся головой о мою ладонь, посопев носом и лизнув меня на всякий случай. Затем он посмотрел на Молли, которая спокойно стояла там, и мяукнул. Я кивнул Сэм, которая медленно шагнула вперед и взяла Симбу. Никто не произнес ни слова, но, когда кот положил передние лапы на плечи моей коллеги и уткнулся носом в ее шею, воздух зашипел от волнения. Кошка была найдена, и кошмар Линдси закончился.

Сэм передала Симбу Крису, отвела Молли обратно к машине, и, по-доброму попрощавшись с Альфом, мы с Крисом совершили короткую прогулку через Нижний Чиллингтон к коттеджу, где

они гостили. Симба уютно устроился в объятиях Криса, хотя тащить этого пухлого котяру в гору по мощеной дороге было нелегко. Когда весть о его возвращении пронеслась по деревне, из дверей дома стали по очереди выглядывать головы местных жителей.

– Пропавший котик нашелся, Бен! – проворковала беременная дама своему малышу.

– Отличная работа, ребята, – добавил ее сосед, похожий на майора.

Но самые громкие фанфары прозвучали в доме, где сияющая Линдси наконец-то увидела своего драгоценного Симбу.

– Я думала, что больше тебя не увижу! – закричала она, обнимая его и осыпая поцелуями. – Ты даже не представляешь, как сильно я по тебе скучала.

Теперь, когда мы сделали нашу работу, пора было прощаться и вернуться к Молли. Однако, прежде чем сделать это, я попросил всю семью об одолжении.

– Это всего лишь предложение, и, пожалуйста, не чувствуйте себя обязанными, но я думаю, что было бы неплохо, если бы вы заглянули к Альфу как-нибудь, – сказал я.

– Старый Мистер Ворчун? – спросил Крис. – Вы это серьезно?

– Он лает гораздо лучше, чем кусается, уверяю вас, – сказал я улыбаясь, – и нам есть за что его благодарить. Если бы он не пустил Молли в свой сад, нам пришлось бы искать в другом месте, и мы бы никогда не нашли Симбу.

– Мы обязательно зайдем к нему, – сказала Линдси, – это самое малое, что мы можем сделать.

– Посидите у него, поболтайте и угоститесь стаканчиком ликера на бузине, если сможете, – добавил я.

* * *

Высадив Сэм в Крэнли, я заехал в Брамбл-Хилл. Путь из Девона был нелегким, мы попали в серьезную пробку у Солсбери, а Молли уже очень хотелось размять ноги. Как только мы свернули на подъездную дорожку, она поняла, что близится игра на свежем воздухе, и ее хвост начал отбивать барабанную дробь.

– А ну, выходи, Молли, – сказал я, прежде чем провести ее через калитку, оплетенную жасмином, ведущую в сад.

На ферме было множество красивых уголков, но именно здесь осень являла все свои буйные краски. Деревья стонали под весом пухлых груш и розовых яблок, скворцы заполонили ветки лилового цвета, а земля была покрыта ковром с хрустящими листьями цвета меди, бронзы и янтаря. Молли неслась через сад прямо к ячменному полю. Высокая трава была полна мелких грызунов, полевок, землероек и полевых мышей – и ничто так не

нравилось ей, как вынюхивать их и смотреть, как они бегают и суетятся вокруг. Время от времени эти усатые создания получали легкий толчок пушистой лапой, но Молли никогда не обижала их и не ловила, ей просто нравилось наблюдать, как они занимаются своими повседневными делами.

Я прислонился к дубу и посмотрел на свою милую маленькую собаку. Я думал о нашем сегодняшнем девонширском приключении и размышлял об удивительной способности Молли очаровывать каждого, кто ее узнавал, и получать столько любви и внимания (ведь даже карп выскочил из своего бассейна, чтобы поздороваться). Я дал своей любимице еще немного погоняться за полевыми мышами, которых она никогда не поймает, а потом подозвал ее:

– Пора возвращаться домой, а вам, маленькая мисс, необходимо хорошенько выспаться, – сказал я.

Молли и коты-эмигранты

Бесчисленные исследования показали, что присутствие в нашей жизни домашних животных имеет терапевтический эффект. Наши пушистые друзья подбадривают нас, когда нам плохо, и лечат, когда мы болеем. Они помогают успокоиться, когда мы испытываем стресс, и не дают нам почувствовать себя одинокими, даже если в нашей жизни недостаточно общения. Поглаживание кошки или прогулка с собакой часто помогают тревоге рассеяться, и нет ничего лучше, чем вернуться домой после тяжелого рабочего дня, где тебя радостно встретят веселый бигль или мурлыкающий перс. Когда я был инспектором в полиции Суррея, я регулярно уходил в 14-часовые смены и часто бывал в местах ужасных преступлений. Видеть, как мои ротвейлеры Макс и Джей несутся к моей машине, когда она, наконец, свернула на подъездную дорожку, всегда было лучшим лекарством от тягот прошедшего дня. Когда я был с ними, все мои труды и неприятности, казалось, таяли без следа.

Домашние животные действительно могут стать лучшим лекарством, и моя клиентка Донна знала об этом слишком хорошо. Она была родом из Уэльса, и, хотя ее родители были итальянскими иммигрантами, Донна провела бóльшую часть своей взрослой жизни в Западной Австралии. Она была менеджером в местном офисе продаж и аренды яхт и жила в бунгало в центре города Фримантл. Однако летом 2017 года ее жизнь изменилась навсегда. После нескольких недель вялости и головокружения доктор сообщил ей трагическую новость – Донну убивала редкая и агрессивная форма рака. После того как Донна пережила первый шок и провела несколько дней в слезах, она начала искать варианты лечения и в конце концов решила обратиться к специалисту в Восточном Мидленде, в Англии. Такой выбор был связан еще и с тем, что бóльшая часть ее родных, включая любимую сестру, с которой они все эти годы были очень близки, жила в Нортгемптоншире, и Донне показалось правильным вернуться в лоно семьи.

Уехать из ставшей для нее домом Австралии было очень тяжело, Донна любила эту страну, но инстинктивно она чувствовала, что такое решение было единственно правильным. Проблема была еще и в том, что Донна должна была подумать не только о себе. Уже год с ней жила ее любимица – короткошерстная кошечка медового цвета с белыми носочками, белым нагрудником и задорными торчащими ушами по имени Снагглз.

История Снагглз была простой. В какой-то из жарких летних дней бездомная кошка родила в одном из лодочных домиков. Донна и ее коллеги заметили это и, чтобы не дать котятам погибнуть на жаре без должного ухода, отнесли кошку и весь ее помет в местный приют для животных, чтобы малышей привили и подготовили к жизни у потенциальных хозяев, сразу как их отлучат от матери. Один из котят, самый маленький, очаровал Донну, когда она впервые увидела этот персиковый пушистый комочек, поэтому три месяца спустя она взяла его к себе. Конечно, за котенком, точнее, за кошечкой, нужно было ухаживать, она требовала игр, внимания, но взамен дарила Донне огромную любовь и ласку. Так, после напряженного рабочего дня ничто не приносило Донне столько радости, как засесть за просмотр любимого фильма с пачкой попкорна и Снагглз на коленях. Иногда, когда ее гладили, Снагглз мурлыкала и урчала так громко, что Донне приходилось прибавлять громкость.

– Господи, ты можешь урчать потише? Я из-за тебя не слышу Тома Круза! – хихикала она, протягивая руку за пультом.

К сожалению, через несколько месяцев здоровье Донны пошатнулось, и она почувствовала такую усталость, что была вынуждена бросить любимую работу. Но всякий раз, когда хозяйка чувствовала себя грустной или утомленной, кошка всегда была рядом, чтобы предложить утешение, либо уютно устроившись у нее на коленях днем, либо уткнувшись носом в ноги ночью. Их связь становилась все крепче и крепче, и, когда Донна строила планы переезда в Британию, она точно знала, что ее пушистая подруга поедет вместе с ней.

– Мы с тобой отправляемся в большое путешествие, где нас ждут приключения, – сказала она однажды утром Снагглз, – нас ждет новая глава нашей жизни, милая.

Донна и Снагглз вылетели в Лондон осенью 2017 года. Последняя путешествовала в специальной авиапереноске в багажном отделении, поэтому обе пассажирки были невероятно рады воссоединиться по прилете в Хитроу. В аэропорту их встретила сестра Донны Мэнди, которая отвезла их в новый дом в городе Аддербери.

Этот дом, современный краснокирпичный особняк на две семьи, когда-то выбрали из-за удачного расположения. Он стоял на небольшой дороге, по которой могли ездить только местные жители, поэтому движения здесь почти не было. Зато имелся большой сад с фруктовыми деревьями, кустарниками, обнесенный живой изгородью, так что у кошки было достаточно места для игр и прогулок. Для Донны Аддербери тоже был идеальным местом. Тихий и спокойный городок, чистейший

воздух, поля и места для прогулок – и все это, конечно, было на пользу эмоциональному и физическому состоянию Донны во время лечения. Ей нравилось и даже приносило некоторое успокоение то, что в двух шагах от дома стояла великолепная средневековая церковь, башня которой часто отбрасывала тень на ее сад на заднем дворе.

Как ни странно, в этом районе многое напоминало об Австралии. Неподалеку располагалась международная школа, так что в городе нередко можно было услышать характерный австралийский акцент и было нетрудно найти улитку с корицей в меню завтрака в местном кафе.

– Эй, милая, может быть, мы и не будем так тосковать по дому, – Донна улыбнулась, доставая свою пушистую компаньонку из переноски, чтобы познакомить ее со всеми видами, звуками и запахами своего дома.

* * *

Через несколько недель Донне сделали операцию в узкопрофильном госпитале, и Мэнди ухаживала за ней дома, чтобы помочь восстановиться и подготовиться к курсу изнурительной химиотерапии. Но больше всех помогала кошка, которая была идеальным компаньоном, тонко чувствовала, когда Донна падала духом и ей было особенно тяжело.

– Похоже, у нее есть шестое чувство, – заметила Донна, – как будто она знает, когда я впадаю в депрессию и мне нужна помощь.

Когда стояла теплая погода («теплая» в Нортгемптоншире значило чуть больше 20 градусов по Цельсию), Донна любила сделать себе фруктовый сок, вытащить из гаража шезлонг, включить радио, по которому передают классическую музыку, и, лежа на солнышке, лениво наблюдать, как Снагглз крадучись бродит по саду, выбирая себе укромное местечко, откуда удобно наблюдать за жизнью вокруг. В один из таких дней в начале сентября внезапное шуршание в лавровом кусте, казалось, спугнуло какого-то маленького зверька, как подумала Донна, а ее кошка взлетела на садовую ограду, перескочила через нее и скрылась из вида. «Она скоро вернется, ведь через полчаса обед», – подумала хозяйка, делая глоток мангового коктейля и пытаясь не обращать внимания на растущую в душе тревогу. Но любимица не вернулась даже к ночи.

Так прошла неделя, но кошка не приходила домой. Донна, которая была слишком слаба и физически, и эмоционально, чтобы искать Снагглз, привлекла к этому свою сестру и соседей. Они организовали поиски по всем возможным укромным местечкам в садах, общались с другими соседями и разместили

объявления в соцсетях, но время шло, и становилось понятно, что нужно принимать более серьезные меры. Донна прочитала все, что можно было найти в Интернете о похожих случаях, и наткнулась на статью о Молли – собаке, которая ищет пропавших кошек. Когда она дозвонилась до меня, я сидел в своем кабинете, а Молли дремала неподалеку. Плачущая Донна сообщила мне всю предысторию и сказала, что очень тревожится, потому что они недавно на новом месте и кошка могла просто потерять дорогу домой. Кроме того, за время поисков она наслушалась ужастиков от сердобольных соседей, например о том, что на кошку могли напасти лисы.

– На самом деле, это большая редкость, – объяснил я, пытаясь успокоить ее, – по моему опыту, кошки и лисы, как правило, уживаются вполне мирно. Они друг другу не соперники, потому редко дерутся, так что вам не стоит об этом думать, пожалуйста, постарайтесь успокоиться.

– Похоже, вы знаете свое дело, Колин, – сказала она с легким австралийским акцентом. – Как вы думаете, что еще нам можно сделать, чтобы найти ее?

И хотя Нортгемптоншир был довольно далеко, а моя правая рука Сэм уехала в ежегодный отпуск, я чувствовал себя обязанным поехать в Аддербери. Эта несчастная женщина вынесла уже слишком много, и я хотел помочь ей и избавить от очередного страдания. В конце концов, именно похожий случай с пропавшим Оскаром побудил меня когда-то обучить собаку для поиска кошек. Теперь у Молли была еще одна возможность найти пропавшую кошку, а у меня – помочь ее хозяйке, которая находилась в очень непростой ситуации. Словом, я чувствовал себя обязанным откликнуться на эту просьбу.

– У меня на завтра еще одно расследование, Донна, но я могу записать вас на среду, если вы не против.

– О, большое вам спасибо, это было бы просто *замечательно*, – ответила она.

* * *

Когда мы с Молли прибыли в Аддербери, небо Нортгемптоншира было затянуто хмурыми серо-белыми облаками, но, к счастью, все они не предвещали дождя. Мы припарковались возле шумного кафе в центре города, которое, судя по множеству голосов с австралийским акцентом (а также слишком легким для англичанина тостам с корицей и яйцам в меню), было любимым местом эмигрантов. Я взял себе латте и немного прохладной воды для Молли и занял один из металлических столиков. Утолив жажду, Молли запрыгнула ко мне на колени, и я приласкал ее, чтобы подбодрить перед

предстоящими поисками. Это помогало нам обоим собраться с мыслями перед тем, как взяться за новое дело. Все наши расследования были для меня одинаково важны – я хотел, чтобы нам удалось помочь каждому нашему клиенту, но сегодня я был настроен еще решительнее, чем обычно. История Донны и ее борьба с раком напомнила мне о том, как мой брат угасал от болезни много лет назад, и мне захотелось помочь ей хотя бы в том, в что было в моих силах.

– Молли, нам очень важно найти сегодня эту беглянку, – сказал я, когда она посмотрела на меня своими большими карими глазами. – Она была взята из приюта, как и ты, и ей нужно вернуться домой к Донне, которая ее очень ждет. Сегодня все зависит от нашей слаженной работы, милая, так что давай постараемся как следует!

Я взял ее лапу в свою руку, но она лишь спокойно посмотрела на меня. «С тобой все в порядке? – казалось, говорила она. – Ты как будто немного не в себе», – и Молли лизнула меня в подбородок – наверное, заметила молочную пену от латте. И тут я заметил, что некоторые посетители кафе уставилось на нас. Как и многие хозяева, я болтал с моим кокер-спаниелем, как будто он был человеком, – вероятно, это выглядело странновато. Кажется, не только Молли подумала, что я слегка спятил.

– Ну же, Молли, – прошептал я, чувствуя, что начинаю краснеть, – я думаю, что пора нам пойти познакомиться с Донной.

На пороге нас встретила высокая кареглазая брюнетка. На ее губах играла милая улыбка. И все же Донна была бледной и хрупкой, но рассказала мне, что хорошо спала этой ночью, ей не снились кошмары про Снагглз и лисиц и она чувствует себя готовой активно участвовать в поисках.

– Но только если вы сами хотите, – сказал я, – просто дайте мне знать, если вам будет тяжело.

Неудивительно, что Донне понравилась Молли – она напомнила ей тех потрясающих австралийских собак-спасателей, – и судя по тому, как они обнимались, я понял, что радость от встречи была взаимной.

– Ах, я так скучала по этому, – вздохнула Донна, обнимая Молли.

Чуть позже моя клиентка устроила нам небольшую экскурсию по красивому центру Аддербери, и когда мы присели на скамейку в парке, я стал расспрашивать Донну о привычках и поведении ее кошки и пытался выяснить детали ее исчезновения. Я предполагал, что Снагглз испытывала тревогу и убежала, но предстояло выяснить, способствовали ли этому внешние обстоятельства (возможно, другая кошка в кустах) или это была

ее реакция на переезд. Выслушав Донну, я начал думать, что имели место обе эти причины. Кошку перевезли в другой город, обстановка переменилась, и вполне возможно, что она почувствовала себя сбитой с толку. Во всяком случае, опыт подсказывал мне, что беглянка не должна была уйти слишком далеко и, вероятно, нашла себе убежище где-то неподалеку.

Сложность была в том, что у нас не было хорошего образца шерсти Снагглз. Донна привезла из Австралии только самое необходимое, так что все лежанки и когтеточки кошки она раздала знакомым. К счастью, у нее была шлейка Снагглз, а на ней – несколько ворсинок шерсти карамельного цвета. Чтобы убедиться, что этого будет достаточно, я решил устроить Молли небольшой тест. Я снял ошейник со шлейки и спрятал его под горшок с растениями во внутреннем дворике Донны. Потом, подождав минут 30, чтобы запах выветрился со двора, я дал Молли понюхать шлейку и выпустил в сад за домом. Она прошлась по лужайке и внутреннему дворику и через 5 минут нашла ошейник, показав мне решительную стойку, как я и надеялся.

– Хорошая девочка, Молли, – сказал я, пока впечатленная Донна с благоговением смотрела на мою умницу-ищейку, – я думаю, это значит, что мы можем начать.

И мы принялись систематически исследовать соседние сады, многие из которых Донна уже по одному разу обыскала вместе со своими друзьями. Большинство соседей были милыми людьми и хотели помочь, за исключением неприятного лысого мужчины с кислым выражением лица. Он жаловался на количество объявлений и потребовал сказать, когда, наконец, будут сняты эти «чертовы плакаты с пропавшими кошками». Он лишь презрительно усмехнулся, когда я сказал ему, что Молли сумела найти многих потерянных кошек («Какой в этом смысл? Скорее всего, она уже мертва»), и отказался пустить нас в свой сад, сославшись на то, что у его жены аллергия на собак. Я видел, что Донна вот-вот расплачется, а это было последнее, чего я хотел, поэтому просто поблагодарил брюзгу за то, что он уделил нам время. Он ушел прежде, чем с моего языка сорвались слова о том, какой он бесчувственный болван.

– Вот мерзавец! – сказал я, качая головой, пока тот все еще топтался на пороге дома.

– Дронго [26], как говорят в Австралии, – добавила Донна.

Следующий дом принадлежал молодому отцу семейства, и он, слава богу, оказался гораздо более сговорчивым. Он провел нас троих через заднюю калитку и через 5 минут появился во внутреннем дворике вместе со своим малышом, одетым в

ползунки.

– Вы ведь не будете против, если мы посмотрим, как вы работаете? – спросил он. – Для одного утра с нас с Итаном довольно Тома и Джерри. Ваша Молли, ищейка, специализирующаяся на кошках, кажется гораздо более интересной.

– Нет, вовсе нет, – ответил я, – но постарайтесь, пожалуйста, не шуметь. Нам не хочется напугать кошку, если она и правда прячется у вас в саду.

– Киса? В саду? – ахнул мальчик. – Я люблю кису! Мя-я-яу!

Во время работы Молли, казалось, всегда чувствовала, когда у нее были зрители, и, как положено хорошему актеру, заигрывала со своей аудиторией. Так было и сейчас, когда, начав поиски, она совершила пару эффектных прыжков вокруг кирпичной стены и театрально обнюхала несколько горшков с растениями. Потом она внезапно остановилась в центре, как будто попала в свет рампы. Она понюхала землю, многозначительно оглянулась на меня, а затем присела в очень знакомой позе. «О боже, нет, Молли, только не здесь!», – подумал я.

– Молли! – прошипел я.

Но было уже слишком поздно.

– А что собачка там делает, папочка? – спросил маленький Итан, когда моя собака бесстыдно оставила коричневую блестящую колбаску на белом гравии. – Она делает ка-ка, папочка! Молли делает ка-ка!

Мне же хотелось провалиться сквозь землю.

– Простите, мне так жаль, – сказал я, побив мировой рекорд в беге на 10 ярдов, чтобы поскорей убрать за Молли. – Молли никогда раньше не делала этого во время поисков. Это совершенно не в ее характере и…

Я посмотрел в сторону патио и понял, что мои извинения остались без внимания. Отец и сын хохотали во все горло, а Донна смеялась так, что ей пришлось прислониться к стене.

– Кому нужны Том и Джерри, когда у нас на собственном заднем дворе такие развлечения? – сказал отец Итана ухмыляясь. – А самое смешное, это выражение вашего лица в тот момент! Неповторимо!

– Ладно, спасибо за понимание, – сказал я, когда озадаченная Молли склонила голову набок, сбитая с толку всей этой шумихой.

Я все еще мучился от смущения, когда мы шли обратно по подъездной дорожке. Молли беззаботно трусила рядом со мной и уже была, наверное, на несколько фунтов легче, а Донна вытирала выступившие от смеха слезы.

– О боже, я уже несколько недель так не смеялась, – сказала она.

– Ну, по крайней мере, вас это позабавило, – сказал я, подняв брови. – Однако я должен заметить, что это довольно неприличное поведение со стороны лучшей в Великобритании собаки-ищейки, специалиста по розыску кошек. Но я все же не мог не рассмеяться.

* * *

Нашим следующим пунктом назначения был довольно старый домишко с облупившейся краской и грязными окнами, который торчал как бельмо на глазу среди более ухоженных собратьев. В неказистом доме дверь нам открыл жилистый мужчина с морщинистым лицом, длинными растрепанными крашеными черными волосами и сигаретой в зубах. Он напомнил мне Ронни Вуда из «The Rolling Stones».

– Без проблем, – сказал он в ответ на просьбу быстренько осмотреть его сад. – Но все же, приятель, это немного запутанно. Я привык торчать в своей берлоге, не на улице, на сад мне плевать.

Молли пристально посмотрела на нашего хозяина, втянула воздух и снова посмотрела на меня. «Что это за странный запах, папа?» – словно спрашивала она. Я улыбнулся про себя, уловив характерный аромат марихуаны. «В другой жизни, Молли, мы бы с тобой обыскали дом этого парня в поисках тайника с наркотиком, – подумал я. – Как меняются времена, а?»

Двойник Ронни Вуда не соврал насчет своего сада. Это было больше похоже на джунгли амазонки, чем на привычный английский садик, и мне пришлось внимательно следить за Молли, которая изо всех сил пыталась пробраться сквозь спутанную траву и годами нестриженные кусты. Казалось, она пыталась пробраться к тисовой изгороди в дальнем конце сада, и, когда ей удалось добраться до нее, она поймала мой взгляд и выполнила стойку.

– Ну что же, Донна, похоже, что ваша красавица была здесь.

– Ты не шутишь, Молли? – спросил я, подходя к ней и разглядывая тисовый кустарник. – У меня плохие новости, здесь все заросло дикой ежевикой, так что я не могу позволить Молли идти дальше.

– О нет, не может быть! – расстроилась Донна.

Пока Молли жевала свои лакомства с сыром Чеддер, я попытался раздвинуть сучковатые ветки, чтобы проверить, нет ли на них каких-то кошачьих следов. К сожалению, битва с тисом была проиграна. Как я и думал, изгородь была непробиваемой, об этом свидетельствовали острые, как шило, шипы, которые кололи

мои руки.

– Ладно, давай попробуем зайти с другой стороны, – сказал я, ведя Молли обратно в сад.

Однако когда мы шагали мимо ветхого сарая местного Ронни Вуда, моя собака снова сделала решительную стойку. Шаткая дверь сарая была приоткрыта, и Молли пулей влетела внутрь, направляясь прямо к сваленным в кучу полосатым садовым подушкам. Верхняя явно совпадала с запахом Снагглз, и, кроме того, она вся была в медово-рыжей кошачьей шерсти.

– О боже, – пробормотала Донна, когда я показал ей улики, – это очень похоже на ее шерсть. Какая у вас умная и замечательная собачка!

В своей неподражаемой манере Молли помогла нам составить маршрут передвижений кошки. Несомненно, она пришла в этот неухоженный сад и обосновалась здесь. Сначала она была под тисовой изгородью, но потом укрылась в сарае. И судя по тому, как активно Молли сделала последнюю стойку, кошка была здесь совсем недавно и запах был еще сильным. Я сразу подумал, что, возможно, мы слишком шумно вели себя в сарае и могли спугнуть беглянку, что только усложнит наши поиски. А потому сказал:

– Донна, я уведу Молли отсюда, а вы посидите одна в саду и очень тихо попытаетесь позвать Снагглз. Это звучит странно, но, скорее всего, она потерялась и напугана, а ваш голос она узнает.

– Я сделаю все что угодно. Только, если честно, Колин, я уже устала, и мне не помешало бы присесть.

Итак, с согласия владельца («Конечно, мэ-э-эм», – протянул он) Донна принесла садовый стул и поставила его под сенью старого грушевого дерева. Когда мы с Молли вышли из сада, я едва слышал ее тихий голос:

– Снагглз, милая, это твоя мамочка. Я так сильно скучаю по тебе. Давай ты выйдешь, и мы поздороваемся?

Полчаса спустя, когда Молли уже с наслаждением носилась по футбольному полю, раздался звонок моего мобильного. Это была Донна. Я глубоко вдохнул и ответил на звонок.

– Вы были правы! – она захлебывалась от радости. – Это сработало! Она пришла! Она здесь!

Узнав новости, я радостно махнул Молли рукой. И кошечка, и хозяйка были уже дома и, по словам Донны, должны были в тот же вечер уютно устроиться перед экраном со старым добрым кино, как они это делали во Фримантле.

– Вот в этом-то все и дело, милая Молли, – сказал я, бросая ее теннисный мяч через стойку футбольных ворот, – вот почему мы любим свою работу.

И снова мое решение воспитать собаку, которая будет помогать в розыске пропавших кошек, оправдало себя. Возможность помочь опечаленным «родителям» найти своих пушистых питомцев в самых сложных ситуациях воодушевляла меня с первого дня, но реальность была намного лучше моих самых смелых мечтаний. Благодаря Молли Донна и Снагглз снова были вместе, и это было самое главное.

* * *

Так случилось, что примерно через неделю мы обнаружили, что ищем еще одного сбежавшего кота, который мог бы назваться эмигрантом – так же, как и кошка Доны, он переехал в другую страну. Это был уличный кот тигровой окраски с голосом, не дававшим уснуть всей улице. Том родился в немецком городе Франкфурте, и от участи бездомного кота его спасла Марселла, бразильянка, медиа-менеджер. Том стал ее любимцем, и его жизни всякий мог бы позавидовать. Хозяйка предлагала ему только лучший рацион – каждый вечер он наслаждался вареной пикшей, которую ему подавали в фарфоровой миске, а перед сном его вычесывали до атласного блеска. Она обожала своего малыша – мениньо, если по-португальски.

В конце 2017 года Марселлу перевели в офис в британском городе Уэртинг. Она была очень взволнована этими переменами и ждала переезда, но, конечно же, не была готова расстаться с Томом на время ее отъезда в Англию. Она решила отказаться от поездки на поезде через Ла-Манш или самолета. Вместо этого она наняла «такси для домашних животных», то есть фирму, которая специализировалась на перевозке кошек и собак, разумеется, вместе с их владельцами. Так она смогла вместе с Томом пересечь Германию, Бельгию, Францию и, конечно, пронестись по Евротоннелю[27]. В Англии Том прекрасно устроился в своем новом доме, Марселла легко привыкла к новой работе, и жизнь, казалось, вошла в привычное русло.

Одним осенним вечером Марселла вернулась домой с работы и обнаружила на коврике у двери записку, написанную от руки. В записке было сказано: «Пожалуйста, зайдите в квартиру 78. Мне кажется, ваш кот попал в беду. Нил».

Нил был единственным соседом, которого здесь знала Марселла, и он сообщил ей ужасную новость – сразу после обеда он увидел Тома, который мчался через дорогу прямо под колеса синего «универсала»[28].

– O meu deus, meu pobre bébé![29] – воскликнула Марселла, закрыв лицо руками. – Он сильно пострадал?! – спросила она.

– Я не уверен, но удар был приличным, и он побежал по подъездной дорожке вон туда, – сказал Нил, указывая на дом

через дорогу. – Я пошел посмотреть, но ничего не нашел. Мне действительно очень жаль.

На следующий день Марселла взяла отгул, чтобы искать Тома поблизости, настроение у нее было ужасное, а поиски не дали результата. А я тем утром занимался новыми цыплятами на ферме, конечно, вместе с Молли, которая внимательно наблюдала за мной. Тогда же раздался звонок от вконец расстроенной бразильянки, которая переживала, что ее кот ранен, и хотела найти его как можно скорее. Это была чрезвычайная ситуация, жизнь Тома, возможно, была в опасности, поэтому запланированная тренировка в Брамбл-Хилл в этот день была отменена.

– Ладно, Молли, мы меняем наши планы. Похоже, мы едем в Уэртинг, – сказал я, запуская последнюю птицу в курятник.

* * *

Перед нашим путешествием на юг мы остановились у моего дома в Крэнли, чтобы взять несколько карт и необходимое оборудование. В тот день Сара работала из дома и встретила нас у двери.

– Я рада, что ты заскочил, – сказала она, и ее глаза блеснули улыбкой, – Молли, дорогая, а для тебя у меня есть симпатичная большая кость…

– Ой, а что она сделала? – спросил я.

Хотя поведение нашей собаки в доме заметно улучшилось, она все еще была вполне способна на озорство. «Как жаль», – говорило выражение морды Молли, когда она взглянула на Сару, потом на меня, потом снова на Сару.

– Ну, как ты помнишь, Колин, я весь день гадала, куда делись мои носки, и, кажется, нашла ответ, – сказала Сара, роясь в кармане кардигана и выуживая оттуда пригоршню шерстяных светлых носков. На некоторых были огромные дыры, а другие выглядели так, как будто их рвали из последних сил.

– Продолжай… – сказал я, и наша четвероногая преступница виновато заскулила и зашаркала лапами.

– Похоже, эта маленькая обезьянка придумала игру под названием «Укради носки у Сары», – сказала она, отчаянно пытаясь подавить смешок.

Теория Сары заключалась в том, что, пока она не видела, Молли тайком стаскивала ее запас носков из корзины для белья или из комода (или с дивана, если их там случайно оставили). А потом она прятала их в самых укромных местах.

– Видишь ли, Колин, сегодня утром я сделала небольшую уборку и обнаружила один носок, засунутый под подушку дивана, другой – за плиту, третий – под матрас в комнате для гостей, а

четвертый – за горшок с цветком.

– Я думаю, что Молли нужно съездить в «Marks & Spencer» купить тебе недостающие, как ты думаешь? – я улыбнулся.

– Думаю, да, – ответила Сара, и ее лицо расплылось в широкой улыбке.

Молли как всегда интуитивно почувствовала, что Сара не сердится. Она завиляла хвостом, подбежала к ней и словно спросила: «Я прощена?» – и, конечно, получила от Сары нежное объятие. Я объяснил Саре, что мы с Молли уезжаем в Уэртинг на вторую половину дня, чтобы заняться поисками Тома.

– Тогда я предлагаю вам взять перчатки, – сказала она, – на побережье может быть очень холодно.

– Хорошая мысль, – ответил я и пошел в гардероб.

Однако стоило мне только взглянуть на свои черные кожаные перчатки, как я расхохотался. Все до единого пальцы были оторваны.

– *Молли!* – воскликнули мы с Сарой хором.

* * *

Во время нашей поездки в Уэртинг, занявшей всего 45 минут, Молли, моя крадущая носки и грызущая перчатки шалунья, спала в своей переноске, а я думал о предстоящем деле. То, что Тома, возможно, сбила машина, значило, что времени в запасе очень мало. В обычных обстоятельствах кошка не смогла бы жить с травмой дольше недели: открытые раны или сломанные кости, например, могли бы загноиться, могло бы наступить обезвоживание, если бы открылось внутреннее кровотечение или поблизости не оказалось бы источника воды. Нам на руку было то, что раненое животное, скорее всего, не забредет слишком далеко, так что вряд ли придется прочесывать большие расстояния.

Многолетний опыт подсказал мне, что, когда кошка попадает в аварию и получает травму, она инстинктивно бежит, чтобы «убежать» от источника боли. В момент шока, подгоняемая выбросом адреналина, она часто спешит в первое безопасное место – в соседний сарай или гараж. У больного кота не было бы возможности прибежать домой, и он фактически оказался бы «запертым» неподалеку от того места, где попал под машину.

Я мог только надеяться, что мои знания в сочетании с непревзойденными навыками Молли помогут нам найти Тома. Мы сделаем все, что в наших силах, тем более что мы с Молли изо дня в день тренировались, чтобы справиться именно с таким сценарием, и я был уверен, что вместе мы найдем выход.

* * *

Мне потребовалось почти полчаса, чтобы успокоить

Марселлу, восклицавшую: «Я не переживу, если он умер!» – и нервно проводившую при этом всякий раз рукой по своим роскошным черным, как смоль, вьющимся волосам. Но как только мне удалось немного ее утешить, она смогла рассказать о чертах характера и привычках Тома, а это, в свою очередь, позволило мне составить общее представление о ее питомце.

Марселла дала мне прекрасный образец шерсти Тома (толстый пучок, собранный с его роскошной бархатной лежанки), который я, как обычно, положил в стерильную банку и принес Молли, терпеливо ждавшую меня в машине в компании своих игрушек. Марселла уже намекала мне, что не очень любит собак – она была закоренелой кошатницей, – но я видел, как она растаяла, когда Молли выпрыгнула из машины и была красива и весела, как всегда.

– Марселла, познакомьтесь с Молли, – сказал я.

– О, какая красавица, – сказала она улыбаясь.

У Молли была уникальная способность разрушать барьеры между владельцами кошек и собак и объединять оба «лагеря». Она умела очаровывать и обезоруживать самых отъявленных циников, этому способствовали ее отличные манеры и добрый нрав, а усиливал эффект тот факт, что она была обучена находить потерявшихся кошек и могла помочь в самой безнадежной ситуации. Мало того, она оказывала чудесное успокаивающее воздействие на таких клиентов, как Марселла, которым, когда они впервые видели этого искрящегося маленького спаниеля, становилось лучше и к ним возвращался утраченный оптимизм.

Я показал Молли запах Тома, и ее частое виляние хвостом подсказало, что это был образец хорошего качества, и мы немедленно приступили к выполнению нашей задачи. В этих непростых обстоятельствах нельзя было терять ни минуты. Время играло против нас, и если мы хотели найти Тома живым, то должны были обойти как можно больше домов поблизости максимально быстро.

Мы с Молли спешно шагали вдоль ряда викторианских особняков, выстроившихся на улице Марселлы. По пути мы общались с любезными местными жителями и просили их открыть ворота в свои сады и гаражи. С лужаек, выходящих на юг, я видел серо-голубое мерцание Ла-Манша, в водах которого вдалеке плыли покачиваясь белые яхты. Легкий морской бриз принес с собой и специфический соленых запах, который, как я надеялся, не отвлечет Молли от цели. Нил из дома номер 78 появился вовремя. Вместе с горсткой любопытных соседей он отвел нас к подъездной дорожке, по которой бежал в то утро Том. Молли нетерпеливо подбежала к краю дорожки, а потом ткнулась

лапой в красную кирпичную стену, повернулась ко всем нам и сделала решительную стойку. Она также издала небольшое фырканье: так она делала, когда хотела убедиться, что запахи и правда совпадают. «Эй, я сравнила запах в банке из-под варенья, – казалось, говорила она. – А теперь можно мне мой пудинг, пожалуйста?»

– Что происходит?! – взвизгнула Марселла.

– Сейчас нам очень важно сохранять спокойствие, – сказал я, – но, похоже, Молли уловила сильный запах в районе этой стены, а возможно, и за ней. Нам нужно попасть внутрь.

Мы обошли дом и вежливо спросили его владельцев, нельзя ли нам обыскать большой гараж на две машины, примыкающий к стене из красного кирпича.

– В этом нет никакого смысла, – прохрипел мужчина, – я уже несколько недель не был в гараже. Он заперт на висячий замок. Кот никак не мог бы туда забраться.

Его жена согласно кивнула.

– Он прав, – пролепетала она, – вы только зря потеряете время.

– В любом случае мне хотелось бы быстренько взглянуть, – сказал я, стараясь не выглядеть слишком раздраженным, – это займет всего две минуты, обещаю.

– Вы что, не поняли? Мой ответ – нет! – фыркнул старик, и входная дверь захлопнулась прямо у нас перед носом.

– Черт! – выругался я себе под нос.

– Идиоты! – прошипела Марселла.

Но, конечно же, мы не могли смириться с отказом. Я спустил Молли с поводка, и она помчалась по саду, перепрыгивая через старые металлические решетки и бросаясь на дверь гаража. Я не очень удивился, когда и здесь она снова сделала стойку.

– Да это просто смешно, – сказал я, направляясь обратно к дому, чтобы еще раз поговорить с Дарби и Джоан – четой, отказавшейся пустить нас в свой гараж. В этот момент я заметил, что на подъездной дорожке остановилась машина, из которой вылез мужчина лет 40 с небольшим в спортивном костюме. Судя по поразительному сходству с отцом, я предположил, что он сын этой пары.

– Э-э-э, я могу вам помочь? – подозрительно спросил он, вероятно, недоумевая, что этот тип, похожий на полицейского, и его черная собака делают во дворе его родителей. Я рассказал ему, кто я такой и чем занимаюсь.

– Честное слово, я здесь не для того, чтобы создавать вам проблемы, – объяснил я, – но моя собака показывает, что в гараже ваших родителей может оказаться кот, которого мы ищем. Они

сказали мне, что не были там уже несколько недель, поэтому не впускают меня.

– Ну, то, что *они* не были в гараже уже несколько недель, это правда, – сказал он, закатывая глаза, – но вчера там был я и провел внутри несколько часов.

– А вы не могли бы раздобыть ключ?

– Ну конечно же… Я пойду спрошу, где он, – сказал он и вернулся через пару минут с ключом в руке.

Как только парень повернул ключ в замке, мы услышали жалобное кошачье мяуканье.

– Том! Том! Mi pequeño bébé![30] – всхлипнула Марселла, когда ее любимец медленно появился из темных глубин гаража. Бедняга ужасно хромал – он сильно повредил заднюю ногу, поэтому я велел своей взволнованной клиентке сесть рядом и приласкать его, пока Нил принесет кошачью переноску. Я быстро осмотрел Тома, отметив, что лапка у него сломана и, что тревожило меня сильнее, глаза были тусклыми и ничего не выражали.

– Вам нужно немедленно отвезти его к ветеринару, – сказал я, молясь, чтобы у Тома хватило сил и выносливости выкарабкаться.

* * *

Две недели спустя я сидел в своем офисе на ферме Брамбл-Хилл с Молли на коленях, готовясь сделать пару телефонных звонков. Во-первых, Донне – я хотел, прежде всего, справиться о ее здоровье, но мне еще очень важно было узнать, как поживает ее кошечка.

– Добрый день, Колин, рада вас слышать! – сказала она. – Снагглз прекрасно, спасибо. Очень счастлива, по-настоящему обжилась и, слава богу, больше не ходит к дому Ронни Вуда.

– А как *вы* себя чувствуете, Донна?

– Я иду на поправку. Медленно, но верно, мне кажется, что худшее позади. Только надо постучать по дереву.

– Это чудесная новость!

– Знаете, кошачья терапия помогла мне выздороветь, – сказала она. – Клянусь, моя милая кошка помогла мне пройти через все это. Именно она. Моя сестра говорит, что мы должны быть ей за это благодарны. Затем она посерьезнела и сказала, – Вы, ребята, были просто невероятны. Еще раз крепко обнимите Молли от меня, ладно?

– Конечно, Донна, – ответил я, – и вы обнимите от меня Снагглз.

Мой следующий телефонный разговор был с Марселлой. Том попал к ветеринару в очень плохом состоянии, первые 24 часа вопрос стоял о жизни и смерти, но ему успешно сделали

операцию на задней левой лапе, которая действительно была сломана.

– Ну, и как поживает малыш? – спросил я.

– Лапа должна быть в шине в течение следующих нескольких месяцев, что его, конечно, не очень радует, но в остальном у него все в порядке.

– Я так рад за вас, Марселла.

– Без вас и Молли его бы уже не было, Колин, – добавила она дрожащим голосом, – и я никогда, никогда не забуду, что вы для нас сделали.

Молли пристально посмотрела на меня, и я слегка пощекотал ей подбородок.

– Это была наша общая радость, Марселла, – я улыбнулся.

Я положил трубку и откинулся в своем кресле. Когда я это сделал, старая кожа заскрипела, заставив Молли приподнять левую бровь и слегка наклонить голову в сторону.

«Мы куда-нибудь идем, папа?»

Я откинулся назад и задумался о звонке от Сьюзи, на который ответил много лет назад, когда она страдала из-за сбежавшего кота Оскара, и вспомнил обещание, которое я дал себе в тот день о воспитании собаки, которая будет помогать в поисках кошек. Из любопытства я достал из ящика стола свой старый дневник и пролистал его пожелтевшие страницы.

– Неужели, Молли! – воскликнул я, когда наконец нашел точную дату. На полях дневника было написано «Сьюзи и Оскар, Восточный Меон», – Целых 5 лет назад! Полдесятилетия назад. Я просто не могу в это поверить.

Молли облизала мою руку – она всегда так делала, когда хотела позвать меня на прогулку, – и пристально посмотрела на меня: «Ну что, папа, мы идем гулять?»

– Да, мы идем гулять, дорогая.

Я улыбнулся, закрыл дневник и положил его обратно в ящик стола.

– Сейчас мы сядем в машину, поедем в Уэст-Уиттеринг и хорошенько поиграем на пляже. Хочешь?

Умная маленькая Молли наблюдала за мной и видела, как я киваю головой, и слышала, как я произносил слова «пляж» и «игра». Она вскочила с кровати, прыгнула ко мне на колени и начала покрывать поцелуями мое лицо.

– Принимаю это за согласие, – сказал я и улыбнулся.

Брикстонский беглец

Многие из наших поисков пропавших животных проходили в Лондоне, и всякий раз, когда мы с Молли приезжали в столицу, это становилось волнующим событием. Куда бы мы ни пошли – в Сент-Джеймс парк на пробежку или в магазины для собак, чтобы купить игрушки, – Молли не оставалась незамеченной. Прохожие и продавцы в магазинах всегда уделяли ей много внимания. Сначала я думал, что они тянутся к ней просто потому, что она такая милая и знаменитая, но потом понял, что моя умнейшая собака их почти гипнотизирует. Она часто смотрела прохожим прямо в глаза, и, конечно, это их притягивало. Почти никто не мог удержаться, чтобы не остановиться и не погладить ее, стоило ей только пронзительно посмотреть своими большими карими глазами. Особенно ее обожали американские туристы. «О боже, какая красивая собака!» – говорили они, присаживаясь на корточки, чтобы сделать селфи с Молли, а заодно с Биг-Беном или Тауэрским мостом на заднем плане.

Мы объездили весь город, чтобы найти потерянных домашних животных, чаще кошек – от чрезмерно любопытной полосатой, которую мы нашли запертой в пустом доме в Гринвиче, до робкой милой крошки, найденной в двигателе брошенного фургона в Кэмдене. А еще была старая черепаха, которую мы нашли в мусорном баке в Баттерси, и русский голубой котенок, спрятавшийся в котельной в Вестминстере.

Одно дело в северо-западном Лондоне привело нас к удивительному и неожиданному результату. Супружеская чета средних лет позвонила мне по поводу их потерявшейся собаки, паттердейл-терьера по кличке Кола, который однажды днем пропал из дома в Хэмпстеде. Выяснилось, что целый день в доме работала компания по вывозу мусора (владельцы Тревор и Памела временно выехали, пока там велись какие-то серьезные ремонтные работы), а их собака выскочила через парадную дверь и помчалась в сторону Хэмпстед-Хита. «Мы полагаем, он сбежал в попытке поймать очередную лису, – сказал Тревор. – По-видимому, это в его характере, все-таки охотничий дух невозможно искоренить».

Все это звучало вполне правдоподобно, я уже сталкивался с паттердейл-терьерами и знал черты их характера и склонности. Скорее, тип, чем порода, они изначально были выращены мастерами охоты, чтобы выслеживать лис в дикой местности Озерного края. Но после того как охота на лис была запрещена в 2004 году, паттердейл перестал быть рабочей собакой и из-за

непростого характера стал не частым выбором владельцев. Те, кто все-таки брал их – как Тревор и Памела, – вскоре понимали, что охота на лис все еще остается второй натурой этих собак, хотя теперь они и реализуют свой инстинкт в местных парках и лесах.

В этот раз Кола пропал больше чем на сутки, и все боялись, что он попал в обвалившуюся лисью нору или капкан. Я уже встречался с тем, что терьеры застревали в лисьих и барсучьих норах, для меня это не было редкостью.

– Если бы вы дали своей собаке образец запаха Колы, как думаете, она смогла бы его выследить? – спросил Тревор во время нашего первого телефонного разговора.

Я объяснил ему, что Молли, хотя и обучена в основном как собака для поиска кошек, на самом деле уже успешно участвовала и в поисках пропавших собак, и привел в пример Баффи и Ньютона.

– Хотя я не могу дать вам никаких гарантий, мы, конечно, можем попробовать, – сказал я, соглашаясь приехать к нему на следующий день.

Тревор и его жена жили в большом доме в окружении таких же дорогих особняков, некоторые из которых, как он сказал мне, принадлежали знаменитостям из списка «А» и дипломатическим работникам. Когда мы с Молли шли по зеленым улицам Хэмпстеда, я начал понимать, почему иметь местный почтовый индекс было заветной мечтой многих британцев. В какой-то момент мы остановились, чтобы полюбоваться особенно величественным особняком из красного кирпича. Охранник, который заметил нас на камерах видеонаблюдения, тут же потребовал предъявить документы. Похоже, мы решили послоняться возле резиденции малазийского посла, в которую не так давно проник взломщик, отсюда и бдительность этого парня. В конце концов он позволил нам продолжить наш путь, но прежде уделил недюжинное внимание Молли.

– Несколько лет назад я работал со спаниелями-ищейками, – он улыбнулся, когда Молли положила лапу ему на ногу, – самые восхитительные собаки. Обожаю их. Может, поменяемся местами?

– Да уж, пожалуй, нет, – сказал я смеясь.

Когда мы подошли к Хэмпстед-Хит, Тревор объяснил, что провел все утро, выискивая лисьи норы по всей округе. Я обнаружил, что их было несколько десятков, начиная от логовищ, вырытых под поленницами дров, и кончая небольшими земляными норками. Для лисицы было вполне обычным делом рыть длинные норы со множеством подземных ходов, по которым потом они перемещались со своими детенышами в поисках тепла и избегая хищников. Тревор подсчитал, что в это время года здесь

обитает около пяти самок лис, а значит, потенциально здесь может быть до сорока нор.

– Да у вас тут полно работы, мисс, – сказал я Молли, когда она взволнованно вдохнула аромат Колы из банки из-под варенья.

Затем я позволил ей «побегать носом» (по сути, это значило для нее полную свободу действий без заданного мной направления). Так мы переходили от одной лисьей берлоги к другой как можно тише, чтобы не потревожить никого из ее обитателей. Молли была обучена быть незаметной – она была невероятно осторожна во время поисков и делала это блестяще.

Три часа спустя, когда небо потемнело и воздухе появилась влажность, мы все еще не нашли никаких признаков Колы. Время шло, а Молли продолжала тщетные поиски, и я начал подозревать, что собака Тревора забрела еще дальше.

– Может быть, какая-нибудь лисица заманила Колу подальше от этого места, например, чтобы отогнать его от своих детенышей, – предположил я, зная, что так случается довольно часто. – Давайте подождем еще минут 20, а потом, боюсь, нам придется заканчивать поиски.

– Да, я все прекрасно понимаю, Колин, – уныло согласился Тревор.

Мы подошли к небольшой поляне, покрытой ковром из листьев, веток и грибов и над которой нависла тень кроны старого каштана. Вдруг Молли рванулась вперед, разбрасывая на своем пути ветки и грибы-поганки, а потом вдруг замерла и сразу же бросилась к нам. Дойдя до дерева, она остановилась как вкопанная, развернулась и посмотрела мне прямо в глаза. За последний год я научился читать язык тела и поведения Молли так же, как и она изучила меня. Обычно мы понимали друг друга без слов, потому что я инстинктивно улавливал то, что она хотела мне сказать. Судя по тому, что я мог понять на это раз, она указывала на то, что столкнулась со странным, сбивающим ее с толку запахом, в котором она не была полностью уверена. «Я кое-что обнаружила, но это не запах цели… Что ты хочешь, чтобы я сделала, папа?»

– Что ты нашла, девочка? Покажи мне, – сказал я, подходя поближе, чтобы посмотреть в чем дело. Но, кроме плотного ковра из листьев, я не увидел ничего необычного – там не было никаких животных или предметов, которые могли бы ее заинтересовать, поэтому я решил отозвать Молли. Однако как раз в тот момент, когда я собирался дать ей команду, она начала яростно копать, разгребая землю вокруг себя и зарываясь носом в получившуюся ямку. Внезапно я увидел, как она тянет что-то зубами – это оказался синий бархатный мешочек размером с небольшую

бутылку. Мешочек был покрыт толстым слоем земли и грязи. Сумев вытащить его, Молли разжала челюсти и бросила свою находку, в тот же миг из мешочка к моим ногам выкатилось несколько блестящих звенящих камушков.

– О боже мой! – Тревор рассмеялся и обвел взглядом сверкающую груду ожерелий, колец и браслетов. – Ваша собака нашла драгоценности Короны!

Я дал Молли маленький кусочек лакомства (она умоляюще смотрела на меня, явно ожидая награды за свои усилия), а затем велел ей лечь, пока я буду искать дальше. Я опустился на колени, заглянул в дыру и принялся углублять ее и проверять, нет ли здесь еще чего-то важного. Через 2 минуты я откопал остатки двух деревянных шкатулок для драгоценностей, устланных внутри шелком. Шкатулки были настолько старые, что почти рассыпались, когда я осторожно поднял их с земли. Любопытствующая морда Молли ткнулась мне в локоть. Она внимательно смотрела, как я открываю шкатулки одну за другой и достаю оттуда несколько золотых цепочек и жемчужных ожерелий, а также сережек, брошей и запонок. Особенно бросилось в глаза красивое старинное кольцо, усыпанное крошечными бриллиантами и рубинами.

– Ты только посмотри на это, Молли! – сказал я, когда драгоценные камни чистой воды блеснули в ярком солнечном свете. – У кого-то пропали редкие драгоценности.

Я аккуратно положил нашу находку в маленький пакет (я всегда держал его в кармане пояса своего служебного ремня) и надежно завязал его узлом. Я понял, что Молли больше ничего не сможет сейчас сделать, и нам пришлось неохотно проститься с Тревором.

– Мне очень жаль, что мы не смогли вам помочь, – сказал я, пожимая ему руку, – но, пожалуйста, держите меня в курсе. Я уверен, что Кола в какой-то момент вернется. И если вы найдете еще какие-нибудь лисьи норы в этом районе, не стесняйтесь звонить мне, и мы с Молли с удовольствием вернемся.

– Это очень любезно с вашей стороны, – ответил он, – и я искренне ценю все, что вы оба сделали сегодня, хотя этот маленький негодяй так и не нашелся.

Моя милая трогательная собака подошла ближе, прислонилась к ноге Тревора и тихонько заскулила, как будто понимала боль, которую он испытывал. Хотя я был ужасно разочарован тем, что мы не нашли собаку, я был удовлетворен, как и Тревор, потому что мы сделали все, что могли в этой ситуации. Молли обыскала каждую лисью нору, а это означало, что наш клиент, по крайней мере, смог вернуться домой, зная,

что все поблизости тщательно проверено и что он все еще может надеяться, что его собака еще жива, хотя, возможно, искать ее надо далеко отсюда.

* * *

На следующее утро в Брамбл-Хилл Сэм тщательно вымыла и отполировала драгоценности под краном на кухне и положила их сушиться на доску для посуды. При ближайшем рассмотрении выяснилось, что половина добычи Молли состояла из весьма ценных старинных украшений из золота и серебра (некоторые украшены бриллиантами, рубинами и полудрагоценными камнями), а остальное оказалось просто массивной и кричащей по дизайну бижутерией.

– Как ты думаешь, сколько все это может стоить? – спросила Сэм, примеряя жемчужное колье, пока Молли сновала по кухне.

– Трудно сказать, – пожал я плечами. – Надеюсь, мне удастся выяснить, кому это принадлежит. Но если драгоценные камни – действительно бриллианты и рубины, то их стоимость должна быть больше 10 000 фунтов.

В течение следующих нескольких дней я связался со множеством разных людей, пытаясь найти законного владельца драгоценностей. Прежде всего, с резиденцией посла Малайзии, помня о том, что сказал мне охранник из Хэмпстеда по поводу недавнего вторжения. Вдруг находка Молли – это часть украденной добычи? Может быть, они зарыли эти сокровища в лесу, чтобы вернуться за ними? Вдруг это у жены посла пропали любимые драгоценности? К сожалению, однако, работники посольства не посчитали нужным ответить на мои многочисленные письма и звонки, так что я решил, что мое первое предположение было ошибочным.

Затем я связался с лондонской полицией, но констебль сказал мне, что нет никакого смысла приносить находку в полицейский участок. Не было никакой возможности узнать, как долго драгоценности лежали спрятанными под землей, – и я не знал наверняка, что они были украдены, – так что потребуется слишком много времени, чтобы проверить все старые отчеты о преступлениях.

– Лучшее, что мы можем сделать, это подержать их некоторое время и попытаться найти владельца, – беззаботно сказал он. – Если никто не предъявит на них права, вы сможете оставить все себе.

Я понял, что у них попросту не хватает людей, чтобы заниматься таким делом, ведь когда-то и сам служил в полиции. Но я был уверен, что я и мои коллеги хотя бы попросили нашедшего принести драгоценности в участок для проверки.

Несмотря на это, мои поиски продолжались, и я поместил фотографии некоторых украшений в местных газетах и на сайтах. В ответ я получил несколько запросов, но они были в основном голословными, и никто не смог подтвердить право собственности.

Мы с Сэм договорились отправить драгоценности в местный магазин подержанных ювелирных изделий. Продавец согласился оставить их у себя до тех пор, пока владелец не объявится.

– Итак, выходит, Молли, все эти побрякушки принадлежат тебе, – ухмыльнулся я, примерив на Молли изящную диадему и попытавшись примостить ее между висячими ушами. – Ищейка и хранитель одновременно, каково, а?

Как раз когда Сэм фотографировала Молли, принимающую величественную позу с диадемой на гладкой голове, зазвонил мой телефон. Это был Тревор с чудесной новостью о том, что Кола вернулся домой. Вылазка в Хэмпстед-Хит совершенно вымотала его, и он по самые уши извозился в песке и земле, но был здоров.

– Ну и денек у меня выдался, Тревор… – сказал я, услышав возбужденное тявканье терьера.

* * *

В декабре 2017 года я снова оказался в столице и, конечно, снова со своей верной спутницей. Мы согласились взяться за поиски в южном лондонском районе Брикстон[31]. Пропавший кот, британский короткошерстный рыжевато-золотистый с мармеладным оттенком по кличке Колумб, принадлежал девочке-подростку Харриет. Кроме них в доме жили родители Харриет и еще 4 кошки. Хозяева рассказали, что однажды утром отец Харриет Кеннет должен был отвезти Колумба к местному ветеринару. Обычный визит, плановый осмотр. Сама Харриет в то утро сдавала в колледже пробный экзамен, поэтому ехать пришлось отцу. Однако, поскольку это был прекрасный морозный и солнечный зимний день, Кеннет решил пойти в клинику пешком. Он усадил сопротивляющегося Колумба в старенькую парусиновую тележку для домашних животных и пошел кратчайшим путем через местный парк, обходя замерзшие лужи и протискиваясь мимо покрытых инеем хвойных деревьев, нависавших над тропинкой. Затем он вышел из ворот парка на Хай-стрит и переложил кошачью тележку в правую руку – Колумб был здоровенным котом, и везти его было нелегко. Как только Кеннет подошел к раздвижной двери клиники, оттуда выскочил молодой человек, отчаянно цепляясь за поводок, привязанный к большому лающему английскому сеттеру. Встревоженный и взволнованный, пес бросил один единственный взгляд на кошачью переноску и, рыча, с силой ткнулся мордой в сетчатую

стенку переноски. Бедный Колумб, должно быть, оторопел от страха.

– Следите за своей неуправляемой собакой, ладно?! – гневно крикнул Кеннет, торопливо направляясь ко входу. Но стоило ему сделать еще шаг, как правая лапа Колумба внезапно вылезла из сетки. В мгновение ока кот прорвал огромную дыру, протиснулся сквозь нее и умчался прочь. Кеннет выронил кошачью тележку и бросился в погоню, но тут же увидел, как Колумб исчезает за 10-футовой стеной. Несмотря на усилия некоторых услужливых прохожих, кота нигде удалось найти.

Харриет узнала о плохой новости в тот же день и очень тяжело перенесла ее. Девушка была вне себя от горя, боясь, что никогда больше не увидит своего дорогого котика.

– Я же говорила тебе, что переноска уже старая и вот-вот порвется, папа, и что нам нужно купить новую! – кричала она, сжимая в руках любимый пледик Колумба. – Ты меня не послушал, а теперь посмотри, что случилось. Это все *твоя* вина, и Колумб, вероятно, *мертв*, и Рождество будет *испорчено*!

Когда заплаканная Харриет бросилась наверх в свою спальню, жена Кеннета Салли попыталась его утешить.

– Она вовсе не это имела в виду, милый. Она просто в шоке. Дай ей время, и она скоро придет в себя.

* * *

Харриет в конце концов успокоилась – она робко извинилась перед отцом, и следующие два дня они оба прочесывали оживленные улицы Брикстона, выкрикивая имя Колумба, пока не охрипли, и раздавая наспех отпечатанные листовки «ПРОПАЛ КОТ». К сожалению, никаких свидетелей, видевших Колумба, они не нашли, кот как сквозь землю провалился. Поэтому на следующее утро мне позвонила измученная Харриет – она нашла в Интернете статью о парне-детективе с собакой.

Харриет повезло. Мы с Молли только что закончили 2-часовую тренировку, я как раз шел к Сэм, когда раздался звонок. Услышав историю, я понял, что за дело с беглецом из Брикстона мы могли бы с легкостью взяться и рассчитывать на успех, но были два фактора, усложняющих картину происшествия. Во-первых, район поисков был густонаселен и плотно застроен, и, конечно, там было бесчисленное количество посторонних запахов, которые могли бы помешать Молли. Городские поиски, как правило, были более сложными и отнимали больше времени, чем такая же работа в сельской местности, поэтому найти пропавшую кошку в Девоне было бы куда проще, чем в столичном Брикстоне. Во-вторых, сложность была связана с тем, что, кроме Колумба, в доме жило еще четверо его «братьев и сестер», и я мог

не получить чистого образца его собственного запаха.

– Я ненадолго, милая, – сказал я Молли, подъезжая к викторианскому красно-кирпичному дому Харриет.

Наше путешествие в город заняло полтора часа, и Молли уже хотела начать работу, но я, как всегда, прежде должен был поговорить с клиентами о деталях дела и получить хороший клочок шерсти Колумба. Харриет оказалась высокой, крепкого телосложения девушкой с копной каштановых волос, заплетенных в густую косу. Она рассказала мне, что кот живет у нее с тех пор, как был котенком, и, поскольку он постоянно куда-то пропадал, она назвала его Колумбом. Колумб – кот не робкого десятка («Он настоящий крепыш», – сказала Харриет) и, судя по всему, обладает большой уверенностью в себе и сильным характером.

– О, никто не связывается с Колумбом, – сказала Харриет. – Другие мои кошки часто страдают от его неуживчивости. Он просто *не переносит*, когда они крадут у него еду, а аппетит у него, надо сказать, отменный.

Она еще рассказала мне, что он ненавидел ходить к ветеринару и что это, возможно, объясняет причину его побега. Неблизкий путь по ухабистой мерзлой дороге в хлипкой тележке, возможно, напугал кота еще больше. Потом, оказавшись рядом с клиникой, он, конечно, вспомнил эти запахи, и все это в сочетании с непрошенным вторжением собаки стало последней каплей в чаше терпения Колумба и побудило его броситься прочь.

20 минут спустя наша четверка – отец, дочь, Молли и я – отправилась на поиски Колумба. Все мы были одеты в толстые теплые куртки, чтобы не замерзнуть в этот зимний день. Как я и предполагал, из-за количества людей в этом районе поиски станут непростыми. Эта часть Брикстона представляла собой крайне плотную жилую застройку, где большинство магазинов и домов имели внутренние дворики, хозяйственные постройки или и то, и другое вместе. В окрестностях было несколько шумных парков, которые, вероятно, тоже нужно было проверить, а на заднем плане маячил огромный железнодорожный мост, под которым дюжина или около того арок были заняты множеством предприятий.

Прежде всего мы направились в ветеринарную клинику, чтобы изучить маршрут побега Колумба («Какой ловкий кот», – сказал я, заметив внушительную стену, через которую он, по всей видимости, перелез), и решили заглянуть в дом, который примыкал к ней. У меня были некоторые опасения насчет того, пустят ли нас, ведь по сравнению с деревенскими жителями лондонцы, как правило, были более скрытными и подозрительными, особенно если возле их двери появлялся

мужчина, одетый в униформу, и с собакой-ищейкой на поводке. Впрочем, мне не стоило беспокоиться, поскольку большинство лавочников и домовладельцев, с которыми я столкнулся в тот день, были чрезвычайно любезны и искренне хотели помочь.

Такими были и сотрудники дома престарелых, расположенного в красивом здании из красного кирпича, куда мы заглянули примерно через 2 часа после начала наших поисков. Мы шли по подъездной дорожке, а, надо сказать, до сих пор Молли не принюхивалась, но, без сомнения, еще помнила запах Колумба, потому мне так хотелось попасть на территорию. Мне удалось подкараулить старшую медсестру, которая как раз заканчивала свою смену, и, на нашу удачу, она оказалась заядлой кошатницей. На ее лице отразилось искреннее сожаление, когда мы с Харриет рассказали ей об исчезновении Колумба.

– О, это так печально, – сказала она с мягким южноирландским акцентом. – Давайте встретимся у задней стены здания, и я пропущу вас через ворота. Я вообще-то не должна этого делать, но в данных обстоятельствах…

Кеннет и Харриет остались снаружи, а мы с Молли принялись обыскивать садик приюта для престарелых. В таких районах, как Брикстон, зелени часто не хватает, но это место было похоже на маленький оазис в каменных джунглях. Три четверти его занимала большая квадратная лужайка с различными фигурками, кашпо и фонтанами. В задней его части находился большой участок земли, отданный под грядки, здесь росли брокколи, капуста, лук и пастернак.

– Пациенты любят сидеть здесь, особенно когда светит солнце, – сказала медсестра, указывая на кованые железные стулья, расставленные по периметру. – Им нравится смотреть на сад…

– …А еще мы любим суп из того, что выросло на собственной грядке, – прозвенел тонкий голос позади нас.

Я обернулся и увидел крошечную седовласую женщину в шерстяном фиолетовом пальто и таком же берете. Очки в черной оправе с толстыми линзами выделялись на ее лице, придавая почти карикатурный вид.

– Я Грейси, – сказала она улыбаясь и протянула мне дрожащую руку. – Я увидела вашу очаровательную маленькую собачку из окон оранжереи и не могла не выйти поздороваться.

Дама спросила, можно ли ей погладить Молли, и воспользовалась случаем, чтобы рассказать мне о кошках, собаках и волнистых попугайчиках, которые были у нее раньше. К ее большому огорчению, в доме престарелых нельзя было держать домашних животных, но она рассказала мне, что даже здесь

старалась быть ближе к природе и регулярно наполняла купальни для птиц свежей водой, особенно в холодное время года, и прокрадывалась в сад каждый вечер, чтобы накормить кошачьим или собачьим кормом местных ежей, лис и иногда бродячих котов. «Кошачий корм? – подумал я про себя. – Чем скорее мы обыщем этот сад, тем лучше…»

Пока что Молли была так же терпелива, как и всегда, слава богу, и после нескольких минут добродушной суеты и ласки со стороны старой леди я почувствовал, что ей, как и мне, не терпится продолжить наши поиски.

– Мне было очень приятно поболтать с вами, Грейси, – сказал я, – но, боюсь, нам придется расстаться.

– Конечно, – сказала она. – Желаю вам всего наилучшего. Я очень надеюсь, что Колумб найдется, – цепляясь за руку медсестры для дополнительной поддержки, она заковыляла обратно к дому.

Я снова дал Молли образец запаха, просто чтобы освежить ее память. Она устремилась в дальний конец сада и, лихорадочно обнюхав дыру в заборе, сделала уверенную стойку. Когда я подошел ближе, то смог даже разглядеть отдельные пряди рыжеватых клочков шерсти, зацепившихся за края дырки в заборе. Я думаю, мы можем с уверенностью сказать, что Колумб был здесь.

– Блестящая работа, Молли, – сказал я, когда она взяла с моей ладони несколько кусочков своего наградного пудинга.

* * *

Кеннет и Харриет, конечно, были в восторге от такого развития событий, и почти сразу мы вернулись к ним домой, чтобы все спокойно обсудить. Я предположил, что Колумб, вероятно, уже побывал в садике у дома престарелых, где он пил свежую воду из купальни для птиц, и, явно будучи голодным, не отказался полакомиться кошачьем кормом, который Грейси имела обыкновение оставлять в саду для ежей и другой живности. Я полагал, что он совершил свою вылазку поздно ночью, возможно, ожидая, пока в доме престарелых все затихнет на ночь, прежде чем вернуться в укрытие, которое было, возможно, в ближайшей арке.

Ночью сидеть в засаде в доме престарелых было бы невозможно, к сожалению, Молли работала уже чуть больше 6 часов – ее максимум на рабочий день, – заставлять ее работать дольше значило бы переутомить ее. В качестве альтернативы я решил установить несколько высокотехнологичных камер ночного видения на территории садика дома престарелых. Они будут подключены к моему ноутбуку, так что, когда я вернусь

домой, я буду отсматривать происходящее и смогу предупредить своих клиентов в случае необходимости (они жили всего в 200 ярдах, поэтому могли бы оказаться там быстро, если это станет необходимо). Одна камера будет нацелена на стратегически важную точку – блюдо с сухим кормом, который, как я надеялся, будет верным способом выманить голодного Колумба. Я всегда носил с собой немного этого корма, я называл его «кошачьей икрой», потому что кошки этот корм обожали и чувствовали его запах издалека.

Составив такой план, я вернулся в дом престарелых, чтобы поговорить с медсестрой, которая любезно пустила нас на территорию в первый раз и позже снова, чтобы я смог разместить камеры. Я случайно заметил Грейси, сидящую в общей гостиной с телевизором, где передавали трансляцию традиционной передачи канала BBC «Mary Berry's Christmas Party», и, заметив меня, она подошла поболтать. Грейси удивилась, снова увидев меня здесь:

– Вы уже нашли кота?

– Пока нет, – ответил я, – но у меня есть веские основания полагать, что он побывал в вашем саду, может быть, даже угостился вашим кошачьим кормом.

– Неужели?

– Да, похоже так.

Затем я рассказал подробнее, как проходит операция «Колумб», и добавил, что в дополнение к камерам нам бы не помешала пара глаз.

– Как думаете, Грейси, вы смогли бы мне в этом помочь? – спросил я. – Все, что вам нужно сделать, это внимательно следить за садом, как вы обычно и делаете, и связаться по телефону с владельцами Колумба, если вдруг увидите его. Вы бы нам очень помогли.

– Вы просите меня помочь?

– Да, с этой минуты считайте себя частью «Команды Молли» на этот вечер.

Я был несколько ошарашен, увидев, как ее глаза наполнились слезами.

– Как мило с вашей стороны меня об этом попросить, – сказала она, похлопав меня по плечу. – Для разнообразия приятно почувствовать себя нужной. Боюсь, когда тебе уже за 90, начинаешь чувствовать себя немного невидимкой.

«Какая прелестная леди», – подумал я, возвращаясь к машине.

* * *

Примерно без четверти десять того же вечера усталый и голодный рыжий кот прокрался через дыру в заборе, подошел к мисочке с угощением и жадно принялся поглощать лакомые

кусочки. В это же самое время пожилая дама, сидевшая у окна своей спальни, прищурившись, смотрела сквозь очки в массивной черной оправе на движущуюся в темноте четвероногую фигурку. Она издала негромкое радостное восклицание и поспешно набрала номер, записанный на листке почтовой бумаги, который она весь вечер сжимала в руке, словно боясь потерять. Через 2 минуты после звонка Колумб уже был в объятиях своей радостной хозяйки. Еще одно дело обрело свой счастливый конец.

Я был искренне рад за Харриет. Все, о чем она мечтала на Рождество – чтобы Колумб вернулся, и ее желание сбылось. Я не мог не порадоваться за Грейси, ведь все, чего она хотела – быть кому-то нужной. И нам удалось ей в этом помочь.

* * *

На следующий день мы с Молли вернулись в Брикстон. Первым пунктом нашего путешествия был дом Кеннета, где рядом с огромной мерцающей рождественской елкой мы нашли Харриет и Колумба, свернувшихся калачиком на диване. Мечтательное выражение лица этой милой девушки говорило само за себя.

– По-моему, мурлыкает не только кот, – ухмыльнулся Кеннет. – Она почти не отходила от него. Колумб нашелся, и нам не пришлось отменять Рождество. Огромное спасибо вам с Молли!

Выйдя от Кеннета, мы заглянули в дом престарелых, чтобы забрать мои камеры. Нас с Молли пропустила через садовую калитку та же дружелюбная ирландская медсестра, которая была очень рада, что Колумб нашелся, и рассказала, что Грейси, которая сейчас отдыхала после обеда, была взволнована не меньше.

– Я так рада, что снова вас увидела, Мистер Бутчер, потому что хотела лично поблагодарить за то, что вы были так добры к Грейси, – сказала она. – Она очень умная женщина, и мне кажется, что иногда ей здесь бывает немного скучно. Но сегодня утром она за завтраком выглядела очень счастливой, все время улыбалась. Она не могла не рассказать всем здесь, что участвовала в операции «Колумб» и помогла вернуть кота домой.

– Как же приятно это слышать, – я улыбнулся. – Тогда, не могли бы вы обещать передать ей вот это? – я вынул из бумажника фотографию Молли и достал из кармана шариковую ручку. «Для Грейси, – написал я. – Мы не смогли бы сделать этого без вас. С наилучшими пожеланиями, Команда Молли».

К тому времени как я убрал все свои камеры, уже начали сгущаться сумерки. Затянутое тучами небо приобрело темно-серый оттенок – было похоже, что пойдет снег. Я задумался, и холодный ветерок начал дуть в спину. Мне совсем не улыбалась

перспектива провести несколько часов в вечерних пробках, поэтому я решил за 5 минут доехать до Клэпхем Коммон. Я мог бы скоротать некоторое время в своем любимом парке южного Лондона, я не был там уже давно, а Молли точно будет рада небольшой разминке перед возвращением домой. И только когда я припарковался на своем обычном месте, возле красивой церкви Святой Троицы с ее характерной белой башней, я понял, что здесь уже во всю готовятся встречать Рождество.

«ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В СКАЗКУ!» – пестрели плакаты на всех стволах деревьев и фонарных столбах, мимо которых мы проходили. Каждый год в декабре это место превращалось в праздничный тематический парк. Лидо превращался в ледовый каток, в шатре размещался цирк, а в остальной части парка шумела рождественская ярмарка с ее угощениями и аттракционами. Было так приятно видеть счастливые семьи, влюбленных и группки щебечущих школьников и школьниц, всех их объединяло предвкушение праздника.

– Ну, Молли, это же совсем другое дело, – сказал я, надевая на нее ярко-красную тренировочную шлейку с маленьким синим огоньком. – Пошли, найдем место для игры.

Мы прошли немного дальше по полю через довольно густые заросли подальше от толпы. Наконец добрались до поляны, где провели добрых 40 минут, играя в перетягивание каната, которым нам послужили старые носки. Время от времени я позволял Молли выиграть нашу схватку, и она победно кружилась, зажав в зубах трофейные носки. Затем она возвращалась ко мне и делала еще один круг.

Когда Молли подустала, а я почувствовал приступ голода, я снова взял ее на поводок и пошел обратно к шумному Винтервиллю. Я направился к ресторану в стиле немецкого шале – официанты там были одеты в веселые костюмы эльфов – и заказал себе горячий шоколад, сосиски и немного воды для Молли. Я заметил, что главный эльф подавил смешок, когда вручал нам еду, без сомнения, забавляясь видом забрызганного грязью человека и его покрытой коркой грязи собаки, облепленной мокрыми ветками и листьями.

Я в изнеможении плюхнулся на ближайшую скамейку. Мгновение спустя Молли вскочила, придвинулась ближе и задумчиво уставилась на меня своими большими карими глазами, когда я откусывал кусочек хот-дога.

– Даже не надейтесь, мисс, вы уже получили свое угощение, – сказал я, и мои слова вызвали жалобное поскуливание и широкий зевок. Она забралась ко мне на колени, лизнула в щеку и нежно положила свою лапу мне на руку. Несколько минут я сидел там,

наблюдая, как лондонское колесо обозрения медленно вращается в темнеющем небе, слушая веселую болтовню между семьями и друзьями и вдыхая аромат глинтвейна и пирожков с мясом. Все это время по парку бесшумно проплывали ярко освещенные лондонские автобусы, периодически останавливаясь, чтобы высадить веселых пассажиров. Когда Молли прижалась ближе, я почувствовал, как ее сердце бьется рядом с моим – тук-тук, тук-тук – и, как я часто делал, когда мы сидели вот так рядышком, начал болтать с ней.

– Ты хоть понимаешь, Молли, – сказал я, нежно поглаживая ее по голове, – что мы вместе уже почти целый год? – она посмотрела на меня снизу вверх и заморгала своими длинными ресницами, как бы говоря: «Правда? Вот здорово!». – Ну и приключение у нас было, а? – я улыбнулся. – Сколько прекрасных людей мы встретили и замечательных мест посмотрели!

Не обращая внимания на людей, идущих по тропинке, я начал прокручивать в памяти список имен некоторых домашних животных и клиентов, в жизни которых моя Молли сыграла такую большую роль: Тим и Расти, Маргарет и Честер, Рену и Баффи, Эдвард и Сапфир, Трин и Ньютон, Донна и Снагглз и, конечно же, Харриет и Колумб. Затем я вспомнил всех, кто поддерживал нас в нашей работе: Клэр, Роба и Марка из центра дрессировки собак, мою милую подругу Анну, моих родителей, моего сына, мою девушку…

Я взглянул на Молли и заметил, что ее веки постепенно опускаются, а дыхание становится тяжелым.

– Я что же, нагнал на вас дремоту, милая Молли? – и я улыбнулся. Вдруг я заметил, как на кончик ее носа упало что-то белое и пушистое. Потом снова и снова. Молли встряхнулась, ловко спрыгнула с моих колен и – к немалому удовольствию прохожих – принялась лаять и подпрыгивать, словно говоря всем нам: «Хватайте же снежинки, которые кружатся и летят с неба! Вот это я и называю весельем, папа! Я уже целую вечность не играла с этими белыми штуками!»

Я позволил ей носиться и выплясывать пируэты в течение добрых 15 минут – она была похожа на молодого неопытного щенка. А потом позвал ее обратно и стал нежно гладить по затылку. Она сидела на скамейке, показывая розовый язык и тяжело дыша, выпуская клубы пара.

– Да, пожалуй, пора домой, юная леди, – сказал я, стряхивая снежинки с ее шерсти и цепляя поводок. – Похоже, пробки закончились.

Когда мы снова проезжали мимо церкви Святой Троицы, я не мог отказать себе в удовольствии остановиться на мгновение и

насладиться открывшимся видом. Церковь была великолепна на фоне зимнего пейзажа, и когда я смотрел на него, а Молли стояла у моих ног, я чувствовал себя поистине благословенным. Вот я стою в моем любимом городе в волшебный вечер с моим прекрасным кокер-спаниелем. «Ты должен запечатлеть этот момент, Колин», – сказал я себе.

Так я и сделал. Я взял телефон, прижал к себе собаку, широко улыбнулся и быстро сделал селфи. Фотография вызвала у меня улыбку – два сорванца, два очень счастливых оборванца, – и я тут же переслал ее Саре: «Молли и я», – написал я.

Эпилог

Моя история началась в краю тропических лесов Малайзии и Сингапура, где мы с братом, сопровождаемые нашими верными друзьями-собаками, носились повсюду, как герои романов Редьярда Киплинга. Это были хорошие времена, полные невероятных впечатлений, и они, конечно, повлияли на мое отношение к животным.

В середине декабря 2018 года Молли раскрыла свое юбилейное сотое дело и помогла вернуться домой 74 кошкам, 6 собакам и 1 черепахе, а ведь многие из них просто погибли бы без ее помощи. Но, увы, было и 26 кошек, которых нам не удалось найти, несмотря на то что мы сделали все, что было в наших силах. Некоторые из них просто ушли, чтобы закончить свою жизнь в укромном уголке. Другие стали жертвами своего ненасытного любопытства, случайно убежали в новые места, а некоторые просто не захотели быть найденными и нашли новых хозяев или стали вести бродячий образ жизни.

Молли действительно замечательная собака, и она не перестает удивлять меня, схватывая каждое новое правило, которое я устанавливаю. Она никогда не переставала проявлять инициативу, хотя в «обязанности» служебной собаки это совсем не входит. Но ведь в конце концов мы одна команда, и, конечно, Молли заслуживает всех слов благодарности, которые я получаю. Она отлично выполняет поиски и помнит каждое место, где она нашла пропавшую кошку. Ее самое быстрое дело заняло менее 5 минут, и она недавно начала выслеживать носом тайники пропавших кошек, чему она смогла научиться во время наблюдения за собаками-биодетекторами, работающими в Академии обучения «Medical Detection Dogs».

Хотя Молли готова поделиться всем, что знает о мире, о кошках подобного сказать нельзя. У них репутация скрытных интровертов, которые часто ведут себя самым непредсказуемым образом, радуются одному дню и уходят, куда заблагорассудится, на следующий. Но как опытный детектив я знаю, как важно быть терпеливым. С каждым новым расследованием я все больше узнаю об этих якобы вороватых и хитрых существах и начинаю выявлять закономерности в их поведении. Это помогает мне понять, почему они пропадают и, самое главное, с чего начинать поиски, чтобы вернуть их домой. Мне кажется, что кошки вовсе не так уж скрытны. Несчастная кошка часто идет на серьезные меры, чтобы показать своему хозяину, чем она недовольна, и делает это задолго до того, как решится удрать из дома. Если вы замечаете,

что ваша кошка ведет себя необычно, то это потому, что она хочет, чтобы вы обратили на это внимание. Часто, вовремя отреагировав, вы избежите многих переживаний.

В заключение я хотел бы сказать, что каждый случай, который мы расследовали, остался в моей памяти, я не забыл никого из тех замечательных людей, с которыми мы работали, но их слишком много для одной книги. Но ведь дальше будет еще много дел, а кроме того, у меня уже есть планы найти нового партнера, но это уже будет совсем другая история.

Благодарности

Я посвятил эту книгу моему брату Дэвиду, который умер незадолго до своего двадцать первого дня рождения на руках у своей молодой жены Катрины. За все те годы, что он так яростно боролся с этой ужасной болезнью, я ни разу не слышал, чтобы он жаловался, он просто старался принимать все тяготы жизни и продолжал бороться, надеясь на помощь врачей. Даже сегодня, через столько лет, я чувствую, что мой брат будто бы рядом со мной, и это вдохновляет и меня всегда делать все, что в моих силах. Он никогда не сдавался, так же, как и я, и только под его руководством мне удалось завершить свой проект с Молли. Мы с ней сумели доказать, что даже когда никто не верит в тебя, можно добиться исполнения своей мечты. Единственное, чего бы мне сегодня хотелось, дорогой Дэвид, чтобы ты был рядом и увидел это.

Моим родителям я хочу сказать спасибо за то, что они дали мне возможность изучать и познавать природу Малайзии, Сингапура и Англии, за то, что показали мне, что животные – это важная часть жизни, и за то, что заставили меня работать в Королевском флоте. Кстати, мне очень жаль насчет мышей. Я знаю, что вы всегда думали, что это кошки приносят их домой.

Мой путь от полицейского офицера до частного сыщика, а потом и до детектива по розыску домашних животных дал мне бесценный опыт, и на протяжении всей книги я старался рассказать о тех людях, которые вдохновляли или поддерживали меня на этом пути. Но есть несколько человек, которые, как мне кажется, заслуживают дополнительной похвалы.

И Сэм, и Стефан покинули компанию, выбрали другие пути в жизни, но мы остаемся хорошими друзьями и всегда будем ими. Мы втроем пережили много удивительных приключений как частные сыщики, так и как детективы по розыску питомцев, и я не смог бы столько достичь без их преданности и поддержки. Я перед ними в вечном долгу.

Спасибо моей хорошей подруге и гуру зоопсихологии Анне Уэбб. Если бы не она, я бы никогда не познакомился с удивительной командой людей, которые готовят собак к медицинской службе. Доктору Клэр Гест, доктору Астрид Конча, Робу Харрису и Марку Доггетту, всем волонтерам и первой приемной семье Молли. Вы проделали огромную работу. Молли стала настоящей звездой.

Моим агентам Роуэну Лоутону и Эжени Фернисс хочу сказать спасибо за доверие и за то, что позволили мне рассказать эту

историю по-своему, а команде Фернисс и Лоутон – Рори, Рэйчел, Лиане и Люси – за вашу непростую работу по продюсированию моей книги на ее пути к читателям во всем мире. Я от всего сердца благодарю Джоан Лейк, которая внесла столько глубины и красок в мою историю и чьи терпение, советы и мастерство помогли создать действительно замечательную книгу. Спасибо Вам, дорогой Зеннор Комптон, ваш энтузиазм и энергия помогли мне сделать правильный выбор издателя, и моему редактору Шарлотте Хардман за ее проницательность и профессионализм, а также за ее способность сделать эту книгу лучше.

Моей дорогой Саре, которая была так добра и поддерживала меня в течение последних нескольких лет, за ее интуицию и мудрые советы и, самое главное, за то, что она приняла и полюбила моего славного, но такого беспокойного и озорного спаниеля.

И, конечно же, еще есть моя удивительная и очаровательная закадычная подруга Молли. Без нее все это было бы невозможно. Она безжалостно проверяет меня, всегда удивляет и никогда не подводит. Она действительно такая одна на миллион.

Наконец хочу сказать спасибо всем владельцам домашних животных, которые доверяют Молли и мне. Спасибо, что впустили нас в свою жизнь. Мы с удовольствием познакомились с каждым из вас.

Научно-популярное издание
Серия «Собаки, спасающие жизни»

12+

Колин Бутчер

МОЛЛИ и Я

Необыкновенная история о втором шансе,
или Как собака и ее хозяин стали настоящим детективным дуэтом

Перевод с английского *Людмилы Каджелашвили*

Заведующая редакцией *Юлия Данник*
Руководитель направления *Анастасия Чудова*
Ответственный редактор *Дарья Островская*
Дизайн обложки *Дмитрий Агапонов*
Технический редактор *Наталья Чернышева*
Корректор *Алена Воробьева*

Компьютерная верстка *Андрей Кирилин*

Общероссийский классификатор продукции
ОК-034—2014 (КПЕС 2008): 58.11.1 – книги, брошюры печатные

Подписано в печать 01.07.2022. Формат 60x90/16. Усл. печ. л. 25,0.

Печать офсетная. Бумага офсетная. Гарнитура Georgia
Тираж экз. Заказ № .

Изготовитель: ООО «Издательство АСТ»
Произведено в Российской Федерации
Изготовлено в 2022 году
129085, РФ, г. Москва, Звездный бульвар, д. 21, стр. 1, ком. 705, пом. I, 7 этаж
Наш электронный адрес: www.ast.ru
E-mail: ask@ast.ru

«Баспа Аста» деген ООО
129085, Мәскеу қ., Звёздный бульвары, 21-үй, 1-құрылыс, 705-бөлме, I жай, 7-қабат.
Біздің электрондық мекенжайымыз: www.ast.ru
Интернет-магазин: www.book24.kz
Интернет-дүкен: www.book24.kz
Импортер в Республику Казахстан ТОО «РДЦ-Алматы».
Қазақстан Республикасындағы импорттаушы «РДЦ-Алматы» ЖШС.
Дистрибьютор и представитель по приему претензий на продукцию в республике Казахстан: ТОО «РДЦ-Алматы»
Қазақстан Республикасында дистрибьютор және өнім бойынша арыз-талаптарды қабылдаушының өкілі
«РДЦ-Алматы» ЖШС, Алматы қ., Домбровский көш., 3«а», литер Б, офис 1.
Тел.: 8 (727) 2 51 59 89,90,91,92; Факс: 8 (727) 251 58 12, вн. 107; E-mail: RDC-Almaty@eksmo.kz
Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген. Өндірген мемлекет: Ресей

notes

Примечания

1

Перевод на шотландский язык латинского текста Гектора Бойса «*Historia Gentis Scotorum*» («История шотландского племени»).

В таких центрах собак готовят к сопровождению хронических больных, например больных диабетом и помощи им; а также учат распознавать признаки заболевания в лабораторных условиях.

З

Алан Титчмарш (Alan Titchmarsh) – британский садовый журналист, писатель. Садовник так популярен в Соединенном Королевстве, что его восковая фигура установлена в музее мадам Тюссо и, как пишет Википедия, ее приходится регулярно отмывать от следов губной помады. Не случайно один из красивейших сортов фуксии, выведенный в Великобритании в 1998 году, был назван в его честь (здесь и далее – Прим. пер.).

4

Эйс Вентýра (англ. Ace Ventura) – вымышленный персонаж, частный детектив, специализирующийся на розыске потерянных или похищенных домашних животных.

5

Бу́рма, или бурманская короткошерстная кошка, отличается мускулистым, крепким телом, короткой блестящей шерстью, большими округлыми глазами желтого цвета. Бурмы ласковы, игривы, привязаны к человеку, терпимы к соседству с другими кошками, а также с собаками. Существует два основных типа бурманских кошек – европейский и американский.

6

Black Sabbath – британская рок-группа, образованная в Бирмингеме, Англия, в 1968 году и оказавшая заметное влияние на развитие рок-музыки, прежде всего хеви-метала и дум-метала. Дебютный альбом Black Sabbath считается одним из первых хеви-метал-альбомов. 10 альбомов группы входили в первую десятку UK Albums Chart.

7

Котон-де-тулеар (фр. Coton de Tuléar) – порода миниатюрных домашних собак родом с острова Мадагаскар. Собаки обладают удивительно мягкой белой шерстью, напоминающей по своей структуре и свойствам хлопок. «Котон» (фр. Coton) с французского и означает хлопок, а Тулеар (Tuléar) – порт на Мадагаскаре, где впервые была обнаружена эта порода. Другое название – Мадагаскарский бишон.

https://www.doglost.co.uk – сайт, где пользователи могут размещать объявления о потерянных или найденных собаках.

9

«*Инспектор Морс*» (англ. «Inspector Morse») – британский детективный телесериал, основанный на серии романов писателя Колина Декстера. Выходил на британском телевидении с 1987 по 2000 год. Сержант Робби Льюис – его помощник.

10

Dog-friendly – заведения, разрешающие гостям приходить с собаками, а часто и предлагающие четвероногим клиентам свое меню: миску с водой, собачьи галеты и др.

11

Barking up the wrong tree – английская пословица, означающая «идти по ложному следу».

12

Автор использует аббревиатуру OAP (old age pensioner UK).

13

«*Скуби-Ду*» – серия мультипликационных сериалов и полнометражных мультфильмов, созданная компанией Hanna-Barbera в 1969 году, которая выходит и по сей день.

Accident and Emergency.

15

Аквареабилитация – такой тип реабилитации уже много лет широко применяется в восстановительной терапии собак. Для реабилитации собак с ортопедическими, неврологическими, послеоперационными проблемами плавание очень часто является единственным способом восстановления. Оно почти не имеет отрицательных побочных эффектов и широко используется при лечении практически всех видов нарушений функций опорно-двигательного аппарата.

16

Баттерси-парк (англ. Battersea Park) – относительно молодой лондонский парк, в котором сочетаются продуманный ландшафтный дизайн и разнообразие зон отдыха. В отличие от большинства королевских парков, ведущих свою историю от охотничьих угодий XII–XVII веков, Баттерси-парк создавался в Викторианскую эпоху. Его площадь составляет 81 гектар.

17

Королевские ботанические сады Кью (англ. Royal Botanic Gardens, Kew), или *Сады Кью* (англ. Kew Gardens) – комплекс ботанических садов и оранжерей площадью 132 гектара в юго-западной части Лондона между Ричмондом и Кью, исторический парковый ландшафт XVIII–XX веков. Сады были созданы в 1759 году. В 2009 году отмечалось 250-летие со дня их основания.

18

Хэмптон-корт (англ. Hampton Court) – дворцово-парковый ансамбль в Лондоне. Расположен на левом берегу реки Темзы, в районе Ричмонда-на-Темзе, в 18 км от центра города (до 1965 года – графство Мидлсекс). Построен около 1514 года для фаворита короля – кардинала Томаса Уолси, который в 1529 году передал дворец в дар Генриху VIII.

19

Laura Ashley (Лора Эшли) – английская марка, под которой выпускается женская одежда, обувь, аксессуары, парфюмерия, есть и небольшой выбор мужской одежды и аксессуаров. Также бренд производит товары для дома и предметы интерьера.

20

Холланд-парк – садово-парковый комплекс в центре Лондона, главными достопримечательностями которого являются сохранившаяся часть особняка Холланд-хаус, прекрасный сад Киото, летний театр «Опера» и познавательный детский Экологический центр.

21

Доклэндс (англ. London Docklands) – полуофициальное название территории к востоку и юго-востоку от центра Лондона, протянувшейся по обоим берегам Темзы восточнее Тауэра. Сегодня это относительно молодой бизнес-район Лондона, построенный на месте крупного порта.

22

«*Лесси*» – американский телесериал о приключениях колли по кличке Лесси и ее спутников – людей и животных. Сериал был создан продюсером Робертом Максвеллом и дрессировщиком Раддом Уезервоксом и демонстрировался на телеканале CBS с 12 сентября 1954 года по 24 марта 1973 года. Один из старейших телесериалов, он состоял из 19 сезонов, два последних были показаны в синдикации.

23

Three-foot hedgehog – игра слов. В английском языке омонимичны, то есть одинаково звучат и пишутся, слова «foot» – нога/ступня и «foot» – фут, мера длины. Сама единица измерения взяла свое название от слова «ступня», поскольку длина 1 фута примерно равна длине человеческой ступни (30,48 см).

24

«*Мир садовников*» – документальная передача BBC («Gardener's World») стала проводником в мир настоящего садового искусства и учит создавать и поддерживать красоту вокруг себя. Ведущий программы Монти Дон – один из самых знаменитых садоводов современности.

25

Озерный край (англ. Lake District) – горный регион в Северо-Западной Англии, графство Камбрия. Территория историко-культурной области практически совпадает с Камберлендскими горами. Край знаменит своими живописными горными и озерными ландшафтами. Крутые горы, низкие зеленые долины, загадочные озера стали вдохновением для многих поэтов и художников, включая живших здесь Уильяма Вордсворта и Беатрис Поттер.

26

Drongo (англ. «тупица») – слабоумный или глупый человек. Чаще используется в австралийском разговорном английском.

27

Евротоннель – высокоскоростная железнодорожная линия «LGV Nord Europe» с тоннелем под Ла-Маншем. Из Франции в Великобританию по тоннелю можно добраться за 2 часа 15 минут.

28

Универсал (от лат. universalis – «общий») – тип закрытого грузо-пассажирского кузова легкового автомобиля. Представляет собой вариант седана с увеличенным багажным отделением и дополнительной подъемной дверью в багажнике. В России популярен меньше, чем в Англии и США.

29

O meu deus, meu pobre bébé! – порт. «О Боже! Мой бедный малыш!».

30

Mi pequeño bébé! – порт. «Мой малыш!».

31

Брикстон (англ. Brixton) – район в южной части Лондона. Входит в состав административного района (боро) Ламбет и расположен в 6 км юго-восточнее Чаринг-Кросса. Обозначен как один из 35-ти основных центров (Major centres), включенных в План стратегии развития Лондона (англ. London Plan). Характерная черта местного населения – большое количество афроамериканцев, формирующих диверсифицированное мультикультурное сообщество.